

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2014 № 4

Главный редактор: **Печников Андрей Павлович**, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Заместитель главного редактора: **Ирошников Денис Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Алексеев Кирилл Васильевич, кандидат филологических наук, доцент (г. Рязань)

Артемьев Николай Семёнович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань)

Ветютнев Юрий Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва)

Грибов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук (г. Ярославль)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Рязань)

Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент (г. Челябинск)

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов)

Матузов Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов)

Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Саратов)

Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань)

Придворов Николай Антонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тамбов)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)

Чердаков Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Учредитель Ирошников Денис Владимирович

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77 – 41561** от 13.08.2010 г.

Выходит 1 раз в квартал

ISSN 2220-5500

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 82319

Сайт журнала: www.jur-science.com

Почтовый адрес редакции:

390044, г. Рязань, а/я 58

jur-science@mail.ru

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»

390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1

conception.rzn@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

JURIDICAL SCIENCE

Science journal

2014 № 4

Editor-in-chief: **Pechnikov Andrey Pavlovich**, associate professor, professor, honored worker of higher education of the Russian Federation.

Deputy of editor-in-chief: **Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Cand. Sc. Law, associate professor.

Editorial Board:

Alekseyev Kirill Vasilyevich, Candidate of Philology, associate professor (Ryazan)

Artemyev Nickolay Semenovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan)

Vetyutnev Yuriy Yuriyevich, Cand. Sc. Law, associate professor (Volgograd)

Vlasenko Nickolay Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation (Moscow)

Gribov Aleksandr Sergeevich, Cand. Sc. Law (Yaroslavl)

Grishko Aleksandr Yakovlevich, Doctor of legal sciences, Professor, honored worker of higher school of the Russian federation (Ryazan)

Zharov Sergey Nickolayevich, Doctor of legal sciences, associate professor (Chelyabinsk)

Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of legal sciences, Professor, honored worker of Science of the Russian Federation (Saratov)

Matuzov Nickolay Ignatyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation (Saratov)

Mesheryakova Olga Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow)

Mikhaylova Irina Aleksandrovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow)

Mordovets Aleksandr Sergeyeovich, Doctor of legal sciences, Professor, honored worker of higher school of the Russian federation (Saratov)

Pantyukhina Inga Vladimirovna, Cand. Sc. Law, associate professor (Ryazan)

Pridvorov Nickolay Antonovich, Doctor of legal sciences, Professor (Tambov)

Puzikov Rustam Vladimirovich, Cand. Sc. Law, associate professor (Tambov)

Redkous Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences (Moscow)

Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov)

Cherdakov Oleg Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow)

The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications (ROSKOMNADZOR).

Promoter: Iroshnikov Denis Vladimirovich

Media registration certificate PI № FS77 – 41561 from August the 13th, 2010.

Published once in 3 months

ISSN 2220-5500

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue “Russian Press” (index 82319).

Official web-site: www.jur-science.com

Postal address of editorial office:

Ryazan, post office box 58, postal code – 390044.

jur-science@mail.ru

Publishing house: “Conception” Co Ltd

Krupskaya Street, 17/1, Ryazan, postal code – 390044.

conception.rzn@gmail.com

In case of reprinting the publication the link to the journal is obligatory

Uncontrolled prices

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Аракелян Э.Р.

Место и роль права в современном гражданском обществе..... 5

Денисова Л.Н.

Екатерина Великая и дальнейшее развитие горной промышленности и права 8

Дудоров Т.Д.

Возникновение и развитие института уголовного преследования в российском законодательстве до реформы 1864 года 12

Иванова Ж.Б., Горбунов С.Н.,

Молчанов Б.А.

Теоретические аспекты исследования проблемы определения понятия «коренной народ» как субъекта гражданских правоотношений 16

Ирошников Д.В.

Стратегическое планирование в России в сфере национальной безопасности 21

Поляков А.И.

Деятельность негосударственных правоохранительных организаций как показатель зрелости гражданского общества..... 25

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Калашников С.В.

Проблемы формирования конституционного строя в условиях развития гражданского общества в Российской Федерации 30

Мосин С.А.

К вопросу о вариативности основополагающих конституционных установлений..... 36

Фадеев В.Н.

На пути к новой структуре федерации..... 39

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Борисов С.В.

Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации44

Глазкова Л.В.

Некоторые аспекты борьбы с криминализацией власти с помощью общественности50

Ларин В.Ю.

Пенализация оскорбления сотрудника органов внутренних дел.....53

Пантюхина И.В., Ершова А.В.

Вопросы совершенствования преступлений против здоровья личности (критический взгляд)57

Середа И.М.

К вопросу о специально-криминологических мерах профилактики незаконного предпринимательства.....60

Соловьев О.Г., Гешелин М.И.

Использование примечания в правовом регулировании ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России и Англии64

Томей Ю.С.

Проблемы «недовменения» при расследовании хищений драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации68

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Минашкин Г.Г.

Административное приостановление деятельности: проблемы применения административного наказания.....72

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО,
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

Воронина Н.П.

Гражданско-правовые «новеллы» в статусе кооперативов: *per aspera ad astra*? 78

Климова А.Н.

Понятие и значение принципов гражданского права: теоретические и практические аспекты 85

Косенко Е.В.

Обзор существенных условий контракта на поставку для государственных и муниципальных нужд 90

**ТРУДОВОЕ ПРАВО,
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Пучкова В.В.

Правовые механизмы регулирования производственной деятельности человека с целью реализации права на охрану здоровья 95

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН,
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ**

Туманова Е.В.

Теория преступления в мексиканской уголовно-правовой науке 99

Пулик А.В.

Общая характеристика системы судебной власти в Республике Польша 105

**ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО,
АГРАРНОЕ ПРАВО,
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Румянцев Ф.П., Нацвалова М.Ю.

Нужна ли вторая волна приватизации земель сельскохозяйственного назначения? 113

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Кислицына Н.Ф.

Методика преподавания курса «Международный бизнес и права человека» 116

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Парамонова А.Е.

Порочные сделки: понятие и виды 119

**РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Сивцова А.В.

Рецензия на монографию А.А. Новоселовой и Т.П. Подшивалова «Вещные иски: проблемы теории и практики» 123

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

АРАКЕЛЯН Элина Рубеновна

Аннотация. Рассматриваются и обобщаются сложившиеся представления о роли права в гражданском обществе. Предлагается авторская конструкция понятия «гражданское общество».

Annotation. The developed ideas of civil society are considered and generalized. The author's design of the concept "civil society" is offered.

Ключевые слова: идея гражданского общества, право в гражданском обществе, понятие «гражданское общество».

Key words: idea of civil society, the right in civil society, concept civil society.

Переход к информационному обществу, развитие различных форм социальной активности и демократии, процессы глобализации возродили интерес к необходимости широкого осмысления происходящих явлений в контексте гражданского общества. Безусловно, первоначальное представление последнего как «борьбы всех против всех» кануло в прошлое. Сегодня гражданское общество – продукт естественного развития человечества, выражающийся в особом характере экономических, духовных, нравственных условий жизни, способствующий свободной реализации не только частных, но и публичных интересов, достижение которых возможно только в процессе действительных социальных коммуникаций, которые строятся на основе равенства, свободы и справедливости.

Гражданское общество представляет собой самоорганизующуюся систему поведения и взаимодействия людей друг с другом, связанных общностью интересов, активностью, национальными и культурными традициями, особенностями экономики, моральными, религиозными, правовыми ценностями. При этом гражданское общество постоянно развивается, расширяются коммуникации людей, их разнообразных объединений, организаций. Не следует забывать, что нет гражданского общества вообще, в каждой стране существует свое «собственное» гражданское общество. Вместе с этим есть то общее, что позволяет определить данное понятие как систему жизнедеятельности самых различных личностей, сферу личной свободы, ограниченную только определенными социальными нормами (в первую

очередь моральными, затем правовыми). При этом для гражданского общества, как и для любой другой динамично развивающейся системы, характерно сосуществование прагматического и иррационального, закономерного и случайного, которое проявляется через деятельность личностей в процессе удовлетворения своих интересов, осуществления субъективных прав и юридических обязанностей, интересов и дарований.

Применительно к российской действительности стоит помнить, что институты гражданского общества пока еще не стали реально работающей, достаточно массовой и стабильной структурой, где учитывались бы такие ценности человека, как свобода, независимость, ответственность¹. Именно эти качества оказывают значительное влияние на общественную жизнь. Решение проблемы становления и развития гражданского общества в России требует учета опыта, истории мысли как отечественной, так и зарубежной² и в особенности регулятивного потенциала права и государства.

Не приходится доказывать, что развитие институтов гражданского общества имеет свою историю и социальное назначение. К сожалению, есть институты, которые строят свою деятельность на потакании самым низким инстинктам человека и получают от этого

¹ Струсь К.А. Гражданское общество и государство: генезис идеи и современная Россия // Новая правовая мысль. 2003. № 2. С. 7.

² Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. С. 384.

прибыль. В государственном масштабе особую значимость приобретает изучение деятельности институтов, которые иницируют социальную активность граждан, способствуют правопорядку, развитию культуры, «стабильности духовно-нравственных форм бытия индивидов»³, создают политические, правовые и нравственные условия для безопасной жизни человека, для проявления способностей и активности последнего во всех сферах жизнедеятельности. Социально полезная роль институтов гражданского общества признается и гарантируется юридическими законами, с помощью которых они выстраивают не только свои коммуникации, но и оказывают влияние на официальные органы власти, в том числе и органы судебной власти.

Отдельно стоит остановиться на связи гражданского общества с государством и правом. Самим понятием «гражданское общество» подчеркивается: 1) *привязанность к государству и праву* наличием в существующем определении слова «гражданское», родовым понятием которого выступает категория «гражданство, гражданин»; 2) *обособленность, самоорганизованность*, так как в названном словосочетании присутствует категория «общество», что подразумевает часть материального мира, включающую в себя разнообразные способы социального взаимодействия и формы объединения людей, способных создавать орудия труда и пользоваться ими. В широком понимании слова – это совокупность всех видов социального взаимодействия людей и форм организации их совместной жизнедеятельности, которые сложились исторически.

Политико-правовое естество гражданского общества было отмечено И. Кантом следующими словами: «выводить» теоретически и практически государство за пределы гражданского общества не совсем правильно, так как гражданское общество предстает как целостное явление, качественное функционирование институтов которого немисливо без взаимодействия с государством⁴. Иными словами, гражданское общество – это сфера общественных отношений, в своей основе неподконтрольная государству, но связанная с по-

следним и взаимообусловленная им. «Действуя в правовом поле и руководствуясь нормами права, ориентированными на *удовлетворение собственных интересов*, достижение свободы, справедливости, государство и институты гражданского общества взаимодействуют между собой, предопределяя *развитие* (курсив наш. – Э.А.) друг друга. Такое понимание придает гражданскому обществу статус теоретически надежной и осуществимой на практике политической и социальной конструкции»⁵.

Как показала практика, ориентированность на непризнанные в обществе ценности приводит к социальным кризисам, потрясениям, которые мы наблюдали в конце XX и начале XXI века в СССР, Китае, Африке, Грузии, Египте, Сирии и т.д. На основании этого примера очевидна взаимосвязь и взаимообусловленность политики государства от деятельности структур гражданского общества.

Приведенное нами суждение подчеркивает взаимообусловленность развития правового государства и гражданского общества. В этой связи прав Д. Кин, написав следующее: «Без надежно защищенного и независимого гражданского общества с его автономными публичными сферами такие цели, как свобода и равенство, совместное планирование и общественное принятие решений, будут лишь пустыми лозунгами. Но без выполняемых государством функций <...> гражданское общество обернется созданием гетто, разобщением и застоном или породит свои собственные формы неравенства и несвободы»⁶. Развивая это высказывание, представляется оправданным отметить, что без участия институтов гражданского общества в политико-правовой жизни немисливо прогрессивное развитие. В интересах научной достоверности проследим на практике названную специфическую черту.

Как известно, важнейшим условием для гражданского общества является существование свободных, равноправных и активно действующих индивидов, объединяющихся в коллективы для удовлетворения интересов. Данное обстоятельство предполагает деятельность

³ Гобозов И.А. Социальная философия. М., 2007. С. 354.

⁴ Спиркин А.Г. Философия : учеб. М. : Гардарики, 2000. С. 151.

⁵ Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2005. С. 20 ; Он же. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 48.

⁶ Кин Д. Демократия и гражданское общество / пер. с англ., послесл. М.А. Абрамова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 50.

индивидов в публичной, а та в свою очередь в политической сфере, где они, подчиняясь собственным желанием, капризам, руководствуясь экономическими и духовными потребностями, стремятся к достижению эгоистических или общественных целей путем взаимодействия между собой и структурами государства. Возможность участия в политической жизни помогает творческой, инициативной самоопределяющейся индивидуальности выдвигать и реализовывать собственные интересы, согласовывая с общественными. Данное обстоятельство выступает источником развития в различных секторах жизни. В этой связи прав Д. Кин, указав, что «гражданское общество становится для политической власти вечным бельмом на глазу»⁷.

Подвергнув более глубокому анализу политическое измерение гражданского общества, следует отметить, что его политическая природа представлена в деятельности, связанной с отношениями между социальными группами, сутью которых является определение форм, задач и содержания деятельности структур самого общества и государства. В качестве субъектов гражданского общества в данных отношениях выступают граждане, политизированные общественные объединения (куда входят и политические партии), социальные институты⁸.

Развитая политическая система, выступая механизмом таких отношений, призвана не только отражать разные общественные интересы, но и давать им возможность избежать прямого столкновения, гражданской войны, заменяя традиционную междоусобицу гражданским миром и согласием. Безусловно, основу гражданского общества составляют и другие формы общественных отношений. Однако, на наш взгляд, именно сфера политического участия фактически обеспечивает самоорганизацию данного института.

Особое значение для юриспруденции приобретает анализ правовых оснований граж-

данского общества. Современные авторы часто игнорируют, что названное общество выступает предпосылкой (основанием) права, как и всех социальных явлений. Право является моментом, стороной такого общества, но в то же время оказывает обратное воздействие на общество⁹. Правом закрепляются основы социума, в том числе появляющиеся в нем ростки социально полезных форм общественных отношений, так как правовые нормы – это такие нормы, которые нормируют социально-значимые, объективно наиболее важные образцы поведения, являющиеся конститутивными для социума.

В заключение сделаем вывод о том, что гражданское общество является идеально-реальным (идеально направляемым и реально существующим) образованием. Как идеальная сфера оно представлено совокупностью идей, представлений, традиций, норм, ценностей, интересов, опосредующих взаимодействие системных и жизненных начал социального мира, налагающих культурные, нравственные ограничения на их деятельностное проявление. Как реальный феномен оно выступает в виде внешне выраженной структуры действий или отношений, ориентированных на поддержание устойчивого равновесия между ними. Такое «сцепление» образует новую систему, соединяющую экономику, право и нравственность в единый комплекс, именуемый гражданственностью.

Полагаясь на имеющиеся наработки в области конструирования юридических понятий, представляется вполне разумным предложить следующую дефиницию гражданского общества¹⁰.

Гражданское общество – это совокупность негосударственных структур, институтов, обеспечивающих коммуникации в политической, экономической, правовой, семейной, культурной, духовной жизни с целью удовлетворения потребностей человека.

⁷ Кин Д. Указ. соч. С. 51.

⁸ Струсь К.А. Элементы гражданского общества // Вопросы современной юриспруденции : материалы XXVII междунар. заоч. науч.-практ. конф. (31 июля 2013 г.). Новосибирск : Изд-во «СибАК», 2013. С. 137.

⁹ Струсь К.А. Специфика правовой политики в сфере формирования гражданского общества // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. 2009. № 4. С. 48.

¹⁰ Струсь К.А. Категория «правовые основы»: переход от абстрактного к конкретному // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. Серия: Юридические науки. 2011. № 3. С. 82.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРАВА

ДЕНИСОВА Любовь Николаевна

Аннотация. Статья посвящена развитию горной промышленности и горного права в Российской империи в период правления Екатерины Второй. Манифест 1782 года изменил основы государственного регулирования горной промышленности и ввел частную собственность на землю и недра.

Annotation. Article is devoted to the development of the mining industry and mining law in the Russian Empire during the reign of Catherine the Great. The year 1782 manifesto changed the basis for State regulation of the industry and introduced private ownership of land and mineral resources.

Ключевые слова: горное право, горная промышленность, Манифест 1782 года, частная собственность на землю и недра.

Key words: mining right, mining manifesto of 1782, the private ownership of land and mineral resources.

Право делать то, что законы позволяют.
Екатерина Великая
Соборное Уложение (1767)

Екатерина Вторая (1762–1796) взошла на престол 28 июня 1762 года. Этот период российской истории принято называть «просвещенным абсолютизмом». Как просвещенный монарх императрица считала, что благо народа обеспечивается законами, изданными монархом. «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать, следовательно, надобно, чтобы все люди оные разуметь могли», – утверждала Екатерина Вторая и каждый год своего царствования издавала в среднем по 12 законодательных актов в год, а в первые годы правления – по 22 акта в месяц¹.

Энергичная законодательная политика и меры по подъему экономики способствовали росту могущества Российской империи. Быстрыми темпами развивалась промышленность, прежде всего горная, набирало ускорение и нефтяное дело.

В Урало-Поволжском крае о нефтяных источниках известно издавна. Маслянистые пятна на водоемах, пузырьки газа подсказывали «охочим людям» о природных богатствах их местности. Использование нефти в основ-

ном сосредотачивалось на лечении болезней да в качестве смазки колес и других механизмов хозяйственного назначения. Но загадочные свойства нефти и поиски новых возможностей ее применения заставляли ученых, исследователей, первопроходцев и просто местных жителей находить и изучать эти природные богатства. В XVIII веке академик П.С. Паллас отмечал, что в Закамье «...живущие Чувашие и Татара употребляют сию смолистую воду не токмо для полоскания и питья во время молошницы во рту и чирьев в горле, но и рачительно собирают саму нефть и употребляют оную во многих случаях как домашнее лекарство».

Первое сохранившееся упоминание о «казанской нефти» относится к 1637 году в делах Пушкарского приказа, ведавшего и нефтяными запасами. Местом ее добычи предположительно были берега рек Шешмы, Сок, Зай и Ик. В 1703 году газета «Ведомости» сообщила о наличии на севере Сок «много нефти». Выходец из знатного татарского рода старшина Надир Уразметов «отыскал путопорожную землю между уездами Казанским и Уфимским по рекам Заю, Шешме и Черемшану» и обратился в 1729 году в Сенат с просьбой утвердить эти земли за ним. С 1735 года данная территория получила название «Надировой волости». В 1753 году Надир Уразметов обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить построить нефтяной завод на реке Сок, для чего прислал образцы нефти. Разрешение было получено. В 1768 году П.С. Паллас, путешествуя по реке Сок, видел «завод при вершине Ка-

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. М.: Проспект, 1998. С. 174.

мышлы». Уразметов намеревался собирать местный асфальт и «делать из него нефть». Строительство завода прекратилось в связи с болезнью предпринимателя.

Однако Берг-коллегия направила в Закамье для осмотра месторождений топограф П. Зубринского, который обнаружил «самое большое число нефти» и нанес ее источники на карту. Его отчет считается первым картографическим свидетельством наличия нефти в Закамье.

В это же время «рудных дел охотник» Яков Шаханин обратил внимание Берг-коллегии на возможную нефтеносность правобережья Волги в Казанской и Самарской губерниях, в частности Сюкеевских нефтяных источников. Он прислал образцы нефти для проведения анализа. Несмотря на то что присланная им нефть оказалась водой с некоторым содержанием нефти, «ее можно в лампадах вместо светильни употреблять, ежели самые тонкие и легкие ее частицы через дистилляцию отделять, то она почти таковая будет, какова бывает персидская нефть».

В середине XVIII века в Бугульминском и Уфимском уездах было организовано так называемое нефтяное производство графа С.П. Ягужинского, владевшего двумя нефтяными источниками. Его промыслы представляли собой вырытые ямы, куда стекала нефть. Собранную таким образом и отстоявшуюся, ее отправляли гужевым или водным транспортом в города.

В 1734 году была организована Оренбургская экспедиция по изучению полезных ископаемых Волго-Уральского края. Ее возглавил первый член-корреспондент Петербургской академии наук Петр Иванович Рычков (1712–1777). Впервые было сделано научное описание нефтеносных месторождений Восточного Закамья в его труде «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым» (1755). В «Топографии Оренбургской...» указывалось на различные нефтепроявления на реке Сок и в других местах. Труд Рычкова по изучению Урало-Поволжья продолжили И.И. Лепехин, П.С. Паллас, И.П. Фальк². Данные исследова-

ния заложили основу для систематического изучения природных богатств этого региона.

В 1792 году по повелению Екатерины Второй на Кубань и Таманский полуостров переселяются черноморские казаки, бывшие запорожцы. Незадолго до этого сюда был направлен премьер-майор М. Гулик. Он составил справку, в которой впервые упоминается о месторождении нефти на Кубани: «...после переправы с Керчи через гирло на южную косу от оной косы вправо над Черным морем и Кубанским лиманом <...> соленое озеро, близ оного на горе во многих местах идет деготь: <...> за версту над Кубанским лиманом на горе ханская крепость, а пониже оной горы идет нефть. За двадцать верст некрасовское пустое селение, где редут Каракрльник, и близ оных есть нефть»³.

Летом 1792 года для осмотра нефтяных источников в Крым и на Тамань прибыл капитан А. Клобуков. Вскоре последовало его сообщение, что вместе с керченской нефтью он выслал «бочонок кубанский с Кишла 3 пуда 20 фунтов, бочонок кубанский с Бугаса 1 пуд 30 фунтов, бочонок кубанский дунаканской 5 пудов» нефти с Тамани⁴. Казаки применяли нефть в качестве смазочного материала для колес, заменяя деготь. Добыча велась ими из колодцев в местах выхода нефти на поверхность либо из открытых источников. Так функционировали нефтяные промыслы Кубани.

Энергичная законодательная политика Екатерины Второй не оставила без внимания горное дело. В честь 20-летия восшествия на престол, 28 июня 1782 года, императрица подписывает Манифест, радикально изменивший основы горного права⁵. Закон состоит из 17 статей по аналогии с Петровским Указом 1719 года.

В первой статье отменялась исключительная собственность государства на недра, то есть установленная Петром Великим горная регалия: «Право полной частной собственности объемлет не одну поверхность земли, но и самое ее недра».

³ Цит. по: Стрелков А.В. Указ. соч. С. 21.

⁴ Стрелков А.В. Указ. соч. С. 22.

⁵ Манифест Екатерины Второй. 1782 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Тип. Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VIII. № 15447.

² Стрелков А.В. История нефтяной и газовой промышленности России. Регионально-отраслевой аспект : учеб. пособие. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 33–35.

Во второй статье подтверждается право каждого добывать и обрабатывать полезные ископаемые, но только уже на собственных землях. Таким образом, было объединено право собственности на недра и на поверхность земли, под которыми они находятся.

В третьей статье предоставлялась возможность передачи по добровольному согласию «права искать руду в землях, ему принадлежащих, и для обработки оных основать завод, или же пригласить себе в товарищество других, заключая с ними договор для общего производства сего полезного дела».

Помещик или хозяин земли мог привозить руду на государственные заводы по добровольному соглашению о цене с казенными палатами (ст. 4).

По ст. 6 разрешалась внутренняя свободная продажа золота и серебра государству или другому лицу, можно было распорядиться этими металлами по своему усмотрению, а любое притеснение запрещалось.

Статья 8 подтверждала величину налога с выплавляемого частными лицами золота и серебра: «Каждый помещик, или хозяин, или содержатель завода обязан в казну нашу платить ежегодно десятую долю из сих выплавляемых им металлов».

Статья 10 закрепляла право свободного вывоза за границу селитры, лишь при оплате ее пошлины в таможах по шестидесяти копеек с каждого пуда.

Статья 12 предоставляла право свободной продажи и вывоза за границу «всяких камней с платежом по тарифам, не исключая из того самых драгоценных».

Статьи 13 и 14 устанавливали запрет требовать для строительства заводов более земли и лесов, нежели заводчик имеет, или же ему по договору отведено. Статья 15 содержит гарантии об охране промыслов от принуждения, притеснения и монополии «под опасением гнева Нашего за небрежение и попущение». Статья 16 содержит гарантии неприкосновенности частной собственности. Статья 17 отменяла все ранее действующие законы, касающиеся горного права⁶.

Таким образом, можно выделить следующие изменения правовой основы пользова-

ния недрами, осуществленные Манифестом 1782 года.

Во-первых, право собственности на недра, их ресурсы и право собственности на поверхность земли сливаются вместе. Следовательно, российская доктрина права недропользования отбрасывается назад, и весьма значительно. Ведь в России уже был поставлен и успешно решался вопрос об их разграничении – один из основных вопросов цивилизованного и развитого горного права. Соответственно мы сделали шаг назад и в постановке, и в решении вопроса о собственнике недр. Им по Манифесту на частных землях были признаны помещики. Казна добровольно уступилась от владения, пользования и распоряжения неисчерпаемыми богатствами недр России, хотя только на частных землях. Однако этим горная регалия, отражающая полновластие монарха, была поставлена под сомнение. При этом исключительные права государства на недра не провозглашались.

Во-вторых, в отношении частных земель принцип горной свободы отменялся. Разрабатывать участки недр на них без согласия помещика стало невозможно. Отказ от принципа горной свободы, установленного Петром Первым и признанного в странах Европы уже в то время значительно замедлил развитие горного права и горного дела в России.

В-третьих, правовое регулирование пользования недрами на государственных (казенных) землях также изменилось, при этом принцип горной свободы и на них был ограничен. Правила об отдаче казенных лесов и земель за определенную плату для горного дела отменяются (ст. 5, 13, 14), и, следовательно, появляется необходимость заключения договора, добровольного со стороны местной администрации и разработчика недр. Таким образом, право первооткрывателя на разработку открытого месторождения, вытекающее из принципа горной свободы, становится фикцией. Получение права на разработку месторождения теперь напрямую зависит от администрации.

Начала Манифеста 1782 года продолжали действовать практически до самого конца Российской империи, так как были восприняты и Уставом горным Российской империи.

Статьи вторая и третья Манифеста Екатерины II неизменно вошли в состав Устава гор-

⁶ Манифест Екатерины Второй...

ного Российской империи 1893 года (ст. 194 и 195)⁷.

На основании Высочайшего указа от 21 октября 1773 года в Санкт-Петербурге учредили Горное училище⁸ (впоследствии Горный кадетский корпус, Санкт-Петербургский горный институт) – второе в мире высшее горнотехническое учебное заведение. Первой была основана Фрайбергская горная академия в Германии, где учился Михаил Ломоносов. Горное училище положило начало подготовке инженерно-технических кадров для горнодобывающей промышленности в России. Студентами могли быть представители разных сословий: дворяне и разночинцы, которые обучались 3–3,5 года. На основании Именного указа от 4 декабря 1784 года только по разрешению Сената они могли выезжать за границу. Первым директором Горного училища стал Президент Берг-коллегии, опытный минеролог и металлург, Михаил Фёдорович Соймонов⁹.

В 1782 году Берг-коллегию ликвидировали. В 1783 году управление горнорудной промышленностью было передано на места, губернским казенным палатам. По именному Указу Екатерины Второй от 23 мая 1783 года была образована экспедиция для горных дел (Горная экспедиция)¹⁰, исполняющая функции центрального органа, куда поступали сведения с мест. На экспедицию горных дел был возложен контроль за работой заводов, а также за своевременностью и полнотой доходов в пользу государства от этих заводов.

Положение Манифеста от 28 июня 1782 года о праве полной частной собственности на землю и недра оставляло возможность разработки природных богатств на усмотрение владельца. Поскольку законодательных рычагов влияния на нерадивых собственников не было предусмотрено, уже через десять лет, в 1792 году, Екатерина II издала указ, по которому «в случае открытия в недрах земель казачьих войск Астраханского, Терского, Оренбургского и Сибирского благородных металлов и минералов такие земли обращаются в казну за установленное вознаграждение». Позже подобные ограничения были введены по отношению Царства Польского и других территорий Российской империи¹¹. Государство быстро осваивало месторождения и строило заводы. Еще в 1775 году был издан манифест о свободе предпринимательства, разрешивший крестьянам заниматься промышленной деятельностью. Появилась категория так называемых капиталистских крестьян¹².

В конце XVIII века в Российской империи действовало 167 горных заводов, где работало 80 тыс. рабочих и свыше 2-х тыс. предприятий обрабатывающей промышленности с 80-ю тыс. рабочих¹³.

Россия обязана Екатерине Великой расширением границ Российской империи, государственными реформами, подъемом экономики и развитием горного законодательства, основы которого остались неизменными вплоть до 1917 года.

⁷ Устав горный Российской империи. Факсимильное издание. М. : Ин-т компьютер. исслед., 2004. Ст. 193, 194.

⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Тип. Второго отд-ния собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 19 : 1770–1774 гг. С. 837–843.

⁹ Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору: К 290-летию горного надзора в России / под общ. ред. Н.Г. Кутьина. М. : Науч.-техн. центр исслед. проблем промышлен. безопасности, 2009. С. 46.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 21 : 1781–1783 гг. (собр. 1). Кн. 3. № 15740.

¹¹ Перчик А.И. Горное право. М. : Филология три, 2002. С. 67.

¹² Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Указ. соч. С. 171.

¹³ История России с древнейших времен до наших дней / под ред М.П. Зуева. М. : Высшая школа, 1997. С. 179.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДО РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

ДУДОРОВ Тимофей Дмитриевич

Аннотация. Автор в статье, на основе изучения обширной библиографии, анализирует ретроспективу зарождения и развития института уголовного преследования, используя периодизацию принятия знаковых уголовно-процессуальных актов на определенном историческом отрезке развития государства, а также делает некоторые обобщающие выводы о реформировании судопроизводства в связи с коренными преобразованиями в системе уголовной юстиции.

Annotation. The author in the article on the basis of the study of extensive bibliography analyzes the retrospective of origin and development of the institute of criminal pursuit, using periodization of the adoption of sign criminal procedure reports in the specific historical section of the development of state, and also it makes of some generalizing conclusions about the reformation legal procedures in connection with global change in the system of criminal justice.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовная юстиция, уголовное преследование, процессуальная деятельность, частноискровой процесс.

Key words: criminal procedure, criminal trial, criminal justice, criminal pursuit, processual activity, the particular-claim process.

Исследование теоретических основ реализации института уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе представляется нам невозможным без обращения к историческому прошлому. Необходимо констатировать наличие прямой зависимости между правовой регламентацией деятельности стороны обвинения в российском уголовном судопроизводстве и господствующими политическими идеями, которыми руководствуется государство на определенном историческом отрезке своего развития. Именно такая зависимость, на наш взгляд, и обуславливает особую подвижность уголовно-процессуального законодательства, которая определяет общий характер уголовной юстиции. Становление и развитие государственности в России стало основным фактором в детерминации форм и способов реализации уголовного преследования. В этой связи считаем необходимым проанализировать историческую ретроспективу реформирования указанного института, используя периодизацию, основой которой является принятие знаковых уголовно-процессуальных актов, отражающих революционные и эволюционные изменения государственного и общественного строя России. К таковым мы относим: Устав уголовного судопроизводства 1864 года; Декрет СНК РСФСР

«О суде № 1»; УПК РФ 2001 года, выделяя соответственно три последовательных этапа становления и развития института уголовного преследования.

Первый этап, начало которого принято связывать с Русской Правдой, характеризуется частноискровым характером уголовного процесса. Согласно этому документу уголовное дело возбуждалось только по жалобе или челобитной потерпевшего, его семьи или рода. Стороны (обвинитель и обвиняемый) имели равные права и носили статус истца и ответчика соответственно; судопроизводство было гласным и устным; значительную роль в системе доказательств играли «ордалии», присяга и жребий. Например, согласно ст. 21 Пространной редакции Русской Правды (ПП) «если ответчик станет искать свидетелей и не найдет, а истец поддерживает обвинение в убийстве, тогда решать их дело посредством испытания железом»¹. Процесс производства по челобитной потерпевшего представлял собой ряд формальных действий, обязанность совершения которых возлагалась на стороны. Так, «если кто без явки на торгу отыщет что-либо

¹ Цит. по: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 580–586.

у него пропавшее или украденное – коня, одежду или скотину, – то нельзя сказать «это мое», а надо заявить ответчику – «иди на очную ставку, объяви, у кого взял, с тем и стань с очей на очи. Кто не оправдается, на того и падает ответственность за воровство; тогда истец возьмет свое, а виноватый ему платит и за то, что тот потерпел вследствие пропажи» (ст. 35 ПП). Русская Правда по своей сути является кодексом частного права, поскольку она определяет преступление не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обиду», то есть нарушение субъективных прав конкретного лица. Отсюда – своеобразие судебного процесса, его исковой характер, который предопределял и особенности обвинительной деятельности. Она не выделялась организационно и являлась продолжением многообразных групповых отношений; оказывалась востребованной только тогда, когда возникал социальный конфликт внутри рода и создавал угрозу всему обществу; роль посредника играл наиболее опытный и авторитетный член общины или коллективный орган². Право на обвинение могло принадлежать только тому, кому вред непосредственно был причинен. В этом смысле обвинение проистекает из личного права индивида на самосохранение, и в силу этого не может быть общественным или государственным, а только индивидуальным и строго персонифицированным³.

Дальнейшее укрепление государственности на Руси сказалось и на развитии права. Расслоение общества на классы, необходимость усиления борьбы с преступностью явились предпосылками к выделению уголовного преследования в самостоятельное направление государственной деятельности и развитию его форм, методов и способов. Были приняты Новгородская и Псковская судные грамоты. По сохранившемуся фрагменту Новгородской судной грамоты можно судить о некоторых изменениях в системе судоустройства. Органы публичной власти (купеческие и цеховые корпорации), а также должностные лица (дьяки, писцы, приставы) наделялись полномочиями по осуществлению правосудия. Уголовный процесс по-прежнему носил состязательный

характер, однако заметно усилилась роль суда: «И судьям псковским и посадникам погородским и старостам пригородским по тому ж крест целовать на том, што им судити право по крестному целованию...» (ст. 77 Псковской судной грамоты)⁴. В системе доказательств появляются новые – судебный поединок и письменные доказательства. Впервые Псковская судная грамота упоминает институт представительства по уголовным делам, которым могли воспользоваться женщины, подростки, монахи и старые люди: «А на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжникома, а пособников бы не было ни с одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черныца или за черницу, или которой человек стар вели или глух, ино за тех пособику быти ...» (ст. 58 Псковской судной грамоты). Помимо общего порядка судопроизводства, носившего характер частного иска, уже появляется и постепенно развивается сыскное производство, вначале как исключение из правила по делам о преступлениях против князя («измене»).

Наиболее отчетливо тенденция к замене частноискового процесса розыскным прослеживается в период феодальной раздробленности на Руси. По Соборному уложению 1649 года судебное право было выделено как совокупность норм, регламентирующих две формы уголовного процесса: «суд» и «розыск». Глава 10 Соборного Уложения содержит процедуру общего порядка судебного разбирательства, сохранившего состязательную форму: оно по-прежнему начиналось по жалобе (челобитной) потерпевшего; стороны имели равные процессуальные возможности доказывания своей правоты, при этом существенно расширился перечень доказательств (свидетельские показания, документы, крестное целование, жребий). Судоговорение осуществлялось устно, но протоколировалось в «судебном списке». Каждая стадия уголовного процесса оформлялась отдельной грамотой. По уголовным делам о преступлениях, представляющих особый государственный интерес, проводилась розыскная форма уголовного процесса. Поводом к возбуждению производства оставалась жалоба потерпевшего, однако она уже не являлась единственным основанием производства

² См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1. С. 24.

³ См.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. С. 11.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. С. 54.

«сыска». Любое лицо, обнаружившее факт совершения преступления, могло обратиться к государственным органам (судебным приставам). После подачи жалобы истец утрачивал право на активное участие в судебном процессе, инициатива переходила к органам публичной власти, проводившим дознание. Вся деятельность судебных приставов по собиранию доказательств сводилась к допросу подозреваемого и свидетелей. В случае противоречивости показаний применялась пытка.

С течением времени розыскная форма уголовного процесса полностью вытесняет частноисковую. «...Вместо судов и очных ставок по челобтью всяких чинов людей в обидах и в разореньях чинить розыск в брани и в бесчестье ...»⁵. Общим правилом становится возбуждение уголовного преследования при отсутствии истца. Начинается период «инквизиционного» уголовного процесса. Наиболее интересным с точки зрения его сущности представляется «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», принятое в 1715 году⁶. Впервые указанный нормативный документ дает официальное толкование понятия «судебный процесс», определяя его как «...дело судимое, через который случающиеся тяжбные дела основательным представлением и из обстоятельств дел обретенных доказов явны сочиняются, и потом от судей, по изобретению оных притчин, решение чинится» (ст. 1 гл. 2). Думается, что в приведенном определении уже заложены предпосылки для нивелирования значимости частного начала как основной движущей силы уголовного процесса. Усмотрение сторон относительно возбуждения и прекращения уголовного преследования было сведено к минимуму – жалоба потерпевшего все еще являлась поводом к возбуждению производства, однако она утрачивала свое прежнее значение основного источника доказательственной информации, определявшего объем обвинения. Ответчик мог либо признать себя виновным, либо отказаться от признания, указав на новые обстоятельства, подлежащие судебному установлению. В последнем случае

начинался «судебный розыск», состоящий из анализа судом доказательств. В соответствии со ст. 6 гл. 1 ч. 2 «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» официально признавалось только четыре вида доказательств: «...через своевольное признание; через свидетелей; через письменные доводы; через присягу». Предпочтение отдавалось собственному признанию, которое приобретает статус «царицы доказательств», поскольку не требует дальнейшего подтверждения и не оценивается в совокупности с иными имеющимися по делу доказательствами («Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда далняго доказу не требует, понеже собственное признание есть лутчее свидетельство всего света» – ст. 1 гл. 2 ч. 2). Господствующей становится формальная теория доказательств: ценность каждого из них считается заранее установленной и неизменной.

В нашем сегодняшнем понимании уголовное преследование, начиная с XVIII века, осуществляется полицией, губернскими и уездными начальниками, чиновниками, специально назначенными для этого императором. В т. XV ст. 882 Свода законов Российской империи 1832 года уголовное преследование именуется термином «обличение», под которым понимается «изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и собирание доказательств к открытию и обличению виновного»⁷. Указанный нормативный акт предусматривал поводы к началу уголовного преследования, к числу которых относились: 1) извещение известного лица следователю или суду об учинившемся преступлении; 2) жалоба; 3) донос (явное обвинение кого-либо в преступлении); 4) доношение прокуроров и стряпчих; 5) явка с повинной (ст. 34 кн. II т. XV Свода законов).

Необходимо отметить, что уже в середине XVIII века система полицейского расследования перестала удовлетворять интересам государственной власти, что предопределило появление попыток его реформирования, нашедших отражение в создании института судебных следователей, учрежденного Указом императора Александра II от 8 июня 1860 года «Об отделении следственной части от поли-

⁵ Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // Полное собрание законодательства. Т. 3. Ст. 1572.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 408–425.

⁷ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве России. М., 2001. С. 121.

ции». Целью издания названного Указа было отделение следственной деятельности от деятельности по охране правопорядка, хотя за полицией оставалось расследование «маловажных» преступлений, а также дознание о происшествиях, которые находились в прямой связи с «важными» преступлениями и проступками. Многие исследователи рассматривают реформирование органов уголовной юстиции 1860 года как первый шаг к масштабной реформе всего уголовного судопроизводства, поскольку позднее в Уставе уголовного судопроизводства институт судебных следователей был воспроизведен практически без изменений⁸.

Именно к этому периоду относится и одна из первых попыток научной трактовки содержания дефиниции «уголовное преследование», предпринятая Я.И. Барышевым в 1841 году. Автор теоретического курса «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» описывал сущность уголовного преследования через определение цели уголовного судопроизводства, которая, по его мнению, состоит в том, «чтобы, собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины или невинности обвиняемого в каком-либо преступлении лица, признать его невинным или достойным известного наказания»⁹. Полагаем, что, являясь стержнем уголовного процесса, уголовное преследование

действительно отражает его цель. В силу этого, считаем возможным не согласиться с утверждением Р.В. Мазюка о том, что об институте уголовного преследования в рассматриваемый нами период не имеет смысла говорить, поскольку «как самостоятельная процессуальная деятельность он мог возникнуть исключительно в рамках функции обвинения, отделение которой от функции разрешения уголовного дела является существенным признаком составительского типа уголовного судопроизводства, который берет в России свое начало с 1864 года»¹⁰. Уголовное преследование как вид процессуальной деятельности зарождается и развивается вместе с уголовным процессом, отражая характер происходящих в нем эволюционных изменений. История развития уголовного процесса до 1864 года свидетельствует, что первоначально в нем господствовало частное начало. Усмотрение сторон и формализм разбирательства были его характерными чертами. Только по мере развития и укрепления государства, его централизации публичное обвинение постепенно заняло господствующее положение в уголовном процессе. Одновременно и наказание перестало быть актом частного удовлетворения и стало функцией государства. При постепенном переходе от частного искомого к розыскному процессу, который затем трансформировался в инквизиционный, изменялось и содержание обвинительной деятельности.

⁸ Кучин А.Ф. Пути оптимального подхода реформирования обвинительной власти с учетом имеющихся наработок // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 91.

⁹ Барышев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 66.

¹⁰ Мазю Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 15.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОРЕННОЙ НАРОД» КАК СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

ИВАНОВА Жанна Борисовна
ГОРБУНОВ Станислав Николаевич
МОЛЧАНОВ Борис Алексеевич

Аннотация. Статья посвящена раскрытию особенностей исторического развития коренных народов, этнической самобытности, уникальности культурных традиций и генотипической зависимости от изменений в среде обитания, выработке единого определения понятия «коренной народ». Проанализированы международно-правовые акты, доктринальные толкования, определяющие носителей понятия «коренной народ», их правовой статус в различных государствах. В заключении отмечено, что в настоящее время в международном праве существует целый ряд универсальных и специальных актов, определяющих статус коренных народов.

Annotation. The article is devoted to the disclosure of the features of the historical development of indigenous peoples, ethnic identity, cultural traditions and unique genotypic response to changes in the environment, the development of a common definition of "indigenous people". Analyzed the international legal instruments, doctrinal interpretations that define media concept of "indigenous people", their legal status in different countries. In conclusion, now in international law, there are a number of universal and specific acts determining the status of indigenous peoples.

Ключевые слова: коренной народ, статус коренного населения, Конвенция МОТ, декларация о расе, Устав ООН, Всемирный совет коренных народов, расизм.

Key words: indigenous people, the status of indigenous peoples, ILO Convention Declaration on Race, the Charter of the United Nations, the World Council of Indigenous Peoples, racism.

Интерес к коренным народам всегда существовал в целом ряде отраслей науки. Их проблемам посвящено множество социально-демографических исследований историков, этнографов, искусствоведов, врачей об особенностях их исторического развития, этнической самобытности, уникальности культурных традиций и генотипической зависимости от изменений в среде обитания. Однако при этом задача выработки единого определения понятия «коренной народ» не стояла. Рассматривая проблему содержания данного понятия, следует отметить, что оно всегда определялось и толковалось по-разному, а в международно-правовой литературе впервые появилось в 1921 году с проведением международной организацией труда (далее – МОТ) исследования по проблемам «трудящихся коренного населения».

На основании п. б ст. 2 Конвенции МОТ «О регламентации некоторых особых систем вербовки трудящихся» № 50 1936 года, п. А. ст. 1 Конвенции МОТ «О трудовых договорах трудящихся коренного населения» № 64 1939 года, п. А. ст. 1 Конвенции МОТ «О мак-

симальной продолжительности трудовых договоров работников коренного населения» № 86 1947 года можно сделать вывод о том, что под коренным населением здесь подразумевается местное население, аборигены колониальных владений «цивилизованных государств», поскольку в первых двух документах термин «работники из коренного населения» означает работников, «принадлежащих или приравненных к коренному населению на зависимых территориях Членов Организации, а также работников, принадлежащих или приравненных к зависимому коренному населению в метрополиях Членов Организации», а в последнем «работник» означает «работника коренного населения, ...принадлежащего к коренному населению территории, не относящейся к метрополии, или приравненного к этому населению»¹.

¹ Международная организация труда – конвенции и рекомендации, принятые Международной конфедерацией труда, 1919–1966. Женева : Международное бюро труда, 1983. С. 380–382.

Словом, до принятия в 1957 году Конвенции МОТ «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых государствах» № 107 (в дальнейшем она будет упоминаться как Конвенция № 107), термин «коренные народы» в международно-правовых документах отсутствовал, как и отсутствовало определение данного понятия, следовательно, он толковался по-разному и часто получал различную интерпретацию.

Согласно ст. 1 Конвенции № 107 она применяется:

«1. а) к лицам, входящим в состав населения, ведущего племенной или полуплеменной образ жизни в независимых странах, и находящимся на менее высокой социально-экономической стадии развития, чем остальная часть населения государства, и правовое положение которых регулируется частично или полностью их собственными обычаями, традициями или же особым законодательством;

б) к лицам, входящим в состав населения, ведущего племенной или полуплеменной образ жизни в независимых странах, и рассматриваемым как коренное население ввиду того, что они являются потомками жителей, населявших страну или географическую область, частью которой является эта страна, во времена ее завоевания или колонизации, и независимо от своего правового положения, ведущие образ жизни, более соответствующий социально-экономическому и культурному строю тех времен, чем строю страны, в состав которой они входят.

2. В целях настоящей Конвенции выражение «полуплеменной» охватывает группы или лица, которые, хотя они близки к утрате своих племенных особенностей, еще не интегрированы в общегосударственный коллектив»². В последующем Конвенция № 107 подверглась частичному пересмотру, и на ее базе в 1989 году в рамках МОТ была принята Конвенция «О коренных и племенных народах в независимых странах» № 169 (в дальнейшем она упоминается как Конвенция № 169). В ней содержалось иное определение коренных народов:

«Настоящая Конвенция распространяется:

а) на народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями, или традициями, или специальным законодательством;

б) на народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания, или колонизации, или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые, или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты»³.

В международном праве нет официально утвержденного определения понятия «народ». Статьи 1, 55 и 73 Устава ООН и ст. 1 обоих пактов о правах человека 1966 года связывают понятие «народ» с правом на самоопределение, которое относится не к каждой группе. Конвенция МОТ № 169, а также Африканская хартия прав человека и народов⁴, принятая 26 июня 1981 года в Найроби, используют этот термин, не объясняя его.

По мнению профессора Ван Дайка, народы (группы) – это коллективные образования, «которые существуют как единое целое, а не просто собрание индивидов». «Должно присутствовать ощущение принадлежности друг к другу, самоощущение «мы – они», чувство солидарности в отношениях с окружением, ощущение общего наследства и общей судьбы, отличной от судьбы и наследства других». В такой ситуации индивид будет объектом защиты, но в ее основе должна лежать его принадлежность к какой-то группе, именно это вызывает нарушение его прав и необходимость защиты. Данные группы имеют длительный и устойчивый характер в отличие от других, в которых принадлежность носит временный характер и может быть легко изменена (например, лица без гражданства, военноплен-

² Международная защита прав и свобод человека : сб. док. / сост. Г.М. Мелков. М., 1990. С. 278–279.

³ Международные акты о правах человека : сб. док. М., 1998. С. 121.

⁴ Там же. С. 784.

ные, беженцы). Для последних применимы термины «контингент», «категория»⁵.

Исследуя определение понятия «коренной народ», возникает довольно сложный, но вполне объективный вопрос: кто они такие, кого можно относить к коренным народам и по каким критериям следует определить понятие «коренной народ»? Необходимо отметить, что в международных документах употребляются различные названия и термины для обозначения коренного населения, в том числе: «коренные народы», «коренное население», «автохтоны», «аборигены», «население, ведущее племенной или полуплеменной образ жизни» и т.п.

Несмотря на такое разнообразие терминологии, нам представляется правильным употребить термин «коренной народ», который более точно и объемно отражает суть, внутреннее содержание самого понятия.

Наиболее бесспорным при этом является критерий, который определяет коренные народы как потомков тех, кто населял ту или иную территорию во времена, когда туда из других мест пришли люди с другой культурой или другого этнического происхождения и, захватив эту территорию, вынудили их жить в условиях подчинения или колониального господства⁶. Таким образом, туземцы Австралии, Новой Зеландии и Америки, северной и северо-восточной части Европы и т.д. являются коренными народами.

Несмотря на отсутствие общепринятого определения коренного народа, отправной точкой может послужить рабочее определение ООН, сформулированное Специальным докладчиком по проблеме дискриминации коренного населения для Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Х.М. Кобо. Вот что говорится в этом определении: «Коренное население состоит из нынешних потомков народов, которые проживали на нынешней территории всей или части какой-либо страны в момент, когда на нее прибыли из других частей мира лица другой культуры и этнического происхожде-

ния, которые покорили их и поставили в зависимое и колониальное положение путем завоевания, колонизации и других средств; в настоящее время эти народы живут более в соответствии с их особыми обычаями и социальными, экономическими и культурными традициями, чем с институтами страны, частью которой они являются, при государственной структуре, которая основывается, главным образом, на национальных, социальных и культурных особенностях других господствующих слоев населения»⁷.

В своем окончательном докладе в 1982 году Специальный докладчик предложил альтернативную формулировку своего первоначального определения: «Коренное (й) население (народ) – это коренные общины, народности и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличающимися от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народа в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами»⁸.

Рабочая группа ООН по коренному населению обсуждала вопрос об определении, и, исходя из всех соображений практического и теоретического характера, отложила рассмотрение этого вопроса и использует определение и критерии, сформулированные Специальным докладчиком. К 1989 году в мире многое изменилось в отношении к коренным народам, и возникла необходимость частичного пересмотра Конвенции № 107 от 1957 года и принятия Конвенции № 169 в 1989 году. К девяностым годам XX века на международном уровне сложилась следующая практика:

1. В этот период преобладала политика признания государствами культурных особен-

⁵ Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // 44 The Journal of Politics. 1982. P. 21–40.

⁶ Сохранит ли человечество человечность? : докл. для независимой комиссии по междунар. гуманитар. вопросам (Доклад для НКМГВ). М., 1988. С. 146.

⁷ UN Documents. E/CN. 4/Sub. 2/L/566. 26.06.1972.

⁸ UN Documents. E/CN. 4/Sub. 2/1982/7 add. 4.

ностей коренных народов, которому содействовало принятие Международного пакта о правах человека 1966 года, факультативного протокола № 1 к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года и др. Подобные им по своему содержанию положения международно-правовых документов нашли свое отражение в законах государств (Дания – Закон о внутреннем самоуправлении Гренландии 1978 года; Швеция – Закон о форме правления 1974 года; Норвегия – Закон об оленеводстве 1978 года⁹, Закон о саами 1987 года¹⁰ и др.).

2. В данный период уже отсутствовало стремление коренных народов к интеграции в жизнь доминирующего общества. Так, например, на основании п. 1 ст. 5 Декларации о расе и расовых предрассудках ЮНЕСКО 1978 года «каждый народ сам свободно решает вопрос о сохранении и, в случае необходимости, об адаптации или обогащении ценностей, которые он считает основополагающими для его самобытности»¹¹. А п. 10 Проекта декларации принципов, предложенного Рабочей группе ООН по коренным народам в 1985 году Центром правовой помощи защиты индейцев и рядом других неправительственных организаций, гласит: «Ни одно государство не должно отказывать коренной нации, общине или народности <...> в праве на участие в жизни государства в любой форме и в той степени, в которой они сочтут это необходимым...»¹². Кроме того, интеграция перестала быть приемлемой в доктрине международного права.

3. Коренные народы на данный период уже обладали своим голосом при некоторых международных организациях. Межамериканский индейский институт, созданный в рамках ОАГ, с 1985 года допускает официальных представителей индейцев на свои заседания. Также консультативный статус при ЭКОСОС к этому времени получили десять неправительственных организаций коренных народов¹³. Общеизвестно, что государства Скандинавии в 1951 году

организовали межпарламентскую организацию «Скандинавский совет», который включает в себя членов 5 скандинавских стран (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания и Исландия). Среди прочих депутатов в Скандинавский совет вошли представители гренландских эскимосов и народа саами – коренных народов региона¹⁴.

4. Организация Объединенных Наций активизировала свою работу по защите прав коренных народов. Это выразилось, в частности, в предпринятых ею в 1986 году действиях по созданию добровольного фонда для коренных народов и в учете проблем коренных народов в резолюциях, касающихся десятилетия действий ООН по борьбе против расизма. Также в 1972 году ЭКОСОС уполномочил Комиссию по правам человека поручить Подкомиссии провести широкое исследование по проблемам дискриминации коренных народов. Наконец, в 1982 году ЭКОСОС учредил Рабочую группу по вопросам коренных народов и уполномочил ее «следить за изменениями в области поощрения и защиты прав человека и основных свобод коренного населения» и «уделять особое внимание разработке норм, касающихся прав коренного населения»¹⁵.

Указание самих народов на их принадлежность к числу коренных, как подчеркивают А.Х. Абашидзе и Ф.Р. Ананидзе, «...рассматривается как основополагающий критерий для определения групп, на которые распространяются положения настоящей Конвенции»¹⁶. Таким образом, исходя из всех вышеприведенных конвенционных определений, можно выделить следующие основные признаки и элементы самого понятия «коренной народ»:

1) эти народы являются потомками людей, населявших какую-либо область до прибытия туда другого населения; 2) не доминирующее их положение; 3) культурные и другие отличия от остальной части населения; 4) их сознание принадлежности к коренному народу.

При исследовании проблемы определения понятия «коренной народ» также следует обратить внимание на то, что коренные народы,

⁹ Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы) / сост. В.А. Крайков. М., 1994. С. 413.

¹⁰ Гудмунд Сандвик. Правовой статус саами // Государство и право. 1992. № 9. С. 113.

¹¹ Международные нормативные акты ЮНЕСКО : сб. док. М., 1993. С. 226.

¹² UN Documents. E/CN. 4/Sub. 2/AC. 4/1985/WP.

¹³ Коренное население: глобальное стремление к справедливости : докл. для НКМГВ. М., 1988. С. 173.

¹⁴ Гудмунд Сандвик. Указ. соч.

¹⁵ UN Documents. E/CN. 4/Sub. 2/1986/7/Add.4 para 625.

¹⁶ Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М., 1997. С. 44.

в своем большинстве, избегают создания чрезмерно централизованных политических институтов и осуществляют организацию своей жизни и быта в основном на уровне общины. Решения принимаются только после того, как в рамках общины достигнуто единое мнение. Следует также отметить проблему маргинализации многих коренных народов, что объясняется той традиционной хозяйственной деятельностью, которой они занимаются, а также их физической изоляцией от остальной части общества, государства. Это, как правило, кочевые или полукочевые народы, а также земледельцы. Многие из них живут в отдаленных районах: в лесах, пустынях, горах или в тундре. В этих регионах они приспособились к окружающей среде и находятся в большой зависимости от нее.

И еще одно, но, наверное, самое главное: почти у всех коренных народов встречается сильная привязанность к земле. Например, аборигены Австралии считают, что земля вокруг них населена духами их предков, поэтому всякая деятельность, связанная с добычей полезных ископаемых, может причинить им боль. Словом, окружающий мир, земля для коренных народов – это священное, живое существо. И, наоборот, владение землей или отношение к ней как к товару, который может быть использован, а затем брошен, считается у них страшнейшим преступлением, заслуживающим проклятия¹⁷.

Взаимоотношения коренных народов с родной землей условно можно назвать «территориальной основой» их географического и духовного существования: «Все коренные сообщества имеют и сохраняют полный свод правил различного рода, принятых в отношении владения и сохранения земли в качестве важного фактора производственного процесса, организации семейной жизни и территориальной основы существования такого народа как такового. Весь спектр эмоциональных, культурных, духовных и религиозных факторов показывает, насколько затрагивается взаимосвязь с землей... Земля составляет часть существова-

ния»¹⁸, а реальность утверждения подтверждается Представителем Всемирного совета коренных народов: «Помимо расстрела коренных народов, вернейший способ убить нас – отделить нас от части земли»¹⁹.

Исходя из этого, в заключение отметим, что вся деятельность, осуществляемая во имя национального развития и выражающаяся в разработке полезных ископаемых, сооружении плотин, строительстве дорог, вырубке лесов лесозаготовительными и скотоводческими хозяйствами на землях коренных народов, пагубно сказывается на них. Анализ всех вышеприведенных аспектов проблем определения понятия «коренной народ» приводит к следующим общим выводам:

– коренные народы являются потомками тех людей, народов в целом, которые населяли какую-либо территорию, страну, континент до прихода туда населения с другой культурой, другого этнического или расового происхождения, другими обычаями, другим языком или религией;

– на общегосударственном уровне коренные народы занимают не доминирующее, в подавляющем большинстве – зависимое, а порой и дискриминационное положение;

– коренные народы характеризуются языковыми, традиционными, часто расовыми отличительными свойствами от остальной части населения конкретного региона, области, государства, а иногда даже и целого континента;

– коренные народы сознательно считают себя таковыми (коренными), и такое самосознание является частью их культуры, религии, бытия и существования вообще;

– главной отличительной чертой коренных народов от других слоев общества является их привязанность к отцовским, традиционным землям, природе, окружающей среде вообще, что выражается в любви, уважении к ней²⁰. В настоящее время в международном праве существует целый ряд универсальных и специальных актов, определяющих статус коренных народов.

¹⁷ Коренное население: глобальное стремление к справедливости. С. 37.

¹⁸ UN Documents. E/CN. 4/Sub. 2/1983/Add. 4. P. 28.

¹⁹ UN Documents. E/CN. 4/Sub. 2/AC. 4/1985/WP 4. P. 5.

²⁰ Гибнущие леса: последствия обезлесения для человека : докл. для НКМГВ. М. : Междунар. отношения, 1987. С. 39.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ИРОШНИКОВ Денис Владимирович

Аннотация. В статье проводится анализ правовых основ стратегического планирования в России в сфере национальной безопасности в свете принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ. Автором также проводится сравнительный анализ документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности.

Annotation. The article analyzes the legal fundamentals of strategic planning in Russia in the sphere of national security in the light of adoption a federal law of June 28, 2014 № 172 – Federal Law "Strategic planning Act in the Russian Federation". The author also carries out a comparative analysis of strategic planning documents in the sphere of national security.

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальная безопасность, концепция, стратегия, доктрина, послание Президента.

Key words: strategic planning, national security, conception, strategy, doctrine, the President's message.

Стратегическое планирование в XXI веке занимает одно из ведущих направлений в государственном и муниципальном управлении. Сегодня практически каждое государство мира осуществляет свои функции по тем или иным концепциям, реализовывая стратегические цели, выполняя программные положения.

Сфера обеспечения безопасности – одна из ключевых при осуществлении стратегического планирования, так как это предполагает прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности, без чего невозможна деятельность по их предотвращению. Особая роль стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности в России проявляется в принятии целого ряда соответствующих документов (Концепция национальной безопасности, которую в 2009 году сменила Стратегия национальной безопасности до 2020 года, Концепция противодействия терроризму, Доктрина информационной безопасности, Концепция общественной безопасности и др.).

Правовое регулирование стратегического планирования в России в сфере национальной безопасности можно условно разделить на три этапа:

1 этап – 1993–2010 годы (до принятия ФЗ «О безопасности»).

Конституция РФ установила полномочия Президента утверждать военную доктрину

и выступать с ежегодными посланиями к Федеральному Собранию. Однако кроме конституционно установленных документов в России в указанный период активно принимались стратегии, концепции и доктрины, в том числе по вопросам обеспечения безопасности (это, например, Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000), Стратегия национальной безопасности (2009), Доктрина информационной безопасности (2010) и др.). При этом правовой статус этих документов, а также порядок их принятия не был определен, что нередко вызывало дискуссии ученых-юристов.

2 этап – 2010–2014 годы (до принятия ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»).

В 2010 году Федеральный закон «О безопасности» впервые ввел в действующее законодательство понятие «концептуальные и доктринальные документы» и прописал порядок их принятия, однако он распространялся только на документы в сфере обеспечения безопасности. Необходимо отметить, что при принятии комментируемого закона в заключении Комитета Государственной Думы по безопасности было сформулировано соответствующее замечание: «в законодательстве Российской Федерации понятия "концептуальные документы" и "доктринальные документы" (часть 3 статьи 4 законопроекта) не применяются и не исполь-

зуются, а термины "доктрина" и "концепция" раскрываются в каждом конкретном случае в соответствующем подзаконном акте»¹.

В этот период в действующем законодательстве употребляются термины «документ стратегического планирования», «программный документ», а также «концептуальный документ» и «доктринальный документ». При этом ни одно из этих понятий не раскрывалось.

Легальные определения различным документам такого рода, как правило, давались в самих документах.

Так, например, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации². Для сравнения, доктрина национальной безопасности в США – это интеллектуальный продукт, совокупность взаимосвязанных идей в области управления тенденциями, реальными и прогнозируемыми, для защиты постоянных интересов общества и государства³. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации⁴. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года определяется как «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу»⁵.

Относительно названия таких документов, их места в правовой системе России в научной литературе активно велась полемика⁶.

3 этап – 2014 год – по настоящее время.

В 2014 году был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁷, который с полной уверенностью можно назвать долгожданным. Закон устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

Под стратегическим планированием законодатель понимает деятельность участников по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Следует обратить особое внимание на одну из целей стратегического планирования – обеспечение национальной безопасности. Таким образом, стратегическое планирование органически интегрировано в систему обеспечения различных видов национальной безопасности России.

¹ Заключение по проекту федерального закона № 408210-5 «О безопасности» (второе чтение) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: www.duma.gov.ru (дата обращения: 15.10.2014).

² Указ Президента РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2000. № 187. 28 сент.

³ Доктрины и концепции национальной безопасности США, Франции и Японии // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2000. № 5. С. 12.

⁴ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : [утв. Президентом РФ 05.10.2009] // Российская газета. 2009. № 198. 20 окт.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 (ред. от 01.07.2014 г.) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 4912. 19 мая.

⁶ См., например: Андреев М.В. Политико-правовые концепции и доктрины Российской Федерации в сфере международной безопасности и международное право // Право и политика. 2009. № 11. С. 2702 ; Бошко С.В. Доктрина как форма и источник права // Журн. рос. права. 2003. № 12. С. 76 ; Ковалева Л.А. Место доктрины в системе источников права // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3/4. С. 82 ; Стрельников К.А. Государственно-правовая стратегия как категория современной юридической науки // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 8. С. 4.

⁷ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 146. 3 июля.

Отдельно в законе дано понятие документов в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации – утверждаемые (одобряемые) Президентом Российской Федерации документы стратегического планирования, определяющие стратегические приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующие состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Законодательно закреплены три уровня стратегического планирования: 1) федеральный уровень; 2) уровень субъектов Российской Федерации; 3) уровень муниципальных образований.

К документам стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности закон относит стратегию национальной безопасности Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

При всей полезности и назревшей необходимости такого закона к его недостаткам следует отнести, что законодатель, определив круг документов стратегического планирования, так и не разграничил на законодательном уровне понятия «стратегия», «концепция» и «доктрина», отдав это на откуп разработчикам этих документов, а также ученым-юристам.

Анализ системы концептуальных и доктринальных документов позволил нам сформулировать общие научные понятия для каждого из них. Так, Стратегию мы предлагаем определить как «документ, определяющий систему стратегических приоритетов, выстроенных для достижения определенной цели, стратегическую цель, способы и средства ее достижения», Концепцию можно понимать как «концептуальный документ, определяющий, как правило, содержание государственной политики, а также программные меры ее реализации», а Доктрина – это «совокупность официальных взглядов на ту или иную проблему, оформленная в рамках единого структурированного документа, утвержденного главой государства или органом исполнительной власти».

Следует отметить, что, помимо привычных стратегий, концепций и доктрин, не могут не вызывать вопросов утверждаемые в послед-

нее время «национальные» стратегии⁸ и доктрины⁹. Представляется весьма сложным найти глубокий смысл в различии между понятиями «стратегия» и «национальная стратегия». Вряд ли в данном случае уместно дискутировать о нациях и этносах. Безусловно, прилагательное «национальный» здесь аналогичен понятию «национальная экономика», «национальная безопасность», то есть как синоним «общенациональный», «общегосударственный». Но вызывает вопрос другой момент: какая преследовалась цель в употреблении нового названия «национальная стратегия» и «национальная доктрина» при уже существующей и плотно вошедшей в оборот терминологии? По нашему мнению, это лишь повлечет теоретическую путаницу и бесконечные споры ученых, что можно отнести и к «государственным стратегиям»¹⁰. Пытаясь дать ответ на вышеуказанный вопрос, мы обнаружили следующую закономерность. Документы с названием «государственная стратегия» принимались в 1990-е годы, с названием «стратегия» – в 2000-е, с названием «национальная стратегия» – в 2010-е. Таким образом, происходит постепенная корректировка названия документа. Учитывая выявленную закономерность, какое наименование документа все-таки приживется, покажет время.

Отдельно следует отметить, что к документам стратегического планирования относятся ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, статус которых до принятия соответствующего закона также не был определен.

Послания главы государства играют огромную роль в определении основных направлений государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Анализ ежегодных посланий Президента России Федеральному Собранию за последние тринадцать лет (2000–2013) позволил сделать

⁸ Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 04.06.2012 г. № 23. Ст. 2994.

⁹ Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // СЗ РФ. 09.10.2000 г. № 41. Ст. 4089.

¹⁰ Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // СЗ РФ. 29.04.1996 г. № 18. Ст. 2117.

вывод о том, что в каждом без исключения послании есть упоминание о безопасности, несмотря на то, что акценты на те или иные виды безопасности могут меняться.

Так, например, в послании 2009 года Президент говорил о внутренней и внешней безопасности государства¹¹, в 2010 году акцент делался на национальной безопасности и обороне¹². В 2011 году была подчеркнута важность заключения нового российско-американского Договора об СНВ, который, по мнению главы государства, «непосредственно работает на упрочение стратегической стабильности и режима нераспространения»¹³. Кроме того, была отмечена инициатива России о заключении договора о европейской безопасности, которая «положила начало серьезному диалогу о создании в Евроатлантическом регионе новой архитектуры равной и неделимой безопасности»¹⁴. В 2012 году внимание было уделено личной безопасности граждан. «Нельзя достичь благополучия, если за порогом твоего дома разруха, неустроенность и отсутствие безопасности», – подчеркнул Президент¹⁵. Кроме того, в послании шла речь о необходимости повышения безопасности на дорогах, а также о коррупции, наглом стяжательстве, проявлениях экстремизма и оскорбительного поведения как угрозах обществу, безопасности и целостности России.

Выступая с посланием 12 декабря 2013 года¹⁶, Президент подчеркнул, что Россия готова к совместной работе со всеми партнерами в интересах обеспечения общей, равной и неделимой безопасности. Глава государства уверил,

что наша военная доктрина и перспективные образцы вооружения, которые поступают и будут поступать в войска, позволяют нам, безусловно, обеспечить безопасность Российского государства. В.В. Путин попросил Правительство и Совет Безопасности представить конкретные предложения по организации системы, дающей возможность всем студентам пройти в ходе учебы и последующего военного сбора воинскую подготовку и получить военную специальность.

Следует подчеркнуть, что послания Президента Федеральному Собранию, являясь программным политико-правовым документом, определяя основные направления внутренней и внешней политики России, бесспорно играют важную роль в реализации государственной политики, в том числе в сфере государственной безопасности. В посланиях Президент фактически провозглашает фундаментальные принципы развития страны, рассчитанные на долгосрочную перспективу, а также закладывает программу конкретных действий Федерального Собрания по реализации этого курса в соответствии с конституционным статусом данного органа¹⁷.

В заключение отметим, что принятый в 2014 году Федеральный закон «О стратегическом планировании» бесспорно можно назвать долгожданным и необходимым для российской правовой системы. Отныне стратегическое планирование в России будет осуществляться не хаотично, а, прежде всего, на основе принципа единства и целостности, установленного рассматриваемым законодательным актом.

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. № 5038. 13 нояб.

¹² Послание Президента РФ Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. № 5350. 1 дек.

¹³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. № 290. 23 дек.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. № 287. 13 дек.

¹⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. № 282. 13 дек.

¹⁷ Горохова О.Б. Президент Российской Федерации как субъект правовой политики // Ленинград. юрид. журн. 2009. № 2. С. 180.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЗРЕЛОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ПОЛЯКОВ Александр Иванович

Аннотация. В статье описывается деятельность негосударственных правоохранительных организаций как части гражданского общества в деле охраны правопорядка, оказания правовой помощи гражданам. Автор рассуждает о паритетной роли государственных и негосударственных правоохранительных структур.

Annotation. The article describes the activities of non-governmental law enforcement agencies as a part of civil society in the cause of law enforcement and the provision of legal assistance to the public. The author argues in favour of a parity role of both governmental and non-governmental law enforcement agencies.

Ключевые слова: институты гражданского общества, правоохранительная деятельность негосударственных структур, негосударственная правоохранительная деятельность, охрана и защита частных интересов граждан, правоохранительный механизм, негосударственные судебно-экспертные учреждения, адвокатура, нотариат, третейские суды, институты медиации.

Key words: civil society institutions, law enforcement activities of non-governmental agencies, non-governmental law enforcement activities, protection and defense of people's private interests, law enforcement mechanism, non-governmental legal expert institutions, bar, notariat, arbitration, mediation institutions.

Реализация современной правоохранительной политики России через деятельность негосударственных правоохранительных организаций отражает уровень активности гражданского общества. Как отмечает Е.В. Лебедева, «чем выше степень развития гражданского общества, тем большее участие в реализации функций государства, особенно правоохранительной, осуществляют его институты»¹.

Правоохранительная деятельность не ограничивается функционированием только государственных правоохранительных структур. В современных условиях существует множество негосударственных институтов, которые реализуют правоохранительные функции в разных сферах жизни общества, начиная от охраны правопорядка и заканчивая защитой собственности и обеспечения информационной безопасности граждан. Это является показателем зрелости институтов гражданского общества и их способности на равных с государством участвовать в реализации важнейших проектов.

Реализация правоохранительных функций государства сопряжена с деятельностью государственных уполномоченных структур и институтов гражданского общества. Она направлена на обеспечение охраны и защиты прав и интересов личности и государства. В этой связи государственные правоохранительные функции нужно рассматривать как результат взаимодействия гражданского общества, с одной стороны, и государственных организаций – с другой. Правоохранительные функции реализуются через систему последовательных охранительных действий и юридических услуг, включающих в себя: охрану общественного порядка, профилактику и предупреждение правонарушений, разрешение юридических конфликтов, примирительные мероприятия в форме медиации и т.д.

К структурам, имеющим отношение к негосударственным правоохранительным органам, в соответствии с действующим российским законодательством, относятся органы, правомочные осуществлять правоохранительную деятельность, и институты, реализующие правоохранительные функции. В первую категорию можно включить структуры: а) осуществляющие борьбу с преступностью; б) поддерживающие обще-

¹ Лебедева Е.В. Институты гражданского общества в реализации правоохранительной функции Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 3.

ственный порядок; в) искореняющие правонарушения.

Именно сюда вписываются частные детективные и охранные агентства, которым, в соответствии с Федеральным законом «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» от 22 декабря 2008 года № 272-ФЗ, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, предоставляется право содействовать правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, а частным детективам предоставляется право содействовать правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений.

В данном случае закон делегирует право соответствующим негосударственным организациям, специально учрежденным для оказания охранных услуг, зарегистрированным в установленном законом порядке и имеющим лицензию на осуществление частной охранной деятельности, решать правоохранительные задачи.

Во вторую категорию институтов, реализующих правоохранительные функции (оказывающих юридическую помощь), можно причислить негосударственные организации либо обладающих соответствующими полномочиями (лицензиями) частных лиц.

К данной категории относятся негосударственные судебно-экспертные учреждения, адвокатура, нотариат, третейские суды, институты медиации.

Так как до настоящего времени статус негосударственного судебно-экспертного учреждения законодательно не установлен, юридические лица, как коммерческие, так и некоммерческие, именуют себя «экспертными учреждениями» независимо от их организационно-правовой формы и основного рода деятельности, понимая этот термин максимально расширительно².

Верховный Суд Российской Федерации определил негосударственные судебно-экспертные учреждения как «некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Фе-

деральным законом "О некоммерческих организациях", осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами»³. В этой связи данные организации допущены к оказанию юридических услуг наряду с иными негосударственными структурами.

Что касается нотариата и адвокатуры, то данные структуры органично вписались в правоохранительную систему государства и успешно функционируют на протяжении длительного времени. Как отметил в своем исследовании И.Г. Черемных, «нотариат, осуществляя защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, действует от имени государства, в этой связи его деятельность носит публичный характер, направлена на защиту и частных, и публичных интересов, обеспечивает законность и является по своей сути правоохранительной деятельностью»⁴. Автор считает, что «нотариат выполняет определенные законом полномочия по осуществлению государственной функции по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Эти полномочия делегированы ему государством и для их реализации нотариат в лице нотариусов наделяется определенными властными полномочиями, в силу чего его деятельность приобретает публичный характер и реализуется от имени Российской Федерации». По его мнению, нотариат представляет «уникальный институт с двойственной правовой природой, сочетающий в своей организации и деятельности принцип публичности с выражением и защитой частных интересов конкретных индивидов, в результате чего деятельность нотариата имеет и ярко выраженное частноправовое содержание»⁵.

Мы разделяем точку зрения исследователя об особенности современного российского нотариата, которая состоит в параллельном функционировании двух категорий нотариусов, одних, работающих в государственных нотариальных конторах, и других, занимающихся частной практикой.

Однако не согласны с его позицией, что «сохранение государственного нотариата противоречит правовой природе нотариата как инсти-

² Николаева Т.Г., Елагина Е.В., Шашанина Е.М. Некоторые вопросы производства судебной экспертизы негосударственными экспертными учреждениями или лицами, не являющимися государственными экспертами // Криминалист. 2011. № 1 (8) С. 77–81.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

⁴ Черемных И.Г. Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 5.

⁵ Там же. С. 21.

туда гражданского общества, не входящего в систему государственных органов»⁶ и что данное состояние «негативно отражается на принципах независимости и беспристрастности нотариусов и экономически нецелесообразно»⁷.

Считаем, что автор не учитывает значения конкуренции между государственным и негосударственным сегментами нотариата, которая должна способствовать улучшению качества защиты прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в процессе получения квалифицированной юридической помощи.

Отдельно можно выделить негосударственные структуры, осуществляющие «правоохранительную деятельность» в судебной системе, а именно третейские суды и институты медиации. Безусловно, функционирование названных организаций не связано с охраной общественного порядка, однако их деятельность интегрирована в одно из важных направлений жизни гражданского общества и включает вопросы разрешения экономических и иных споров.

Система третейских судов связана с правоприменительной деятельностью в области гражданско-правовых отношений в соответствии с действующим законодательством и обоюдным волеизъявлением сторон в рамках третейского соглашения. Это один из видов альтернативного урегулирования споров, который получил широкое распространение в нашей стране в последние годы. Третейские суды представляют общественные образования, не обладающие судебной властью, поскольку не осуществляют правосудие.

Процедура третейского разбирательства основана на принципах защиты интересов конкретных участников имущественных споров и потому связана с восстановлением их прав. Это позволяет отнести третейские суды к правоохранительным органам.

Наряду с третейскими судами, в правоохранительной сфере действуют институты медиации. Медиация – это междисциплинарная область, находящаяся на стыке судопроизводства и переговорного процесса. В отличие от судопроизводства, регламентированного процессуальным законодательством, обеспе-

ченным мерами государственного принуждения, медиация представляет негосударственное направление разрешения споров в форме двустороннего диалога-диспута, с целью поиска взаимовыгодных интересов и заключения мирового соглашения.

Методы медиации используются в различных правоохранительных структурах, в частности в работе прокуроров как согласительный компонент, в полиции в качестве профилактики правонарушений и преступлений.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство не запрещает достижения примирения и не устанавливает ограничения относительно способов, размеров, сроков заглаживания вреда в результате использования медиации между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим⁸.

В юридической литературе некоторые исследователи рассматривают медиацию в широком и узком смыслах. В широком смысле медиация представляется как процесс урегулирования конфликта через нейтрального посредника во всех сферах общественной жизни, в том числе и государственно-правовой.

В узком значении медиация – это особый метод оказания посреднических услуг конфликтующим сторонам, заключающийся в поиске взаимовыгодного соглашения и предоставлении квалифицированной консультативной помощи через переговоры с участием третьей (нейтральной) стороны⁹.

Несмотря на относительно широкий круг использования негосударственных правоохранительных структур в правоохранительной среде, в юридическом обороте словосочетание «правоохранительная деятельность негосударственных органов» не часто применяется и главным образом потому, что не сложилось позиционирование этих структур с правоохранительной системой государства.

Сравнительно недавно в правоведении появилось определение категории «негосударственная правоохранительная деятельность», которое предложил Т.Г. Матвеев. Он считает, что «негосударственная правоохранительная деятельность – это деятельность, осуществляе-

⁶ Черемных И.Г. Указ. соч. С. 22.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Гурылев Д.В. Медиация как профилактика преступлений и правонарушений. URL: <http://gurulev-dmitry.livejournal.com/1562.html>

⁹ Медиация как альтернативный метод разрешения конфликтов. История и современность. URL: <http://rusmediator.narod.ru/index/0-112>

мая с целью защиты юридических и физических лиц от нарушения, ограничения или ущемления их прав и законных интересов специально созданными для этого предприятиями, действующими на возмездной договорной основе, использующими специальные силы, средства и методы в строгом соответствии с законом и неуклонном соблюдении установленного им порядка»¹⁰.

Полагаем, что вышеобозначенное определение требует уточнения в части его привязки к реализации задач гражданского общества. В нашем понимании «негосударственная правоохранительная деятельность отражает степень развития гражданского общества, в котором, наряду с государственными правоохранительными органами, существуют негосударственные правоохранительные структуры, осуществляющие деятельность, направленную на охрану и защиту интересов граждан в рамках действующего законодательства, не финансируемые государством, действующие на возмездной договорной основе».

Т.Г. Матвеев отнес в состав негосударственных правоохранительных органов следующее: частный нотариат, адвокатуру, юридические конторы, третейские суды, частные охранные предприятия, индивидуальные детективные предприятия и их объединения, союзы и ассоциации сыска и охраны, обособленные подразделения юридических лиц, создаваемые для осуществления охранно-сыскной деятельности в интересах собственной безопасности учредителя (службы безопасности), негосударственные образовательные учреждения по подготовке частных детективов и охранников¹¹.

Полагаем, что данный перечень соответствует сложившимся реалиям и отражает весь спектр негосударственных правоохранительных органов, действующих на территории Российской Федерации, единственное упущение – это отсутствие в нем института медиации.

В качестве признаков негосударственной правоохранительной деятельности, отличающей ее от государственной, Т.Г. Матвеев назвал: а) характер деятельности организации (по существу это предпринимательская дея-

тельность, которая осуществляется на договорной основе и рассчитана на получение прибыли); б) договорная основа деятельности организации (договорные отношения, где четко определяются пределы, время их возникновения и прекращения); в) адресный характер ее деятельности (охранные или сыскные услуги оказываются индивидуально определенным клиентам); г) причина осуществления правоохранительной деятельности (поводом правоохранительной деятельности государственных органов являются установленные факты правонарушений, негосударственные правоохранительные органы начало своей деятельности определяют рамками договора).

Названные признаки негосударственной правоохранительной деятельности неисчерпывающие и могут быть дополнены иными характеризующими показателями. Например, требованиями к профессиональным качествам лиц, имеющих законное право реализовывать негосударственные правоохранительные функции. В данном контексте может идти речь о специально подготовленных работниках, способных заниматься конкретными видами деятельности по аналогии с государственными органами.

В нормативных документах, регламентирующих деятельность адвокатуры и негосударственного нотариата, требования к лицам, занимающимся данными видами деятельности, прописаны, чего не скажешь о частных охранных предприятиях, индивидуальных детективных агентствах и их объединениях, союзах и ассоциациях сыска и охраны, обособленных подразделениях юридических лиц, создаваемых для осуществления охранно-сыскной деятельности и др. Полагаем, что квалификационные требования не имеют места быть по двум причинам: а) из-за разности понимания их круга деятельности и ответственности; б) из-за отсутствия единой системы негосударственных правоохранительных органов.

В приведенной выше диссертационной работе Т.Г. Матвеев утверждает, что «негосударственная правоохранительная система представляет собой "размытую" социальную систему, соответствующую идеям предпринимательства и рынка, состоящую из совокупности частных предприятий, которые посредством реализации своих основных функций (осуществления негосударственной правоохранительной деятельности), строго огово-

¹⁰ Матвеев Т.Г. Организация деятельности негосударственной правоохранительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

ренных в соответствующих законах, созданы для оказания услуг на возмездной договорной основе с целью защиты прав и законных интересов клиентов»¹².

В его понимании негосударственная правоохранительная система целиком и полностью сориентирована на интересы предпринимательства и рынка и по существу служит для удовлетворения финансовых потребностей определенной категории лиц. Отсюда возникает вопрос о целесообразности формирования вышеназванной системы, если она не интегрирована в общегосударственную правовую среду.

Сравнивая государственную и негосударственную системы, автор указывает на то, что а) у «размытых» систем отсутствует иерархия управленческих звеньев, нет жесткой управленческой структуры; б) деятельность элементов координируется специально уполномоченной организацией (союзом, ассоциацией и т.д.); в) постоянные связи между элементами «размытых» систем практически отсутствуют и возникают лишь по мере необходимости¹³. Получается, что «негосударственная правоохранительная система» не структурирована и не отвечает качествам системы как таковой.

Основываясь на логике Т.Г. Матвеева, можно прийти к выводу, что негосударственный правоохранительный сектор, представляющий часть социальной системы, ориентиро-

ван на обеспечение безопасности только предпринимательского сектора, все остальное не входит в его обязанности. Считаем, что данное суждение ошибочно и автор искусственно сузил границы реализации правоохранительных функций негосударственных правоохранительных органов. Если подходить к данной проблеме с позиции функционирования гражданского общества, то становится первостепенной задача защиты интересов всего негосударственного сектора, а не только коммерческих структур.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, степень взаимодействия институтов гражданского общества и государства в правоохранительном направлении является показателем, отражающим, насколько государство готово допустить вышеназванные институты в сферу своей деятельности и, как следствие, отражает свою зрелость. Во-вторых, негосударственная правоохранительная деятельность должна затрагивать не только область охраны и защиты частных интересов граждан, но и их участие в работе по созданию эффективного правоохранительного механизма. В-третьих, взаимодействие государства и структур гражданского общества проявляется как участие последних в реализации правоохранительной политики государства.

¹² Матвеев Т.Г. Указ. соч. С. 17.

¹³ Там же. С. 16.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

КАЛАШНИКОВ Сергей Валерьевич

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена проблемам формирования демократического конституционного строя в современной России в условиях развивающегося гражданского общества. Автор рассматривает понятие и признаки конституционного строя, а также условия, при наступлении которых, эти процессы возможны в нашей стране. Одним из них является развитие и функционирование независимых от государства институтов гражданского общества: средств массовой информации, правозащитных общественных организаций, союзов, фондов, которые в свою очередь, должны не только отстаивать и защищать свои интересы и создавших их граждан, но и осуществлять контроль за государственной властью.

Annotation. The current research article is devoted to the problems of the existence of democratic regime in modern Russia under developing civil society. The author examines the concept and features of the constitutional system and conditions that are necessary for our country to start these processes. One of them is the development and functioning of civil institutions free from the state such as mass media, human rights public organizations, unions, funds which in turn must not only defend their interests and founders, but also take control of the government.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, закон, граждане, Конституция, строй, контроль, страна, доверие, свобода, демократический.

Key words: constitutional system, civil society, democracy, separation of powers, multi-party system.

Одними из наиболее актуальных и многогранных научных проблем ученых-юристов различных поколений, в том числе и современных авторов, были и остаются проблемы соотношения государства и права, личности и государства и общества, а также многие другие актуальные научно-практические вопросы отечественной государственности. Их правильное решение и научное обоснование, разработка научно-практических рекомендаций и ориентиров является основой для дальнейшего развития современного Российского государства и общества, а также для проектирования модели (моделей) их развития, устране-

ния препятствий и противоречий на пути их поступательного развития.

Развитие институтов гражданского общества в Российской Федерации, как и в любом другом современном, демократически ориентированном государстве, включая все страны бывшего СССР (ныне суверенные независимые государства), возможно лишь при условии существования в России, а также во всех вышеназванных государствах фактического, а не виртуального конституционного строя.

Мировой опыт конституционного развития современных зарубежных стран показывает, что конституционный строй существует далеко не в каждом из них, даже несмотря на наличие конституции, провозглашающей самые демократические принципы (ценности): приоритет прав и свобод личности, разделение властей народовластие и др.

В этой связи трудно не согласиться с мнением выдающихся отечественных ученых-юристов – О.Е. Кутафина и Е.И. Козловой (ныне покойных) – о том, что наличие в госу-

¹ Настоящая научная статья посвящается памяти известного и уважаемого в научном мире ученого-юриста, коллеги и друга, профессора, доктора юридических наук Андрея Павловича Печникова.

Вопросы развития отечественного государства и права, истории и теории права и государства, а также отдельные аспекты науки конституционного права России являлись предметом внимания и научного исследования А.П. Печникова. Они нашли свое отражение не только в трудах Андрея Павловича, но и в его научно-педагогической, научно-методической деятельности.

дарстве конституции совсем не означает, что такое государство можно считать конституционным², а общество – гражданским. Многие государства-правопреемники СССР после его распада обрели свою независимость, укрепили государственный суверенитет, закрепив при этом в своих конституциях принципы конституционного строя, по всем критериям соответствующие международно-правовым стандартам прав человека. Однако в реально существующих государственно-правовых условиях весьма сложно утверждать о наличии в них конституционного строя, а еще труднее вести речь о формировании гражданского общества.

Что же представляет собой понятие конституционного строя государства и какое значение имеет создание конституционного строя в Российской Федерации для формирования гражданского общества?

Несмотря на имеющиеся в отечественной юридической литературе различные трактовки и толкования, на наш взгляд, само понятие «конституционный строй» предполагает дальнейшее теоретическое исследование, особенно в контексте формирования гражданского общества, применительно к Российской Федерации и к современному периоду ее развития.

Конституционному (правовому) государству и формирующемуся параллельно с ним гражданскому обществу должен соответствовать лишь конституционный строй, способный обеспечить приоритет прав и свобод своих граждан, защитить их интересы от произвола властных структур, других граждан. В отечественной юридической литературе само понятие «конституционный строй» возникло относительно недавно, так как в советский период довольно часто употреблялись другие понятия – «государственный строй» и «общественный строй», «политическая система» и т.п.

Современные российские ученые-юристы неоднозначно подходят к теоретическому обоснованию (определению) понятия «конституционный строй». Одни авторы определяют его как систему господствующих экономических и социально-политических отношений в их конституционной форме, воплощающих

суверенитет народа, свободы и права человека и определяющих сущность общества в целом³.

Другие считают, что конституционный строй – это прежде всего система конституционных отношений как предмет конституционного регулирования⁴.

Многие полагают, что конституционный строй есть и конституционные нормы, и конституционные принципы, регулирующие отдельные виды общественных отношений существующего социального строя⁵.

Мировой и отечественный опыт 1930–1940-х годов свидетельствует о том, что при самой демократичной конституции могут существовать реакционные порядки, нарушаться права и свободы граждан. При этом конституция носит декларативный характер.

Понятие «конституционный строй» в нашем законодательстве практически не применялось. Советские конституции использовали термины «общественное устройство», «основы общественного строя и политики». В конституциях зарубежных социалистических стран также применялись термины, аналогичные советской конституционной системе: «общественный строй», «общественно-экономический строй», «политический строй». Демократизация советского строя, расширение гласности в 1990-х годах поставили в повестку дня необходимость конституционных реформ в СССР⁶.

В конституционном законодательстве бывшего Союза ССР появился термин «конституционный строй» в связи с учреждением поста Президента СССР с изменением редакции статей Конституции СССР 1977 годов⁷.

В конституционном законодательстве РСФСР термин «конституционный строй» был введен Съездом народных депутатов, изменившим редакцию ст. 6 и 7 Основного Закона РСФСР⁸.

³ Ю.П. Еременко в понятие «конституционный строй» включает еще и господствующие идеологические отношения (Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность / ред. А. Ржевский. Саратов, 1982. С. 18.

⁴ Конституционное право России. Курс лекций по общей части / Кабышев В.Т. [и др.]. Уфа, 1993. С. 46–47.

⁵ Там же.

⁶ Конституционное право России.

⁷ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 3. Ст. 25.

² Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 1995. С. 75.

Наибольшее свое распространение и признание как важная общественная и правовая категория конституционный строй получил в период подготовки, разработки и принятия Конституции Российской Федерации 1993 года. В процессе подготовки проекта новой конституции была сформулирована абсолютно новая научная доктрина, раскрывающая суть и содержание конституционного строя России, базирующаяся на основополагающих началах (идеях):

- приоритете прав и свобод человека;
- разделении властей (законодательная, исполнительная, судебная);
- верховенстве права;
- признании многообразия всех форм собственности (в том числе и частной на землю и природные ресурсы);
- свободе предпринимательства, справедливой конкуренции;
- политическом многообразии (плюрализме мнений), способном учитывать интересы и мнения различных социальных слоев общества.

Важное социально-политическое значение в воплощении вышеназванных идей и принципов в реальных условиях Российской Федерации имеют конституционные реформы всех сфер общественной жизни общества.

Современные конституционные реформы имеют главную цель, состоящую в признании человека, его прав и свобод высшей ценностью. Следовательно, конституционный строй – это форма или способ организации государства, которые обеспечивают подчинение его праву и характеризуют его как конституционное государство⁹. Таким образом, конституционный строй – определенный способ организации государства, закрепленный в его конституции¹⁰, но не каждый строй может быть признан конституционным.

По мнению автора, *«конституционный строй» – это форма организации государства и всего общества в целом, основанная на закрепленных Конституцией Российской Федерации принципах: приоритете прав и свобод личности, полновластии народа, разделении властей, верховенстве права, многообразии и равноправии всех форм собственности, по-*

литическом и идеологическом плюрализме, гарантированных конституцией, при которой государство в лице своих органов и должностных лиц, а также институтов гражданского общества и граждан подчинено праву.

Иными словами, конституционным является фактически демократический строй, который не только закрепляет общечеловеческие гуманистические принципы, соответствующие общепризнанным международно-правовым нормам, направленным на всестороннюю защиту человека, его прав, свобод и законных интересов, демократию и иные демократические ценности, закрепленным в Основном Законе государства, но и при котором создаются реальные гарантии их реализации посредством различных механизмов, способов и приемов, обеспечивающих достижение поставленных целей и ориентиров.

Следовательно, конституционным не может считаться такая форма организации государства и общества, при которой лишь декларируются самые гуманные передовые идеи, принципы и институты, закрепленные в Основном Законе государства, но не создаются эффективные механизмы их обеспечения, защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, общественных объединений, где государство не подчинено праву, лишь формально выступает гарантом защиты человека, его прав и свобод, а также существующих и функционирующих в обществе институтов гражданского общества.

Антиконституционный строй – это псевдодемократический строй, при котором ни государство, да и само общество, не может или не желает создавать реальных условий, обеспечивающих реализацию материальных, духовно-культурных и иных потребностей граждан, их объединений, всего общества в целом. Такой форме организации власти может быть характерно фактическое непризнание принципа разделения властей, явно выраженная однопартийная система, при которой заметно доминирование одной правящей партии, с присущими признаками фиктивного народовластия (регулируемой демократии), а также наличие высокой степени правового нигилизма, отсутствия подлинного верховенства права и подчинения ему государственных органов власти и управления и самоуправления.

⁹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 75–76.

¹⁰ Там же.

Сущность же конституционного строя Российской Федерации выражается закреплением в конституции и практике общественных отношений совокупности незыблемых основополагающих ценностей, провозглашающих гуманные, правовые отношения между человеком, гражданским обществом и государством¹¹.

Однако формирование поистине конституционного строя в любом государстве во многом зависит от многих факторов:

- правосознания и правовой культуры общества в целом;
- уровня социально-экономического развития общества и политического режима;
- создания и обеспечения гарантии реализации основ конституционного строя, закрепленного в Основном Законе государства, в том числе прав и свобод граждан.

Основной Закон РФ закрепил те политические, экономические и социальные изменения, которые произошли в результате реформ. В соответствии с Конституцией РФ Россия – это правовое, демократическое, социальное светское государство, в котором признается народовластие в различных его формах выражения.

Считать Российское государство в современных условиях подчиненным праву, в котором обеспечиваются все гарантии конституционного строя, было бы не совсем объективным, так как не созданы условия для их реализации. Но перспектива создания конституционного строя в условиях Российской Федерации реально существует, так как новая Конституция России рассчитана не на 5–10 лет, а на более длительный исторический период, который не исключает, и даже предполагает внесение в нее поправок и изменений.

Конституционный строй, таким образом, не сводится к факту существования Конституции, а становится реальностью только при наличии двух условий: если конституция соблюдается и если она демократична¹².

Такая трактовка конституционного строя представляется обоснованной, так как последний – это гуманный, демократичный строй, предполагающий высокий уровень подлинного

народовластия в обществе, политическое, идеологическое многообразие в соответствии его основ международным нормам и принципам и рассматривающий право как средство, ведущее к торжеству справедливости во всех сферах общественных отношений, при реализации которых соблюдаются все конституционные права и свободы граждан, а государство в лице государственных органов власти и управления ограничено рамками закона.

Аналогичный смысл в понятие «конституционный строй» вкладывают М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе, определяя его как «порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с Конституцией»¹³.

Следует иметь в виду, что, помимо юридического аспекта, понятие «конституционный строй» предполагает наличие и социальных норм (морали, этики, культуры, религии) в обществе, значение которых бесспорно велико. Роль и значение социальных норм, морали и религии определяется соответствующим государством и обществом по-разному, например, в Российской Федерации в соответствии с Преамбулой Конституции РФ утверждаются принципы равноправия и самоуправления народа в России как многонационального государственного образования, уважения и любви к Отечеству, веры в добро и справедливость, светский характер государства (то есть никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, и религиозные объединения отделены от государства, равны перед законом (ст. 14), а в Иране, исламском государстве, нормы религии Ислама являются доминирующими в общественных отношениях, в быту и подлежат обязательному исполнению всеми членами общества).

Следовательно, конституционный строй любого государства основывается не только на основных его принципах, закрепленных в Конституции, но и на социальных нормах: нормах морали, этики, уровня культуры общества.

Нормы морали и иные социальные нормы, укрепившие свои позиции в обществе, признаваемые им, как бы помогают реализовать правовые предписания, отражаясь в принципах конституционного строя. Часто они находят свое правовое закрепление в нормативно-

¹¹ См. более подробно: Основы государства и права. Уфа, 1994. С. 44–64.

¹² Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право РФ: учеб. для вузов. М., 1996. С. 96.

¹³ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Указ. соч. С. 81.

правовых актах императивного характера, превращаясь в нормы права, целью которых становится защита прав и свобод граждан, привлечение виновных к ответственности (в демократическом, конституционном государстве) или интересов правящих кругов (социальных слоев), занимающих привилегированное положение в обществе с авторитарным или тоталитарным политическим режимом.

Содержание конституционного строя любого государства раскрывается путем исследования его принципов – основ, под которыми принято понимать систему господствующих экономических, социально-политических отношений в их конституционной форме, воплощающих суверенитет народа, свободы и прав человека и определяющих организацию общества в целом, образующих фундамент всего правового регулирования государственной и общественной жизни государства¹⁴.

В соответствии с гл. 1 Конституции Российской Федерации 1993 года «Основы конституционного строя» нашли свое конституционное закрепление такие основополагающие принципы, как: демократизм, суверенитет государства, российский федерализм, правовое государство, разделение властей, социальный, светский характер государства, республиканская форма правления, приоритет прав и свобод человека и гражданина, политический и идеологический плюрализм, экономическая основа государства, местное самоуправление.

Вышеперечисленные принципы конституционного строя Российской Федерации являются общеизвестными и признаваемыми во всем цивилизованном мире общечеловеческими ценностями, посредством которых достигается демократическое развитие не только государства, но и всего общества.

Именно основы конституционного строя, несмотря на их отличие в правовых системах различных государств, дают представление не только о том, какой государственный и общественный строй закрепляет Конституция того или иного государства, но и возможно ли создание конституционного строя в этой стране.

Конституция Российской Федерации 1993 года впервые закрепила *конституционные основы формирования гражданского общества* в Российской Федерации. Ими являются прин-

ципы конституционного строя, закрепленные в гл. 1 под названием «Основы конституционного строя».

Развитое гражданское общество, также как и правовое государство, – это необходимые условия формирования конституционного строя в Российской Федерации. И это очевидно, поскольку и зрелое гражданское общество в лице независимых от государства общественных институтов, и правовое государство в лице органов государственной власти и их должностных лиц, подчиненных праву, закону, являясь «сторонами одной медали», могут развиваться лишь в условиях подлинно демократического конституционного строя. И, наоборот, конституционный строй как основа для формирования гражданского общества и правового государства также не может формироваться без условий, способствующих демократизации всех сфер общественной жизни и обеспечения режима законности и правопорядка.

Чем более интенсивно будут развиваться институты гражданского общества в России, тем большее влияние они смогут оказывать на государственную власть, а также на решение многих сложных проблем в различных сферах общественной жизни и «помогать» государству не только осуществлять его функции, но и обретать черты правового демократического государства, постепенно избавляя его от элементов коррупции, бюрократии и иных изъёмов.

Однако не следует забывать о том, что все вышеназванные политико-правовые категории: и гражданское общество и правовое государство, а также формирующийся в Российской Федерации конституционный строй – это далекие ориентиры развития и Российского государства, и общества в целом. Исторический отечественный и зарубежный опыт конституционного развития показывает, что достижение этих целей рассчитано на достаточно долгий исторический период времени в зависимости от того, какие условия для этого будут созданы и самим государством и обществом. Возможно и влияние на данные процессы и внешних факторов.

Каковы же критерии (признаки) конституционности того или иного строя?

На наш взгляд, под *признаками конституционного строя* могут признаваться его ос-

¹⁴ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 81.

новные качественные характеристики (характерные черты).

Признаками фактического конституционного строя, применительно к Российской Федерации, а также любого другого, демократически ориентированного, государства, должны быть следующие:

- подлинное народовластие, демократизм избирательной системы, позволяющей организовывать и проводить честные, нефальсифицированные выборы и референдумы, с эффективными механизмами общественного контроля за избирательным процессом и подсчетом голосов избирателей (участников референдумов), а также эффективный механизм отчетности депутатов всех уровней перед своими избирателями, с возможностью досрочного отзыва тех депутатов, которые не выполняют или недобросовестно выполняют наказания своих избирателей;

- многопартийная или двухпартийная политическая система, основанная на политическом и идеологическом плюрализме;

- социально ориентированная экономическая система, способная не только обеспечить высокий уровень экономического развития Российской Федерации, но и создать эффективную систему социального обеспечения и обслуживания граждан, направленная на охрану жизни и здоровья людей, создающая уверенность в их завтрашнем дне;

- независимость средств массовой информации;

- создание, функционирование и деятельность институтов гражданского общества в Российской Федерации, способствующих укреплению дружбы и мирного сосуществования наций и народностей в многонациональной России, укрепляющих основу федерализма

и патриотизма. Такими общественными организациями могут быть различные молодежные, в том числе студенческие, женские, религиозные и иные общественные организации;

- наличие эффективных внутригосударственных механизмов защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В этот механизм должна включаться вся структура государственной власти: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, вся система правоохранительных органов, включая полицию, прокуратуру, иные силовые структуры и органы, а также судебная система, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченный по правам ребенка и др.;

- высокий уровень культуры граждан и общества в целом, включая правовую культуру и правосознание;

- развитость институтов гражданского общества и реальная их способность осуществлять эффективный общественный контроль за государственной политической властью в целях предотвращения или борьбы с коррупцией, иными проявлениями, связанными со злоупотреблениями государственной властью, а также оказывающих заметное влияние на правотворческую деятельность государственных органов власти и внутреннюю политику государства;

- миролюбивая внешняя политика Российского государства, основанная на основных принципах международного права и на добросовестном выполнении государством взятых им международных обязательств в рамках международных договоров, подписанных (ратифицированных) Российской Федерацией.

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

МОСИН Сергей Анатольевич

Аннотация. В рамках темы исследования в статье аргументируется, что основополагающие конституционные установления выходят за рамки своих традиционных определений как принципы, поскольку сочетают в себе характеристики различных правовых категорий, что определяет их вариативность.

Annotation. Within a research subject in article it is reasoned that fundamental constitutional provisions go beyond the traditional definitions as the principles as combine characteristics of various legal categories that defines their variability.

Ключевые слова: основы конституционного строя, основополагающие конституционные установления, структура элементов конституционно-правовых основ, конституционный принцип, специфические нормы, нетипичные правовые установления, правовая презумпция, правовая фикция, правовая аксиома, вариативность основополагающих конституционных установлений.

Key words: foundations of the constitutional system, fundamental constitutional provisions, structure of the constitutional and legal foundations elements, constitutional principle, specific rules, nontypical legal establishments, legal presumption, legal fiction, legal axiom, variability of fundamental constitutional provisions.

Исследуя вопрос вариативности основополагающих конституционных установлений, отметим, что, помимо того, что такие установления являются исходными принципами всей правовой системы, они также одновременно обладают признаками других правовых категорий, в том числе правовой презумпции, юридической фикции, правовой аксиомы, специфической нормы. То есть обладают признаками всех входящих в структуру данных установлений элементов. Рассмотрим данный аспект более подробно.

В качестве примера возьмем основополагающий принцип конституционности нормативных правовых актов, который является неотъемлемым элементом правового государства. Представляется, что данный принцип обладает признаками презумпции, поскольку проверить на соответствие Конституции Российской Федерации абсолютно все нормативные правовые акты не представляется возможным, но при этом требование принципа должно соблюдаться. Следовательно, фактическое соответствие всего объема нормативной правовой базы положениям Конституции Российской Федерации, а значит и соблюдение указанного конституционного принципа, в силу этого же принципа, является предположением. Более того, законодательство не устанавливает

осуществление предварительного нормоконтроля Конституционным Судом Российской Федерации. Таким образом, принцип конституционности нормативных правовых актов является своим же предположением в части исходной конституционности нормативных правовых актов в силу отсутствия предварительного нормоконтроля но с возможностью последующего признания неконституционным того или иного нормативного правового акта Конституционным Судом Российской Федерации.

По указанным причинам рассматриваемый принцип, на наш взгляд, также обладает элементами правовой фикции, поскольку в отсутствие предварительного подтверждения конституционности вполне допустимо наличие среди массива нормативной правовой базы правовых норм, в силу различных причин не соответствующих Конституции Российской Федерации, и это подтверждается практикой Конституционного Суда Российской Федерации. Следовательно, конституционное положение о том, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, а законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации с учетом изложенного в действительности не

соответствует истине в полном объеме. Соответственно реализация данного принципа в полной мере не может быть объективно подтверждена, поэтому несуществующее положение относительно конституционности нормативных правовых актов признается законодательством существующим, что является юридической фикцией.

Также представляется, что принцип конституционности нормативных правовых актов тоже содержит в себе элементы правовой аксиомы, поскольку в рамках правового государства не требуется каких-либо доказательств необходимости данного принципа в отечественной правовой системе в силу его определяющей роли в основах правового государства в Российской Федерации.

Постоянное развитие и укрепление правового государства в Российской Федерации, которое требует совершенствования, прежде всего законодательной базы, наполняет соответствующие конституционные установления признаками специфических норм права, например норм-целей. В связи с этим обратим внимание на то, что многие принципы и нормы российской Конституции, заимствованные из более развитых демократий, либо остались не реализованными, либо не полностью раскрыли свой потенциал. Данное обстоятельство не позволяет считать завершённой консолидацию российского общества в отношении ценностей, заявленных в Конституции, и соблюдении ее принципов, а также говорить о преодолении разногласий среди основных политических сил в вопросах стратегии конституционно-правового развития страны¹. В свою очередь это также свидетельствует о потенциале дальнейшего развития и достижения обозначенных конституционных ценностей.

Таким образом, на наш взгляд, основополагающие конституционные установления выходят за рамки своих традиционных определений как принципы, поскольку сочетают в себе характеристики различных правовых категорий, вследствие чего в таких конституционных установлениях проявляется определенная вариативность.

В данном случае такую вариативность следует охарактеризовать как наличие призна-

ков правовых категорий (например, правовых презумпций, фикций, аксиом), входящих в структуру элементов конституционно-правовых принципов, которые проявляются в правовом содержании таких конституционно-правовых принципов при обращении к ним.

Представляется, что тезис относительно вариативности конституционных установлений применим ко всему спектру конституционных принципов, лежащих в основе конституционного строя, в силу универсальности структур составляющих их элементов. Это подчеркивает единство и взаимосвязь основ, заложенных в Конституции Российской Федерации.

При этом необходимо отметить двойственную природу такой вариативности. С одной стороны, элементы структуры основ конституционного строя являются постоянной составляющей этих основ вне зависимости от состояния их практической реализации. Так, на примере рассмотренного ранее принципа конституционности нормативных правовых актов это означает, что входящая в его структуру презумпция конституционности нормативных правовых актов не выходит из состава данной структуры в связи с тем, что в том или ином конкретном случае конституционность нормативных правовых актов установлена Конституционным Судом Российской Федерации, и, соответственно, в отношении таких нормативных правовых актов в полном объеме реализован указанный принцип, а предположение об их конституционности в связи с этим подтверждается. Таким образом, все элементы такой структуры остаются в ней вне зависимости от их фактической функциональной нагрузки в том или ином конкретном случае в силу того, что они тесно взаимосвязаны между собой и каждый из них выполняет определенную функцию по формированию полноценно функционирующего конституционного принципа. Иными словами, реализация конституционного принципа происходит посредством функционирования всех его элементов, что само по себе уже является определенной гарантией его реализации.

С другой стороны, представляется, что вариативность конституционно-правовых основ может служить своего рода индикатором такой реализации. Так, если при обращении с позиции вариативности к принципу конституционности нормативных правовых актов

¹ Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст : аналит. докл. / отв. ред. А.Н. Медушевский. М. : Ин-т права и публич. политики, 2014. С. 4.

устанавливается наличие в нем признаков, например, таких нетипичных правовых установлений, как презумпция и фикция, или таких специфических норм права, как нормы-декларации и нормы-цели, то это свидетельствует о возможных пробелах в реализации данного принципа. Например, если при обращении к той или иной правовой норме или группе норм нельзя достоверно установить их соответствие Конституции Российской Федерации, то на первый план выходит презумпция конституционности таких норм, которая подразумевает их конституционность. В этом случае, как уже отмечалось, принцип конституционности обладает признаками презумпции, которая является предположением о конституционности нормативных правовых актов, пока иное не будет установлено Конституционным Судом Российской Федерации. В таком случае нельзя однозначно утверждать, что нормативный правовой акт в целом или в части соответствует Конституции Российской Федерации,

а значит и нет оснований полагать о реализации принципа конституционности в полном объеме. В этой связи представляется возможным сделать вывод о том, что если при обращении к конституционно-правовому принципу не проявляется его вариативность, то есть отсутствуют признаки одного или нескольких элементов его структуры, кроме как непосредственно признака правового принципа, то реализация на практике последнего осуществляется в полном объеме. Например, если конституционность нормативного правового акта проверена Конституционным Судом Российской Федерации, то признаки презумпции конституционности нормативных правовых актов не будут проявляться в принципе конституционности в силу устранения самого предположения посредством такой проверки. Вопрос лишь в том, насколько возможное с теоретической точки зрения такое «идеальное» состояние в реализации конституционно-правовых принципов в целом может быть достигнуто на практике.

НА ПУТИ К НОВОЙ СТРУКТУРЕ ФЕДЕРАЦИИ

ФАДЕЕВ Виктор Николаевич

***Аннотация.** В основу формирования структуры федерации должны быть положены два основополагающих принципа: новая национальная и новая экономическая политика, сутью которых должны стать культурно-национальная автономия, самодостаточное экономическое развитие и полноценное местное самоуправление.*

***Annotation.** The two generic principles should be the basis of the federation structure formation: new national and new economic policy, the essence of which should become cultural-national autonomy, all-sufficient economic development and full-scale local self-government.*

***Ключевые слова:** структура федерации, новая национальная и новая экономическая политика, культурно-национальная автономия, местное самоуправление.*

***Key words:** federation structure, new national and new economic policy, cultural-national autonomy, local self-government.*

Для того чтобы выработать новый подход к построению структуры федерации и формированию будущей региональной и национальной политики в условиях федеративного государства, необходимо понять, какие препятствия стоят на этом пути. Тогда будет ясна и суть политики, и механизм ее реализации.

Рассмотрим, что предстоит преодолеть на этом нелегком пути к новому, более совершенному федеративному устройству России.

Во-первых, необходимо преодолеть ложную идею о незавершенном процессе общенациональной консолидации и самоидентификации новой России.

Несомненно, этот процесс еще не завершен, но лишь в том смысле, что он не доведен до «стерильной» чистоты, до совершенства, что в самом этом процессе пока еще имеются противоречивые тенденции, которые и порождают возможность возникновения конфликтности в российском обществе.

Во-вторых, прошедшие столетия «перемешивания» в горниле общих испытаний российского этнического «материала» позволяют говорить о реально сложившейся многонациональной консолидации граждан России. Особенно это проявилось в экономическом, хозяйственном, культурном, языковом, психологическом и бытовом отношениях.

Ведущиеся сегодня попытки разрушить эту консолидацию отражают стремление внешних противников России, внутренних национально-этнических элит и криминальных структур максимально использовать сложившуюся в некоторых национальных регионах

взрывоопасную ситуацию для достижения одними – геополитических целей, другими – реализации политических и националистических амбиций, третьими – для беспрепятственного ограбления собственного народа.

Но простые люди хотят жить в мире и достатке. Поэтому проводники этой политики все в большей мере сталкиваются с внутренним сопротивлением и активным противодействием со стороны простых граждан в регионах и по всей России. Отсюда следует, что обустройство новой России следует проводить в жизнь в неразрывной связи с предшествующими историческими традициями, а не вопреки им.

В-третьих, в такой многонациональной стране, как Россия, построение федерации без учета национальных особенностей малых народов просто невозможно. В связи с этим возникает вопрос: а чем определяется национальная самобытность каждого народа?

Ответ может быть следующий. Прежде всего, его духовным миром и уровнем культуры, развитие которых в современной эпохе определяется не «правом нации на самоопределение вплоть до отделения», а экономическими возможностями поддержания своей самобытности, ее обогащения культурой дружественных народов и способностью самостоятельно обеспечивать безопасность и стабильность такого развития.

Давайте оценим сложившуюся ситуацию в современной России. Русский народ доказал всей историей своего существования готовность бескорыстно содействовать развитию

самобытности других народов и обеспечивать безопасность такого развития. А что русские получили в ответ? Для себя ничего. Другим народам русские помогли создать национальную государственность, причем в ущерб своим интересам на этих территориях, часто потворствуя сугубо националистическим амбициям титульных народов, особенно их лидеров. Для многих малых народов и народностей их национальная государственность или автономия по сей день оплачивается федеративным государством, то есть другими, в основном русскими, субъектами федерации, население которых такой широкой национальной автономии и государственности не имеет.

Чтобы устранить это противоречие, стержневой идеей будущего государственного строительства и национальной политики должен стать постепенный переход от национально-государственной к культурно-национальной автономии.

Национально-государственная автономия при безусловном верховенстве федеральных законов может иметь место лишь на тех территориях, где большинство населения относится к титульной нации, а сама территория является экономически самодостаточной.

Сегодня логика жизни при построении российской государственности требует изменения сложившегося в советский период государственного устройства, следовательно, отказа от абсолютного приоритета статуса национально-государственной автономии в ущерб политическим интересам административно-территориальных образований.

В-четвертых, ни о какой подлинной федерации и демократическом государстве не может быть и речи, пока сохраняется политическое и экономическое неравенство субъектов федерации, пока процесс их формирования, определение принципов существования и механизма реализации будет определяться «сверху», со стороны федерального центра. Иначе мы можем очень быстро скатиться к государству с режимом открытой диктатуры или к авторитарному режиму, «расцветенному» красно-бело-голубыми фиговыми листочками, или к распаду территориальной целостности Российского государства.

В-пятых, принципиальное значение для решения государственных, политических, социальных и иных проблем, в том числе практических задач формирования новой федера-

ции, приобретают экономические вопросы, прежде всего вопросы распределения собственности между регионами и органами местного самоуправления.

Таким образом, в основу формирования структуры федерации должны быть положены два основополагающих принципа: новая национальная и новая экономическая политика, сутью которых должны стать культурно-национальная автономия, самодостаточное экономическое развитие и полноценное местное самоуправление.

Экономический фактор приобретает все большее значение в процессе формирования региональных структур управления и на международном уровне.

Переход от военно-политических блоков, созданных после окончания Второй мировой войны, к региональному экономическому развитию, которое стало проявляться уже накануне Великой Отечественной войны, вначале как тенденция, – сегодня этот переход стал реальностью, приобрел характер мировой закономерности.

Тенденция такого перехода проявляется в двух аспектах – внешнем и внутреннем.

Первый из них, отражая глобальный экономический интерес, повлек за собой создание мощных межгосударственных и межрегиональных экономических организаций (ЕЭС, АСЕАН, ОПЕК и т.п.).

Причем в последние два десятилетия эта тенденция набирает силу, начинает глубоко проникать в национальные структуры экономики, более того, вторгается в политическую сферу, диктует необходимость принятия определенных форм политической, наднациональной интеграции (например, усиление интеграционных процессов в ЕЭС в противовес нашим дезинтеграционным процессам в СНГ). Сюда можно отнести взаимодействие стран – экспортеров нефти (ОПЕК), куда на правах наблюдателя входит и Россия, в противовес давлению США.

В последние годы Россия активно стремилась попасть в число членов ВТО (наконец-то после восемнадцатилетнего «стояния в приемной» – приняли), других престижных международных, в основном европейских, организаций. Хотя для России наиболее приоритетными и перспективными по экономическим и внешнеполитическим соображениям должны стать страны, бывшие экономические и страте-

гические партнеры СССР. К ним относятся государства Восточной Европы, бывшие экономические партнеры СССР в Азии, прежде всего Индия и Китай, арабские страны на Ближнем и Среднем Востоке, а после распада СССР – бывшие союзные республики. Причем в отношении последних геополитические интересы диктуют необходимость поиска не только экономических, но и других форм интеграции – политической, военной, культурной.

Ослабление влияния России на постсоциалистическом, особенно на постсоветском пространстве, – мощный удар по геополитическим интересам России, ее экономической и военной безопасности.

Сегодня, в связи с не сбалансированной внутренней политикой, России все труднее проводить и независимую внешнюю политику. В результате под угрозой оказалась национальная безопасность России, ее суверенитет.

Второй аспект проблемы заключается в том, что региональная экономическая политика внутри страны выступает как необходимое условие экономического развития страны в целом, как важная составная часть в процессе международного разделения труда. Материальные и интеллектуальные ценности создаются не в Кремле, а далеко за пределами Садового кольца.

Цель эффективной региональной экономической политики, в первую очередь это касается депрессивных регионов, – достичь выравнивания экономического и социального положения территорий не за счет увеличения трансфертов из федерального центра, а за счет поиска и стимулирования факторов регионального развития.

В западных странах программы регионального экономического развития становятся одним из основных элементов инвестиционной политики государства, частного отечественного и иностранного капитала. Из всех западных государств, пожалуй, только во Франции региональная политика приобрела изначально не только экономический, но и политический характер.

Так, региональная политика во Франции представляет собой комплекс различных законодательных, административных и экономических мероприятий, проводимых как центральным правительством, так и местными органами власти в целях устранения диспропорций в экономическом развитии различных регио-

нов страны, более полного использования природных, экономических и людских ресурсов слаборазвитых районов.

Уровень существующего во Франции административно-территориального деления (департаменты) препятствовал проведению таких мероприятий. Именно это положение – противоречие между экономическими потребностями страны и узостью административно-политических рамок в реализации этих потребностей – привело де Голля к необходимости осуществить региональную реформу при примате политического аспекта. Это предусматривало в проекте реформ новое административно-территориальное деление страны, когда в основу территориальной административной единицы должен быть положен не департамент, а регион, объединяющий ряд департаментов. На референдуме 1969 года этот проект, именно в силу примата политического аспекта, был отвергнут. Де Голль ушел в отставку. Но это совершенно не означало, что была отвергнута его идея в целом. Ее экономический аспект со значительным политическим содержанием был, в конечном итоге, принят и реализован позже, в 70-е годы двадцатого века.

Создание девяти федеральных округов как раз укладывается в эту схему. Но пока этот проект как политически, так и экономически далек от завершения. Более того, в условиях предполагаемого укрупнения регионов данный проект теряет свой изначальный смысл.

Проблема регионального развития имеет особое значение. Под ней необходимо понимать не экономическую поддержку дотационных субъектов федерации, а создание крупных экономических регионов, способных на основе объединения экономических потенциалов областей, краев, республик, решать масштабные экономические, социальные и культурные проблемы, затрагивающие стратегию социально-экономического развития значительных территорий в интересах большинства населения.

Государство в данном случае является лишь гарантом реализации таких программ развития, координирует деятельность объединивших усилия регионов, вовлекает в этот процесс при необходимости государственный, коллективный, частный и иностранный капиталы.

В России на протяжении веков складывались, прежде всего с географической точки

зрения, экономические регионы, включающие в себя географически близкие территории. Такими сложившимися на территории России в течение длительного времени стали Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный экономические районы. Всего 11 экономических регионов.

Особое место в силу стратегического положения занимает Калининградская область, которая является форпостом России на Западе! Не менее важный форпост, с точки зрения геостратегического значения, занимает Крымский округ, включенный в состав России 18 марта 2014 года!

Каждый из таких регионов характеризуется:

- однотипностью основного промышленного производства;
- схожестью условий сельскохозяйственного производства;
- близкими климатическими и природными условиями;
- наличием примерно однородного состава квалифицированной рабочей силы, ориентированной на общероссийскую кооперацию и производственные возможности и нужды конкретного региона;
- схожей системой общеобразовательной и профессиональной подготовки, отражающей в основном внутренние потребности региона;
- профилированной к экономическим потребностям региона научной и научно-технической базой;
- близкими демографическими условиями;
- схожими социальными процессами;
- близкими традициями и опытом производства.

Таким образом, исторически сложились четкие критерии формирования указанных регионов. Более того, в такой последовательности эти территории ранее представлялись в отчетах Российского статистического агентства. Сегодня они заменены девятью федеральными округами.

Организационный принцип регионального хозяйствования не является чем-то новым для России. Образованные во второй половине 50-х годов прошлого века совнархозы действовали на основе этого принципа и доказали

свою высокую эффективность – они позволяли в те годы получать от 8 до 10 % годового прироста валового внутреннего продукта.

Особенно сильное развитие в эти годы получила местная и легкая промышленность, как наиболее быстро окупаемые и необходимые внутреннему потребительскому рынку. Уровень развития этих отраслей во всех странах определяет большинство рабочих мест, от чего зависит общее благосостояние основной массы населения.

В настоящее время существует утверждение, что ликвидация совнархозов – следствие в основном экономических причин, их экономической несостоятельности. Но это далеко не так. Несомненно, в процессе их деятельности появлялись внутренние и внешние противоречия. Некоторые из них были следствием слепого копирования совнархозов 20-х годов прошлого столетия, другие явились результатом организационных недоделок, издержек развития, пробелов в управлении, излишней детализации планирования, слабой теоретической разработки проблемы, низкой квалификации управленческих кадров на местах. Но эти противоречия могли быть решены безболезненно, в рабочем порядке.

Причина ликвидации совнархозов на самом деле лежала не в экономической, а в политической плоскости. Партийное руководство на местах при образовании региональных органов хозяйственной деятельности и управления начало терять рычаги своего безальтернативного влияния на межрегиональные (в рамках экономического региона) экономические процессы, оно практически лишалось контроля и руководства над сферами движения финансовых и материально-технических средств непосредственно в своих областях, краях и автономных республиках. К тому же, на местах областные партийные структуры были разделены на промышленные и сельскохозяйственные обкомы партии, причем чаще всего первый секретарь обкома становился во главе сельскохозяйственного обкома партии. Это означало, что его личное влияние на хозяйственную деятельность региона резко сокращалось, поскольку реформирование в основном затрагивало сферу материального производства и промышленности. На селе в то время было повальное «увлечение» кукурузой.

Именно партийные руководители на местах доказывали и доказали, что с потерей

контроля над хозяйственной деятельностью и финансами партия теряет контроль над социально-экономической ситуацией в стране и отодвигается от управленческой функции в области экономики, что, в конечном итоге, может привести, с их точки зрения, к потере партией и политической власти.

Таким образом, главной причиной ликвидации межрегионального принципа хозяйствования стало не укрепление политического влияния партии, а уменьшение власти партийной номенклатуры на местах.

Неспособность работать политическими методами, приверженность к командному стилю управления, стремление сохранить партийный контроль над экономическими процессами в своих регионах были главными побудительными мотивами на местах, чтобы разрушить

первые попытки проведения экономических реформ в СССР по правильному пути.

И сегодня, по существу, те же причины лежат в основе различных доводов, приводимых сторонниками национально-государственной автономии, противниками укрупнения регионов и перехода к новому государственному строительству на основе принципов экономического районирования и национально-культурной автономии.

Скрытое сопротивление региональных лидеров не ослабевает, несмотря на то, что имеется масса существенных доводов в пользу укрупнения существующих регионов, постепенного перехода к культурно-национальным автономиям, имея в виду построение на этих принципах нового федеративного устройства России.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

БОРИСОВ Сергей Викторович

Аннотация. В статье рассмотрена новелла уголовного права, направленная на усиление охраны территориальной целостности Российской Федерации, выделены проблемы уголовного законодательства и предложены пути их минимизации.

Annotation. In article the short story of criminal law directed on strengthening of protection of territorial integrity of the Russian Federation is considered, problems of the criminal legislation are allocated and ways of their minimization are offered.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, публичные призывы, территориальная целостность, экстремистская деятельность.

Key words: crimes of an extremist orientation, public appeals, territorial integrity, extremist activity.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 433-ФЗ¹ Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) была дополнена ст. 280¹ об ответственности за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России. Данный Федеральный закон вступил в силу 9 мая 2014 года, после чего стал предметом широкого обсуждения на различных форумах в сети Интернет, поскольку многими такое дополнение УК РФ было воспринято в контексте геополитического кризиса в Украине. При этом большинство участников подобных форумов, негативно отзывающихся о данной уголовно-правовой новелле, судя по всему оставило без внимания дату принятия этого Закона и предшествующую работу по подготовке и обсуждению соответствующего законопроекта и не попыталось выяснить сущность нового уголовно-правового запрета и механизм его реализации. Между тем, как и любое положение уголовного закона, ст. 280¹ УК РФ нуждается в доктринальном толковании, способствующем правильному пониманию ее содержания. Отсутствие научного подхода к изучению уголовного закона способно приводить к поверхностным суждениям и необоснован-

ным выводам, чаще всего носящим популистский характер. Поэтому в настоящей статье мы предпримем попытку научного рассмотрения вопросов о целесообразности указанного дополнения УК РФ и направлениях повышения эффективности уголовно-правовой охраны территориальной целостности Российской Федерации.

В первую очередь отметим, что ст. 280¹ УК РФ можно признать новеллой только с позиции появления еще одного звена в сквозной нумерации статей уголовного законодательства и выделения названия преступления, ранее в УК РФ отсутствовавшего. Фактически же соответствующий уголовно-правовой запрет существовал и ранее в виде более общей уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 280 УК РФ об ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, одним из проявлений которой является нарушение территориальной целостности Российской Федерации². Поэтому ст. 280¹ УК РФ следует рассматривать в качестве специальной нормы по отношению к общей норме, предусмотренной ст. 280 этого УК.

¹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6998.

² См.: Пункт 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031; Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7580.

Логично предположить, что появление в структуре Особенной части УК РФ нового запрета, закрепленного в ст. 280¹, должно было иметь какую-то цель, например, связанную с усилением или смягчением ответственности за конкретное проявление экстремистской деятельности в виде публичных призывов к действиям, посягающим на территориальную целостность государства. Однако сопоставление санкций ст. 280 и 280¹ УК РФ приводит к выводу об их полной идентичности, причем без малейшего повышения или снижения строгости наказания в последней из них. То есть, с научной точки зрения, рассматриваемое дополнение УК РФ нельзя признать криминализацией деяния или выделением разновидности уже предусмотренного в уголовном законе преступного поведения в целях повышения или понижения строгости ответственности за его совершение. Следовательно, дополнение Особенной части УК РФ ст. 280¹ является либо юридико-технической ошибкой, либо (и) результатом следования политическим веяниям без глубокого изучения уже имеющихся уголовно-правовых средств, предназначенных для охраны территориальной целостности Российской Федерации. В любом случае в том виде, в каком изложена рассматриваемая статья УК РФ, она представляет собой излишний, а точнее, повторяющийся уголовно-правовой запрет.

Мы понимаем, что нам могут возразить и сослаться при этом на п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», где в качестве обозначения первой разновидности экстремизма указывается «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», тогда как в ч. 1 ст. 280¹ УК РФ ничего не говорится о насильственном характере действий по нарушению территориальной целостности Российской Федерации. То есть буквальное толкование и сравнение ч. 1 ст. 280¹ УК РФ и п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» может привести к выводу о том, что в уголовном законе говорится о публичных призывах к любым, причем не обязательно к насильственным действиям по нарушению территориальной целостности Российской Федерации, тогда как второй нормативный правовой акт подчеркивает исключительно насильственный способ осуществления таких

действий. Но это лишь первое впечатление. Объясним свою позицию.

Во-первых, формулировка «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации» не позволяет однозначно утверждать, что насильственный способ относится не только к изменению основ конституционного строя, но еще и к нарушению территориальной целостности государства. Для однозначного утверждения о насильственном характере последнего законодателю следовало изложить данное положение следующим образом: «насильственные изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации» или «насильственные действия, направленные на изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации». Кроме того, явным недочетом законодательной техники является использование соединительного союза «и» между словосочетаниями «насильственное изменение основ конституционного строя» и «нарушение целостности Российской Федерации», поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации обеспечение территориальной целостности государства относится к основам его конституционного строя. То есть указание на насильственное изменение основ конституционного строя одновременно может означать и насильственное нарушение территориальной целостности государства, что в очередной раз подтверждает наш вывод о том, что в п. 1 ст. 1 Федерального закона может подразумеваться и ненасильственное нарушение территориальной целостности Российской Федерации, поскольку после союза «и» отсутствует конкретизация способа нарушения выделенной основы конституционного строя.

Во-вторых, следует учитывать, что территориальная целостность государства может подвергаться негативному воздействию как изнутри, так и извне, то есть могут возникать внутренние и внешние угрозы для сохранения всей территории государства в неприкосновенности. Если говорить о внутренних угрозах, то следует учитывать, что в Особенной части УК РФ предусмотрено лишь одно преступление, непосредственно направленное на нарушение территориальной целостности нашего государства, – вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ), состоящий в организации такого мя-

тежа либо активном участии в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Учитывая, что обеспечение целостности и неприкосновенности своей территории относится к основам конституционного строя Российской Федерации, то на рассматриваемые нами отношения может посягать и преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ, в том числе состоящее в действиях, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. В качестве внешних угроз территориальной целостности Российской Федерации могут выступать преступления против мира и безопасности человечества, в частности планирование, подготовка, развязывание агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и публичные призывы к развязыванию такой войны (ст. 354 УК РФ). Следовательно, как внутренние, так и внешние угрозы территориальной целостности Российской Федерации неотделимы от насилия, что еще раз подтверждает, что ст. 280 и 280¹ УК РФ в любом случае соотносятся как общая и специальная нормы, то есть при конкуренции данных норм приоритет отдается именно последней из них (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

Вместе с тем изложенное выше вовсе не указывает на полное отсутствие предпосылок для выделения соответствующего уголовно-правового запрета в виде специальной нормы, а лишь обращает внимание на необходимость более тщательного и научно обоснованного подхода к формулированию новых положений УК РФ. Так, одним из наиболее весомых аргументов в пользу выделения данного запрета могло бы стать обоснование повышенной ценности общественных отношений, обеспечивающих территориальную целостность государства, на что, в частности, указывает закрепление гарантий последней в международном и конституционном праве. При этом такое обоснование следовало бы учесть при формулировании санкций соответствующей статьи УК РФ, а именно посредством повышения строгости содержащихся в них видов наказания по сравнению с санкциями ст. 280 этого УК.

Так, в теории международного права подчеркивается, что в настоящее время обеспечение территориальной целостности государств является одной из актуальных проблем. Пре-

крашение существования такой державы, как СССР, выступило неким катализатором сходных процессов в других странах: дробление бывшей Югославии на несколько самостоятельных государств, попытки по отделению Чеченской Республики от России, отделение Южной Осетии и Абхазии от Грузии и ряд других сложных территориальных проблем говорят о том, что в современном мире продолжается процесс изменений, идущих вразрез с принципом территориальной целостности, являющимся одним из исходных начал международного права³.

В соответствии с ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации наша страна обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Для этого государство формирует и использует комплекс правовых, дипломатических, экономических, организационных и иных мер.

Следовательно, дополнение Особой части УК РФ ст. 280¹ УК РФ может быть обосновано необходимостью повышения эффективности уголовно-правовой охраны общественных отношений, обеспечивающих территориальную целостность Российской Федерации как одну из основ конституционного строя государства. При этом соответствующий уголовно-правовой запрет должен с необходимой полнотой отражать конститутивные признаки состава преступления, что позволит исключить произвольное толкование рассматриваемой уголовно-правовой нормы и возможные ошибки при ее применении. К сожалению, редакция ст. 280¹ УК РФ оставляет желать лучшего, поскольку диспозиция ее части первой повторяет название преступления, но никоим образом не раскрывает его признаки. Ситуацию усугубляет и то обстоятельство, что ключевое понятие «территориальная целостность Российской Федерации» не определяется и в других нормативных правовых актах. То же самое замечание касается и понятия действий, направленных на нарушение территориальной целостности.

Отметим, что в настоящее время основные понятия, относящиеся к рассматриваемому преступлению, раскрыты в проекте феде-

³ См.: Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 3.

рального закона «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации»⁴. Так, под территориальной целостностью Российской Федерации понимается исторически сложившееся государственное и территориальное единство Российской Федерации в пределах Государственной границы Российской Федерации, обязывающее иностранные государства воздерживаться от любых несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций действий против политической независимости или единства Российской Федерации, в том числе от любых действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой.

Н.В. Остроухов отмечает, что в теории международного права не существует общепризнанного определения территориальной целостности государства, однако в качестве основы этого понятия рассматривается единство сухопутной и водной территорий определенного государства. Нарушение территориальной целостности может быть выражено в формах распада государств на два или большее число государств, отделения от государства части его территории и образования самостоятельного государства, отделения от государства части его территории и присоединения ее к другому государству. Такие негативные последствия потери части территории государства признаются нарушениями его территориального единства⁵.

В указанном выше законопроекте говорится о внутренней и внешней угрозах для территориальной целостности Российской Федерации.

Внутренняя угроза территориальной целостности Российской Федерации в мирное время понимается как любое действие антиправительственных вооруженных сил или других организованных вооруженных групп на территории Российской Федерации, направленное на нарушение территориальной це-

лостности, политической независимости или суверенитета Российской Федерации. Вооруженный конфликт немеждународного характера определяется как вооруженный мятеж (гражданская война, восстание), направленный на развал российской государственности и выход из состава Российской Федерации, включающий в себя вооруженные столкновения между Вооруженными Силами Российской Федерации и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под организованным командованием, осуществляют контроль над частью территории Российской Федерации и предпринимают непрерывные и согласованные военные действия. Внешняя же угроза рассматривается в контексте агрессии против Российской Федерации, состоящей в применении вооруженной силы иностранным государством первым против территориальной целостности, политической независимости или суверенитета Российской Федерации или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН.

В связи с отмеченными обстоятельствами считаем, что законодателю следует определиться с предметом регулирования ст. 280¹ УК РФ за счет указания на то, к осуществлению каких именно действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства, публично призывают виновные. Полагаем, что такие действия должны быть связаны с проявлениями внутренних угроз, тогда как внешние угрозы территориальной целостности Российской Федерации следует включить в предмет регулирования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. К таким нормам в настоящее время относятся ст. 353 и 354 УК РФ об ответственности за действия, относящиеся к агрессивной войне и публичным призывам к ее развязыванию, но не охватывающие все возможные внешние воздействия, способные нарушить целостность нашего государства. Следовательно, для всесторонней охраны территориальной целостности Российской Федерации в уголовном законодательстве необходимо предусмотреть нормы-запреты, направленные на противодействие всем возможным внутренним и внешним угрозам соответствующим общественным отношениям.

⁴ См.: Законопроект № 106374-3 «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=106374-3&02> (дата обращения: 18.09.2014).

⁵ См.: Остроухов Н.В. О понятии «территориальная целостность государств» как основном объекте преступлений, посягающих на безопасность государства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 1. С. 4–5.

Возвращаясь к изучению содержания ст. 280¹ УК РФ, отметим, что объективная сторона предусмотренного ею преступления выражается в общественно опасных действиях, состоящих в публичных призывах, воздействующих на других людей и побуждающих их к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, образуют состав оконченного преступления с момента их осуществления независимо от того, поддастся ли кто-либо на эти призывы или нет. При этом следует учитывать уточнение, сделанное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации применительно к публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности, рекомендуя считать данное преступление оконченным уже с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения к другим лицам⁶. Вместе с тем считаем, что данное разъяснение является проявлением расширительного толкования, ухудшающим положение обвиняемого в ситуации, когда он осуществил однократный публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности. По нашему мнению, разрешение данной проблемы возможно только на законодательном уровне за счет указания на *призыв*, а не на *призывы*⁷, что также касается и редакции ст. 280¹ УК РФ. Представляется, что использование в диспозициях выделенных статей Особенной части УК РФ множественного числа для терминов, при помощи которых определяются объективные признаки предусмотренных ими деяний, порождает сомнения, которые не могут быть однозначно разрешены на уровне правоприменения, что создает возможность, а может быть, даже необходимость толкования всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, то есть использовать буквальное значение данных признаков⁸. Как справедливо

отметила Н.Ф. Кузнецова, «...во всех статьях К должно употребляться единственное число имен существительных. Иначе проблему квалификации <...> трудно решить»⁹.

Выделенная проблема касается и содержащегося в диспозиции ч. 1 ст. 280¹ УК РФ указания на *действия* (выделено нами. – С.Б.), направленные на нарушение территориальной целостности, что также обуславливает вопрос о том, является ли преступлением призыв к одному такому действию. Полагаем, что в диспозиции ч. 1 ст. 280¹ УК РФ следует привести конкретные альтернативные действия, к которым могут призывать виновные, что возможно посредством указания на внутренние угрозы для территориальной целостности государства. Учитывая все изложенные нами замечания, предлагается изложить законодательное определение данного преступления в следующей редакции: «Публичный призыв к совершению насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, а равно вооруженного мятежа, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации».

Завершая рассмотрение проблемы использования терминов, характеризующих признаки состава преступления, во множественном числе, отметим, что в диспозиции ч. 2 ст. 280¹ УК РФ присутствует такой квалифицирующий признак, как использование *средств* массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных *сетей*, а значит снова необходимо решать вопрос о количестве таких средств и сетей. Кроме того, диспозиция ч. 2 ст. 280¹ УК РФ начинается со слов «те же деяния, совершенные...», что только усиливает возможное предположение, что для основного состава данного преступления обязательным является совершение не одного, а нескольких деяний в виде двух или более публичных призывов. Полагаем, что данные обстоятельства еще раз подтверждают наше предложение об изложении всех терминов, характеризующих признаки состава преступления, в единственном числе за исключением тех случаев, когда множественное число необходимо для обозначения

⁶ См.: Абзац 4 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

⁷ См.: Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 261.

⁸ Там же. С. 416.

⁹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М. : Городец, 2007. С. 90–91.

сочетания двух или более действий, последствий и т.д.

Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, следует отличать от подстрекательства к преступлениям, посягающим на территориальную целостность государства. Такие призывы не должны быть направлены на склонение других лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний, они могут лишь в обобщенном виде указывать на необходимость и (или) целесообразность осуществления действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. В частности, склонение кого-либо к организации вооруженного мятежа либо активному участию в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации квалифицируется как подстрекательство к преступлению, предусмотренному ст. 279 УК РФ.

Так как в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации также отнесены к разновидности экстремизма, возникает вопрос о том, как квалифицировать «публичные призывы к публичным призывам»: по ст. 280¹ или ст. 280 УК РФ? Сходная проблема касается и ст. 205² и 280 УК РФ, причем она никоим образом не разрешена ни в законодательстве, ни в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Пред-

ставляется, что при ответе на данный вопрос следует исходить из соотношения ст. 280 и ст. 280¹ УК РФ как общей и специальной норм и необходимости разрешения их конкуренции в пользу последней из них. Учитывая действующую редакцию ст. 280¹ УК РФ, предусмотренные в ней публичные призывы следует рассматривать в качестве одного из вариантов действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а значит «призывы к призывам» в данном случае образуют этот же состав преступления. Если же обратиться к предлагаемой нами редакции диспозиции ч. 1 ст. 280¹ УК РФ, то в приведенной ситуации подлежала бы применению ст. 280 УК РФ, так как в ч. 1 ст. 280¹ УК РФ указывался бы исчерпывающий перечень действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства.

Таким образом, ст. 280¹ УК РФ нуждается в совершенствовании, основанном на научном исследовании, затрагивающем вопросы обоснования целесообразности выделения соответствующего уголовно-правового запрета, его изложения в тексте уголовного закона и необходимости повышения строгости наказания в санкциях соответствующей уголовно-правовой нормы. Единообразному пониманию и последующему применению данной уголовно-правовой нормы способствовали бы нормативная регламентация обеспечения территориальной целостности Российской Федерации на уровне самостоятельного федерального закона, а также изложение необходимых разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КРИМИНАЛИЗАЦИЕЙ ВЛАСТИ С ПОМОЩЬЮ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ГЛАЗКОВА Лилия Владимировна

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы криминализации власти, проникновения преступности в органы государственной власти, международный опыт борьбы с такими явлениями, возможности расширения влияния общественности в сфере борьбы с преступностью.

Annotation. The article discusses some problems of criminalization of power, penetration of crime in public authorities, international experience in combating such phenomena, the possibility of expanding the influence of the public in the fight against crime.

Ключевые слова: общество, правоохранительные органы, государство, преступность, предупреждение преступности, общественная жизнь, молодежные объединения, защита от преступлений, противодействие преступности.

Key words: society, law enforcement, government, crime, crime prevention, public life, youth groups, protection from crime, combating crime.

Криминализация – сложное понятие, используемое как в уголовном праве и криминологии, так и в философии, социологии, политике и экономике. Общее значение термина – вовлечение в сферу влияния преступного мира¹.

В уголовно-правовом смысле понятие «криминализация» используется для установления общественной опасности различных деяний и признания их преступными и уголовно наказуемыми в нормах права. Криминологическое значение термина более широкое и означает прежде всего процесс проникновения преступности в общественные отношения, в том числе и во власть.

Характеризуя современное состояние организованной преступности в России, исследователи отмечают теснейшее взаимодействие, «трехсторонний союз чиновников, бизнесменов и гангстеров», «триумvirат основных сил – власти, капитала и преступности»².

Известен пример такого альянса, сложившегося в г. Когалым Тюменской области, где руководство некоторых акционерных обществ по согласованию с первыми руководителями города приняло беспрецедентное решение об использовании влияния воров в законе по кличке Каха и Мага для пресечения посяга-

тельств со стороны других преступников на руководство и собственность ОАО и города. За это Кахе и Маге было разрешено заниматься коммерческой деятельностью и вкладывать криминальные деньги в бизнес, а также обещано оказание содействия в урегулировании возникающих у ОПГ правовых проблем³.

Факты подобной круговой поруки между криминальными авторитетами и органами власти редко становятся известны общественности, так как правилом взаимоотношений членов «трехсторонних союзов» является строгая конспирация. Общество может только констатировать последствия сращивания власти и организованной преступности: подряды на государственные заказы, минуя законные конкурсные процедуры, передаются фирмам, подконтрольным преступным сообществам; чиновники как федерального, так и регионального уровней, занимаются хищением бюджетных средств и средств внебюджетных фондов, легализуя полученные капиталы через подставные фирмы, контролируемые ОПГ; лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии (авторитеты), консультируют чиновников и предпринимателей, устраивают «нужных» людей на государственные должности, взывают долги. Как писал Г.П. Харчилава, «сформировалась новая социально-экономи-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 307.

² Годунов И.В. Организованная преступность от расцвета до заката. М., 2008. С. 308, 309.

³ Челноков А. Как ФСБ следила за Абрамовичем // Совершенно секретно. 2011. № 2 (261).

ческая реальность, которая заключается в формировании устойчиво воспроизводящейся системы высококриминализованных отношений»⁴.

Двигателем этих отношений является сверхприбыль, ради получения которой на региональном, национальном, транснациональном уровнях криминальными кланами, тесно связанными с властью, создаются преступные сообщества, наркокартели, террористические организации, а также транснациональные корпорации и другие организации, использующие как легальные, так и нелегальные формы для получения сверхприбылей от самых различных сомнительных операций.

Мимикрия (защитное приспособление некоторых видов организмов, заключающееся в их сходстве по окраске или форме с другими животными или растениями или с предметами окружающей природы⁵) – отличительное качество ныне существующей организованной преступности и ее лидеров, скрывающихся под оболочкой внешне уважаемых членов общества (начальников департаментов, генеральных директоров, президентов компаний, министров, глав администраций, депутатов и проч.).

Защищенные высокими должностями, депутатской неприкосновенностью, связями и деньгами, авторитеты последнего времени чувствуют себя неуязвимыми и недоступными для уголовного преследования. Поэтому борьба с организованной преступностью должна преследовать цель по отделению государственных структур от гангстеров различного уровня и по ликвидации условий для коррупции. Очевидно, что силами одних только правоохранительных органов эту проблему не решить, необходимо объединение всех здоровых сил общества, предпринимателей, молодежи, общественных объединений и союзов.

Развитие институтов гражданского общества по противодействию преступности, поддержка региональной властью любых инициатив, направленных на сохранение общественного порядка, на борьбу с коррупцией и дру-

гими преступлениями, должно стать первоочередной задачей на этом пути.

В целях укрепления нормативно-правовой базы деятельности общественности по предупреждению преступности принят Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ. Находится на обсуждении в Государственной Думе законопроект «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», во многом повторяющий положение Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Но работа общественности по предупреждению преступности и коррупции в органах власти пока еще находится вне рамок правового регулирования, так как отдельные законодательные и ведомственные акты не решают всех вопросов, связанных с участием гражданского общества в борьбе с хищениями, взяточничеством и другими злоупотреблениями во властных структурах.

Мощным средством воздействия на общественное сознание являются средства массовой информации, а также электронные и информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет). Многие факты незаконной деятельности должностных лиц, их злоупотреблений, заснятые очевидцами на камеры мобильных устройств, а затем выложенные в Интернет, послужили поводами к служебным проверкам и даже к возбуждению уголовных дел. Дальнейшее развитие технологий приведет к новым возможностям для граждан участвовать в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений. Это необходимо учитывать и своевременно вводить в действующее процессуальное законодательство (административное, налоговое, уголовное) соответствующие нормы, позволяющие практически работникам на законных основаниях использовать информацию, полученную от граждан с помощью новейших технологий.

Учитывая достижения научного прогресса в развитии средств коммуникации и предвидя дальнейшее распространение мобильных устройств среди населения, было бы легкомысленно не учитывать возможности самого широкого применения добровольной помощи гражд-

⁴ Харчилава Г.П. Экономические аспекты криминального бизнеса и возможности его ограничения : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 3.

⁵ Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. М., 1987. С. 308.

дан в противодействии преступности. Но эта помощь должна основываться на федеральном законодательстве, определяющем принципы участия общественности в противодействии преступности с помощью средств массовой информации, электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), закрепляющем права и обязанности юридически свободных граждан, правомерно проявляющих активность, инициативность и самостоятельность. В законе о противодействии правонарушениям и преступности с помощью средств массовой информации и Интернета необходимо указать на критерии

допустимости выкладываемой в Сеть информации с установлением запрета на порнографию, а также на пропаганду экстремизма и наркомании. Основанный на гарантированной Конституцией РФ (ст. 29) свободе граждан в поиске, получении, передаче и распространении информации любым законным способом, новый федеральный закон установит правила поведения пользователей социальных сетей, поможет сформировать необходимую культуру общения граждан, использующих средства массовой информации и Интернет, создаст оптимальные условия для участия населения в борьбе с преступностью.

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ОСКОРБЛЕНИЯ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЛАРИН Виктор Юрьевич

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы наказуемости оскорбления сотрудника органа внутренних дел. Автор акцентирует внимание на санкциях ч. 1 ст. 297 и ст. 319 УК РФ и практике их применения. Делается вывод о необходимости совершенствования рассматриваемых санкций.

Annotation. In article questions of punishability of an insult of the personnel of agency of internal affairs are considered. The author focuses on sanctions p. 1 of Art. 297 and Art. 319 of the criminal code of Russian Federation and practice of their application. It is concluded that the need to improve the considered sanctions.

Ключевые слова: сотрудник органа внутренних дел, оскорбление, наказание, санкция, пенализация.

Key words: personnel of agency of internal affairs, insult, punishment, sanction, penalization.

Уголовный кодекс Российской Федерации не выделяет сотрудников органов внутренних дел в качестве самостоятельного потерпевшего, в том числе в рамках такого состава преступления, как оскорбление. Вместе с тем обратим внимание на ч. 1 ст. 297 и ст. 319 УК РФ. Они характеризуются специальным потерпевшим, которым в некоторых случаях может выступать сотрудник органа внутренних дел. Прежде чем характеризовать наказуемость оскорбления указанных лиц, следует отметить некоторые особенности перечисленных норм.

Разница между указанными составами заключается в том, что применительно к ч. 1 ст. 297 УК РФ сотрудник органа внутренних дел, выполняя свои служебные полномочия, выступает в качестве участника судебного разбирательства. Таким участником может быть следователь или дознаватель, участвующие в судебном заседании при разрешении заявленных ими ходатайств (о разрешении на производство отдельных следственных действий, об избрании, продлении срока содержания под стражей и т.п.), сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие уголовное судопроизводство, при рассмотрении в суде жалоб на их действия (бездействия) и решения в порядке ст. 125 УПК РФ, а также иные сотрудники органов внутренних дел, выступающие участником судопроизводства в силу служебных полномочий (например, при обращении в суд для установления административного надзора; при

рассмотрении дел об административном правонарушении).

Анализируя статистические данные, можно отметить, что ежегодно за совершение таких преступлений осуждается довольно небольшое количество лиц. Так, в 2011 году по ч. 1 ст. 297 УК РФ было осуждено 133 человека, в 2012 году – 92, а в 2013 году – 118 человек¹. В ходе выборочного исследования 60 приговоров, вынесенных судами различных субъектов РФ по ч. 1 ст. 297 УК РФ, нам, к сожалению, не удалось встретить ни одного дела, где бы потерпевшим выступал сотрудник органа внутренних дел. В связи с чем приходится констатировать, что указанный состав, хоть и охраняет в определенной мере честь и достоинство сотрудников органов внутренних дел, но является малоприменимым на практике. Однако объяснение этому заключается не в отсутствии случаев оскорбления сотрудников органов внутренних дел, а в том, что указанные лица очень редко выступают участниками судебного разбирательства.

Рассматривая ст. 319 УК РФ, отметим, что в ней сотрудник органа внутренних дел выступает в качестве представителя власти. Проведенное нами выборочное исследование приговоров и постановлений суда по ст. 319 УК РФ

¹ Здесь и далее в настоящей статье приводятся официальные данные судебной статистики. См.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт] : [2014]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.11.2014).

за 2010–2014 годы в отношении 120 лиц показало, что в 93, 3 % случаев (112 лиц) потерпевшими выступают сотрудники органов внутренних дел. Учитывая полученные данные, сосредоточим наше исследование на вопросах пенализации применительно к ст. 319 УК РФ.

Под пенализацией понимается процесс установления уголовной наказуемости деяния². Как отмечается в научной литературе, «можно выделить два аспекта пенализации. Первый аспект заключается в конструировании санкции уголовно-правовой нормы. Второй связан с практикой назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за соответствующее общественно опасное деяние»³. Рассмотрим каждый из аспектов в отдельности.

Так, санкция ст. 319 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере до сотни тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательных работ на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительных работ на срок до одного года. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 297 УК РФ наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до четырех месяцев.

Как видно, санкции оскорбления носят невысокий карательный характер, так как не содержат такого вида наказания, как лишение свободы. Такой подход законодателя вполне обоснован: общественная опасность данных преступлений невысока, в связи с этим нет необходимости применения к виновному для достижения целей наказания мер, связанных с длительной изоляцией от общества.

Указание в ч. 1 ст. 297 УК РФ на такой вид наказания, как арест, не применяемый в настоящее время, при пенализации оскорбления не может учитываться.

Сравнение санкций рассматриваемых статей показывает существенные различия в наказаниях, связанных с привлечением к труду: в ст. 319 УК РФ перечислены обязательные и исправительные работы, а в ч. 1 ст. 297 УК РФ – только обязательные работы. При этом в целом санкция последней строже. Логически объяснить отсутствие наказания в виде исправительных работ в санкции ч. 1 ст. 297 УК РФ невозможно. Поэтому представляется необходимым включение в нее данного вида наказания.

Анализируя такой вид наказания, как штраф, отметим существенные отличия его размера в рассматриваемых нормах (80 000 рублей и 40 000 рублей). Такая разница не соответствует различиям в общественной опасности данных преступлений, хотя мы признаем, что типовая общественная опасность ст. 297 УК РФ выше, чем ст. 319 УК РФ. Но хочется обратить внимание даже не на разницу размеров штрафа, а на их невысокий размер. Такие штрафы не могут обеспечить предупредительный характер уголовно-правовых норм.

Для сравнения обратимся к ч. 2 ст. 298.1 УК РФ – клевета в отношении следователя или дознавателя (они тоже являются сотрудниками органов внутренних дел), предусматривающую наказание в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо обязательных работ на срок до трехсот двадцати часов. Как видно, размер обязательных работ в ст. 298.1 УК РФ даже ниже, а размер штрафа многократно выше. Такое несоответствие образовалось в результате процесса декриминализации ряда преступлений против чести и достоинства личности и перенесении их в разряд административных правонарушений, а впоследствии – частичной их криминализацией с существенно увеличенными размерами штрафных санкций.

Столь высокий штраф в ст. 298.1 УК РФ объясним тем, что размер штрафа за клевету (до ее повторной криминализации) и оскорбление в качестве административных правонарушений существенно повысился. Аналогичным образом санкция возвращенной в УК РФ клеветы в ч. 1 ст. 128.1 УК РФ возросла в 6, 25 раза по сравнению с утратившей силу ч. 1 ст. 129 УК РФ. Упомянутая реформа не затронула ни ст. 297, ни ст. 319 УК РФ, поэтому санкции в них остались прежними, что никак нельзя

² См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1982. С. 123.

³ Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 36.

признать обоснованным. Это ставит на сегодняшний день задачу повышения санкций ст. 297 и 319 УК РФ.

Несоответствие нынешних штрафов в санкции ст. 319 УК РФ степени общественной опасности содеянного можно продемонстрировать посредством рассмотрения объекта данного преступления. Оскорбляя сотрудника органа внутренних дел как представителя власти, виновный причиняет вред его чести и достоинству, а посредством этого ставит под угрозу отношения в сфере нормального функционирования органов внутренних дел и уменьшает авторитет данных органов. Как видно, при совершении указанного преступления под угрозу ставятся сразу два непосредственных объекта. Поэтому пенализация такого преступления должна отражать его повышенную общественную опасность.

В пользу повышения размера штрафа в ст. 319 УК РФ свидетельствует и ее сравнение с ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ (публичное оскорбление). Последней предусмотрено административное наказание в виде административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до пятисот тысяч рублей. Иными словами, за совершение административного оскорбления можно понести более строгое наказание в виде штрафа, чем за совершение преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Рассматривая вопросы судебной пенализации оскорбления сотрудника органов внутренних дел, остановимся лишь на ст. 319 УК РФ по причинам, указанным в начале настоящей статьи.

Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что штраф является самым распространенным наказанием по ст. 319 УК РФ. Так, в 2010 году он был назначен 5 888 виновным в указанном преступлении (62,1 %), в 2011 году – 5 182 осужденным (69,1 %), в 2012 году – 4 638 осужденным (59,3 %), в 2013 году – 4 601 осужденному (58,4 %) по ст. 319 УК РФ. Вместе с тем отметим тенденцию к снижению применения штрафа в качестве наказания за оскорбление представителя власти.

Рассматривая конкретные размеры штрафа, назначаемые судом по ст. 319 УК РФ, обратим внимание, что в 2013 году штраф в раз-

мере до пяти тысяч рублей включительно назначен 1 941 осужденному, свыше пяти до двадцати пяти тысяч рублей – 2 613 осужденным и свыше двадцати пяти тысяч рублей – 47 осужденным. В 2012 году ситуация складывалась следующим образом: штраф до пяти тысяч рублей был назначен – 2 349 лицам, до двадцати пяти тысяч рублей – 2 243 лицам, свыше двадцати пяти тысяч рублей – 46 лицам; в 2011 году эти цифры составляли 3 473, 1 681, 28 лиц соответственно. Эти данные позволяют констатировать наличие тенденции увеличения случаев назначения более высоких штрафов за оскорбление сотрудника органов внутренних дел.

Вместе с тем такие данные также показывают другую опасную тенденцию: стремление судов минимизировать размер назначаемых штрафов, что не может не отразиться на незащищенности и большей уязвимости объекта уголовно-правовой охраны в ст. 319 УК РФ.

Некоторое объяснение такому положению дел можно дать, проанализировав те обстоятельства, которые судом учитываются при назначении наказания. В большинстве случаев суд учитывал рассмотрение уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, а также указывал в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, признание вины и раскаяние в содеянном⁴. Причем даже наличие отягчающих обстоятельств не становится препятствием назначения минимального наказания⁵. Все это говорит о том, что суды по ст. 319 УК РФ назначают чрезвычайно низкие штрафы.

Следует обратить внимание, что альтернативная на первый взгляд санкция ст. 319 УК РФ в некоторых случаях становится иной. В силу ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ обязательные и исправительные работы не назначаются определенному кругу лиц. Следовательно, в таких случаях санкция становится безаль-

⁴ См., например: Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Первомайского района г. Пензы от 31.10.2014 года в отношении Денисова С.И. по уголовному делу № 1-50/14. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-3-pervomajskogo-rajona-g-penzy-s/act-215268966/>

⁵ См.: Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного судебного района г. Ульяновска от 31.10.2014 года по уголовному делу № 1-68/2014 в отношении Додонова П.С. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-zheleznodorozhnogo-rajona-g-ulyanovska-s/act-215284720/>

тернативной. Вместе с тем, рассматриваемая санкция не содержит такого вида наказания, как ограничение свободы. Несмотря на то, что данный вид наказания является более строгим исходя из ст. 44 УК РФ по сравнению с исправительными работами, следует отметить его сходство с условным осуждением. Причем ограничение свободы представляется более проработанным и потому предпочтительным с точки зрения достижения целей наказания. А учитывая, что ежегодно согласно данным официальной судебной статистики около четырехсот человек, которым назначены за совершение оскорбления представителя власти исправительные работы, осуждаются с применением ст. 73 УК РФ, то есть условно, можно предложить дополнить санкцию ст. 319 УК РФ таким наказанием, как ограничение свободы.

Анализируя назначения судами по ст. 319 УК РФ таких видов наказания, как обязательные и исправительные работы, следует отметить, что в 2011 году такой вид наказания назначен реально 1 202 лицам, условно – 427 лицам; в 2012 году – реально 1 366 лицам, условно – 412 лицам; в 2013 году – реально 1 570 лицам, условно – 374. Это позволяет выделить положительную тенденцию, согласно которой случаи назначения

исправительных работ с реальным отбыванием наказания увеличиваются, а условно – уменьшаются. Поддерживая позицию исключения условного осуждения из УК РФ⁶, мы, не надеясь на скорую его отмену, выступаем за максимальное сокращение случаев его применения, в том числе и по ст. 319 УК РФ.

Обращает на себя внимание и тенденция сокращения случаев наказания в виде обязательных работ (в 2011 году – 1 795 лиц, в 2012 году – 1 382 лица, в 2013 году – 1 312 лиц). Это вполне объяснимо изменениями, внесенными в ст. 50 УК РФ в декабре 2011 года, когда исправительные работы разрешено было применять не только к лицам, не имеющим основного места работы, но и имеющим таковое.

Обобщая изложенное, отметим, что санкции за оскорбление сотрудников органов внутренних дел носят слабый карательный потенциал, при этом суд не использует в полном объеме даже его. Размер наказания в виде штрафа нуждается в многократном повышении. С целью усиления альтернативности санкции ст. 319 УК РФ и сокращения случаев назначения условного осуждения целесообразно дополнить ее санкцию наказанием в виде ограничения свободы.

⁶ См., например: Ларина Л.Ю., Пантюхина И.В. Проблемы пенализации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности // Законодательство. 2014. № 9. С. 70–76.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ (критический взгляд)

ПАНТЮХИНА Инга Владимировна
ЕРШОВА Анна Викторовна

Аннотация. В статье анализируется ряд предложений по совершенствованию отдельных признаков законодательных конструкций преступлений против здоровья личности. Авторы указывают недостатки выдвигаемых идей, противоречивость некоторых из них и несогласованность с другими нормами уголовного закона, на основе чего делают вывод о нецелесообразности их реализации.

Annotation. The article analyzes a number of proposals for improvement of separate traits legislative structures crimes against the health of the individual. The authors indicate the shortcomings of the proposals, the inconsistency of some of them and inconsistency with other provisions of the criminal law. On this basis, the authors conclude insolvency of their implementation.

Ключевые слова: здоровье человека, утрата трудоспособности, неизгладимое обезображивание лица, критерии вреда здоровью, истязание.

Key words: human health, disablement, lasting disfigurement of the face, criteria of damage to health, torment.

Здоровье человека – это благо, которое дается ему от природы и нарушение которого может быть невозможным, поэтому государство прилагает массу усилий для обеспечения его защиты. Один из способов такой защиты выражается в уголовно-правовых запретах причинения вреда здоровью любого человека, независимо от его возраста, состояния здоровья, социального статуса и других качеств и свойств. Такую защиту следует назвать традиционной, поскольку уголовно-правовые нормы, призванные ее обеспечить, известны с древних времен и являются достаточно устойчивыми. Вместе с тем, специалисты проявляют не проходящий интерес к таким нормам, чем обусловлено большое количество различных предложений по совершенствованию законодательных конструкций ряда из них, которые далеко не всегда перспективны и целесообразны, а иногда противоречивы и просто утопичны. На некоторых из них считаем необходимым остановиться.

Ряд предложений направлен на совершенствование диспозиции ст. 111 УК РФ. Например, О.С. Филатова из ч. 1 ст. 111 УК РФ предлагает исключить последствие в виде «заведомой для виновного полной утраты профессиональной трудоспособности», как не соответствующее общему понятию «вред здоро-

вью»¹. Вряд ли такую позицию можно признать целесообразной, поскольку смысл этого последствие заключается в том, что лицо, в силу состояния здоровья, утрачивает возможность осуществлять свою профессиональную деятельность. Иными словами, полученное наличие дефекта здоровья, который отсутствовал до посягательства, препятствует лицу реализовывать трудовую функцию, которую он выбрал основным видом деятельности для самореализации в профессиональном плане. И поскольку именно дефект здоровья лежит в основе утраты профессии, полагаем, что включение указанного признака последствием посягательства является обоснованным.

С.И. Думан указывает, что полная утрата профессиональной трудоспособности, прерывание беременности и неизгладимое обезображивание лица по степени общественной опасности выделяются из общего числа признаков, предусмотренных в ч. 1 ст. 111 УК РФ, и предлагает исключить их из данной нормы. Вместе с тем, не подвергая сомнению общественную опасность наступления таких последствий, предлагает определить им место в рамках са-

¹ См.: Филатова О.С. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. С. 6.

мостоятельного состава преступления в ст. 111.1 УК РФ², расширив при этом последнее из последствий, представив его в следующей формулировке «неизглядное обезображивание лица и (или) шеи, головы и тела». Основным аргументом автор указывает отсутствие опасности таких последствий, в том числе в момент посягательства, для жизни потерпевшего, что считает необходимым подчеркнуть в новой норме. (В основу данной позиции положено то обстоятельство, что эти последствия не создают угрозы жизни при их причинении). Однако такой аргумент не убедителен. В диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ не оговорено, что «жизнь» предполагает лишь биологическое состояние человека, на основании чего можно заключить, что она предполагает и социальный. Наступление рассматриваемых последствий угрожает реализации социальных функций человека в его жизни (профессиональной, материнской (не исключено, что и семейной) и т.д.). Кроме того, наступление других последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 111 УК РФ, также далеко не всегда влечет угрозу жизни как биологического состояния человека, в том числе и в момент осуществления посягательства. Поэтому полагаем, что для вынесения указанных С.И. Думан преступлений в отдельный состав нет достаточных оснований.

Е.В. Безручко также предлагает выделить в самостоятельный состав преступления умышленное причинение вреда здоровью человека, повлекшее неизглядное обезображение лица или любой части тела, альтернативой которому считает необходимым установить ответственность «за умышленное насильственное лишение девственности, не сопряженное с изнасилованием»³. Первое из указанных деяний может составлять угрозу для жизни человека как в биологическом, так и в социальном ее понимании, поэтому для его выделения в отдельное преступление из ст. 111 УК РФ нет оснований. Включение в УК РФ второго деяния, по сути нового для УК РФ, в полном объеме охватывается ст. 132 УК РФ, поскольку лишение девственности невозможно без проникновения

в женские гениталии, которое при применении насилия образует в зависимости от его исполнителя форму действия сексуального характера. Поэтому предлагаемая Е.В. Безручко новелла не может быть признана целесообразной.

А.С. Гудимов предлагает реконструировать ст. 112 УК РФ. Так, признавая противоречивость содержания признака длительного расстройства здоровья, предлагает его исключить из ст. 112 УК РФ; включить в ч. 1 признаки отсутствия опасности для жизни потерпевшего в момент причинения вреда⁴. Не подвергая сомнению противоречивость толкования длительного расстройства здоровья, считаем, что целесообразнее конкретизировать его толкование в рамках нормативно-правовой базы в сфере здравоохранения, регламентировать его четкие критерии, а не отказываться от его использования. Дополнение рассматриваемой нормы указанием на отсутствие опасности для жизни потерпевшего в момент причинения вреда считаем излишним, поскольку это положение непосредственно вытекает из смысла нормы. Прямое указание на опасность для жизни установлено признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, из чего следует, что в других посягательствах на здоровье личности оно должно отсутствовать. Поэтому включение предлагаемого признака в ст. 112 УК РФ излишне нагрузит норму, но не даст никакой конкретизации ее регламентации.

В.С. Коновалов, наоборот, но уже в ст. 115 УК РФ, предлагает отказаться от экономического критерия определения вреда здоровью и исключить слова «или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности». Законодательную конструкцию умышленного причинения легкого вреда здоровью он представляет в виде вызвавшего кратковременное расстройство здоровья продолжительностью не менее семи, но не свыше двадцати одного дня⁵. Такая формулировка вызывает вопрос о последствии в виде расстройства здоровья сроком до семи дней. К побоям его отнести невозможно, так как они не предполагают ни

² См.: Думан С.И. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9–10.

³ Безручко Е.В. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 5–6.

⁴ См.: Гудимов А.С. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

⁵ См.: Коновалов В.С. Уголовная ответственность за причинение легкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 6–7.

расстройства здоровья, ни утраты трудоспособности. Истязанием он также не всегда может быть охвачен. Вводить новый вид тяжести вреда здоровью – значит еще более осложнять правоприменительную практику, поскольку уже имеющиеся его виды дискуссионны. Поэтому целесообразность авторской позиции вызывает серьезные возражения.

Изменения в рамках совершенствования уголовно-правовых норм предлагаются специалистами не только в конструкции составов преступлений, непосредственно направленных на причинение различной тяжести вреда здоровью человека, но и иные, результатом которых являются различные заболевания, а также создают опасность для жизни и здоровья личности.

Так, С.Д. Дерябин, на основании отсутствия четких критериев отграничения друг от друга побоев и истязания (ст. 116 и 117 УК РФ), предлагает объединить их в единый состав преступления, а также снизить возраст их субъекта до 14 лет (что обусловлено частотой совершения лицами в возрасте от 14 до 16 лет преступлений против жизни и здоровья и половых преступлений, то есть тех, которые часто сопряжены с побоями и истязаниями (20 %), а также количественным показателем (30 % случаев) совершения ими побоев и истязаний без сопряжения с другим деянием⁶. В специальной литературе критерии разграничения ст. 116 и 117 УК РФ достаточно хорошо разработаны (главным из них, но не единственным является систематичность как признак ст. 117 УК РФ), применение на практике успешно позволяет их квалифицировать, поэтому в объединении данных составов преступлений нет необходимости. Аргументы, приведенные в обоснование понижения возраста ответственности за побои и истязание, не достаточны. Подобные аргументы можно привести применительно ко многим деяниям, которые совершают лица, не достигшие 16 лет, и даже с более высокими статистическими показателями (например, связанные с незаконным наркооборотом), что, однако, не влечет понижения уголовно наказуемого возраста за их совершение. Для разрешения такого вопро-

са необходимы более глубокие и всесторонние исследования, в том числе в сфере подростковой психологии, физиологии, социологии и других отраслях знаний.

М.А. Горбатова считает необходимым в ст. 123 УК РФ указать на обязательность согласия потерпевшей на проведение данной операции, а также на основании сложностей, возникающих у правоприменителя при квалификации оставления в опасности, которое повлекло смерть или вред здоровью потерпевшего, дополнить ст. 125 УК РФ новой частью в виде соответствующего квалифицирующего обстоятельства⁷. Формулируя первое предложение, автор упустила из виду, что если не будет согласия потерпевшей на проведение указанной операции, то содеянное представляет собой состав преступления, предусмотренный ст. 111 УК РФ, поэтому по смыслу конструкции ст. 123 УК РФ предусмотренное в ней преступление изначально предполагает согласие беременной женщины на проведение прерывания беременности. Относительно второго предложения следует отметить, что при наступлении последствия в виде наступления вреда жизни или здоровью потерпевшего в случае оставления его в опасности, содеянное квалифицируется по составу преступления, предусматривающего такие последствия. Деяние, регламентированное в ст. 125 УК РФ, в таком случае рассматривается способом совершения вменяемого преступления, поэтому включать в качестве квалифицирующего признака наступление каких-либо последствий оставления в опасности потерпевшего не имеет смысла, реализации такого предложения создаст излишнюю конкуренцию уголовно-правовых норм, что, безусловно, негативно скажется на практике применения уголовного закона.

Итак, анализ ряда предложений, направленных на совершенствование норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против здоровья личности, показывает, что в ряде случаев они недостаточно проработаны, не согласованы с другими нормами уголовного закона, поэтому не представляют ценности для законотворческой деятельности.

⁶ См.: Дерябин С.Д. Криминологический анализ и проблемы предупреждения побоев и истязаний как преступлений против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 8.

⁷ См.: Горбатова М.А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: Понятие, система и уголовно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 7, 9.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕРАХ ПРОФИЛАКТИКИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

СЕРЕДА Ирина Михайловна

Аннотация. Рассматриваются проблемные моменты координационной деятельности правоохранительных органов по профилактике незаконного предпринимательства, а также отдельные элементы такой деятельности.

Annotation. This article include problematic aspects of coordination activity about law enforcement agencies on prevention of the illegal entrepreneurship and also individual elements such activity.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, профилактика, координация, взаимодействие.

Key words: illegal entrepreneurship, preventive-maintenance/prophylaxis, coordination, interface.

Особенность роста количества преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ, обусловлена в том числе и недостаточностью мер по координации деятельности правоохранительных органов по профилактике незаконного предпринимательства. Проблема координации деятельности субъектов системы профилактики сегодня является одной из актуальных, так как недостаточное взаимодействие между различными подразделениями правоохранительных органов – одна из основных причин непривлечения виновных к уголовной ответственности и иным видам ответственности даже по выявленным фактам преступлений, что значительно снижает эффективность противодействия ей¹.

Кроме того, ученые отмечают, что основным криминогенным фактором, сдерживающим развитие легального предпринимательства, выступает в том числе и отсутствие эффективной координации в деятельности государственных органов².

При рассмотрении вопросов, касающихся выработки и реализации мер по координации деятельности правоохранительных органов по профилактике незаконного предпринимательства в правовых документах, используются различные термины, отражающие некоторые

черты рассматриваемого понятия (явления) (взаимодействие, контроль, управление, организация индивидуальной профилактической работы и др.). При этом использование многочисленных терминов и понятий, обозначающих один и тот же вид деятельности, имеет определенные недостатки, поскольку за каждым термином стоит разное содержание, что создает значительные сложности как в уяснении смысла того, о чем идет речь в конкретном случае, так и в практической работе.

В связи с этим возникает ряд вопросов, от решения которых зависит надлежаще организованная координация деятельности субъектов системы профилактики, а именно:

– Каково содержание координационной деятельности по профилактике незаконного предпринимательства?

– Какими конкретными методами может быть осуществлена такая координация?

Тем не менее, несмотря на широкую популярность рассмотрения сущности координации имеются определенные различия в подходах к трактовке данного понятия. Например, когда речь идет о возможности отождествить понятие «координация» с термином «взаимодействие».

Во-первых, речь идет о согласованном взаимодействии правоохранительных органов. При этом такая координация может содержать большой организационный, профилактический, психологический потенциал, создавая объективные условия для умножения сил противодействия преступности, взаимного контроля субъектов координации, повышения их

¹ Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 511 с.

² Сагынбаев Д.К. Криминологические и уголовно-правовые аспекты борьбы с незаконной предпринимательской деятельностью (по материалам правоохранительных органов и судов Кыргызской Республики) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 161 с.

ответственности за поддержание правопорядка.

В целом, термин «взаимодействие» – это философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого³. Как отмечает С.А. Кузнецов, взаимодействие – это: «1. Взаимная связь явлений; воздействие различных предметов, явлений и т.п. друг на друга, обуславливающее их изменение. 2. Взаимная поддержка. Взаимодействие родов войск (согласованные действия при выполнении боевой задачи)»⁴.

Такое понимание представляется не совсем правильным, потому что означает определенное взаимовыгодное сотрудничество в борьбе с этим опасным явлением. Нередко данное взаимодействие осуществляется только по доброй воле заинтересованных лиц, что отрицательно сказывается на совместной деятельности координируемых субъектов. В качестве основной формы такой деятельности может выступать информирование органов государственной власти и местного самоуправления о состоянии правопорядка, предпринимаемых мерах по его укреплению и основных результатах деятельности органов внутренних дел.

Нельзя не согласиться с Е.Г. Князевой, которая под координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью понимает согласование действий правоохранительных органов по борьбе с преступностью по цели, времени, месту проведения, исполнителям и программе, с учетом компетенции каждого из этих органов⁵.

При этом формы такой координации могут быть различны. Так, А.Ш. Шаршеналиев в качестве форм координации правоохранительных органов по борьбе с экономической преступностью выделяет следующие:

- совместное изучение состояния дел с преступностью и определение на этой основе круга вопросов, по которым необходимо единство действий правоохранительных органов;
- взаимосогласованные мероприятия по борьбе с преступлениями в сфере экономики,

коррупцией и организованной преступностью, а также наркобизнесом;

- совместная разработка мер предупреждения преступлений и иных правонарушений, мероприятий к комплексному планированию укрепления законности⁶.

В соответствии с Положением «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» координация указанной деятельности должна осуществляться в следующих формах:

- проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов;
- обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью;
- совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта;
- создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений;
- проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;
- взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций;
- оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью;
- издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов;
- выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий;
- разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности⁷.

Изложенное позволяет говорить о необходимости группировки форм координации

³ Большой энциклопедический словарь. М. : АСТ ; Астрель, 2006. 1247 с.

⁴ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

⁵ Князева Е.Г. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Рос. следователь. 2009. № 6. С. 33–35.

⁶ Шаршеналиев А.Ш. Проблемы борьбы с экономической преступностью в условиях перехода к рынку : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 360 с.

⁷ Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [утв. Указом Президента РФ от 18 апр. 1996 г. № 567] // СПС «Консультант-Плюс».

деятельности правоохранительных органов по профилактике преступлений, в том числе незаконного предпринимательства, в определенные элементы.

Думается, что координация деятельности правоохранительных органов должна осуществляться в целях повышения эффективности борьбы с преступностью, что предполагает наличие ряда составляющих элементов, включающих в себя:

1) меры по координации деятельности правоохранительных органов по выявлению и устранению причин и условий, детерминирующих совершение незаконного предпринимательства;

2) меры по координации вопросов, связанных с организацией индивидуально-профилактической работы в отношении лиц, склонных к совершению данных правонарушений;

3) меры по контролю за организацией и результатами индивидуально-профилактической работы.

Интересно, в этой связи, привести результаты опроса сотрудников правоохранительных органов в аспекте оценки ими возможности и результатов по борьбе с незаконным предпринимательством.

Возможности	Результаты борьбы
Отличные – 0 %	Отличные – 0,6 %
Хорошие – 15,5 %	Хорошие – 1,8 %
Средние – 26,2 %	Средние – 17,9 %
Слабые – 7,1 %	Слабые – 21,4 %
Неудовлетворительные – 1,2 %	Неудовлетворительные – 8,3 %

Таким образом, если возможности борьбы с рассматриваемыми преступлениями оцениваются респондентами, по большей части, выше среднего уровня, то ее результаты констатируются как средние, слабые и неудовлетворительные, что свидетельствует об отсутствии должной координации деятельности правоохранительных органов по профилактике незаконного предпринимательства.

Кроме того, немаловажным аспектом в деятельности координирующего органа выступает организация индивидуально-профилактической работы в отношении лиц, склонных к совершению незаконного предпринимательства, что, в свою очередь, предполагает:

– организацию деятельности правоохранительных органов по выявлению правонарушений в сфере незаконного предпринимательства (в рамках выполнения основных служеб-

ных обязанностей субъектами системы профилактики, организацию проведения рейдов, проверок);

– организацию деятельности по выявлению лиц «группы риска»;

– анализ полученной информации и принятие решения по постановке лиц на профилактический учет с одновременной организацией учета и проведением индивидуально-профилактической работы всеми субъектами системы профилактики.

С организацией индивидуально-профилактической работы тесно связан другой элемент – контроль. Последний за организацией и результатами индивидуально-профилактической работы позволяет реализовать весь комплекс мер, направленных на предупреждение незаконного предпринимательства. Такой контроль позволит определить рациональное поведение субъекта системы профилактики при сосредоточении различного рода усилий при выборе эффективных способов реализации мер, ориентированных на защиту общества от преступных посягательств (то есть оценить действия соответствующих субъектов с точки зрения их результативной организации по исполнению возложенных на них обязанностей).

Сюда же можно отнести и меры, направленные на выработку и принятие соответствующей нормативной базы для деятельности координируемых субъектов. Например, разработка Регламента взаимодействия субъектов системы профилактики в области организации индивидуальной профилактической работы с лицами, склонными к совершению преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ.

Представляется, что Регламент взаимодействия должен в себя включать следующие черты, наиболее значимыми из них являются:

– приоритетные цели и задачи по выявлению, учету и организации индивидуальной профилактической работы;

– субъекты (участники) совместной деятельности по противодействию преступности и приоритетных направлений их взаимных усилий⁸;

– объекты профилактического воздействия (в том числе совокупность условий, де-

⁸ Пинкевич Т.В. Указ. соч.

терминирующих совершение незаконного предпринимательства);

– типовые правила (инструкции) по организации взаимодействия в области индивидуальной профилактической работы;

– меры ответственности координируемых субъектов;

– контроль за результативностью скоординированных мероприятий и их корректировка с учетом изменений криминогенной ситуации.

Представляется, что реализация данных мер уже сейчас может позволить:

1) достичь получения эффективного результата в осуществлении мер по профилактике незаконного предпринимательства;

2) отследить надлежащую организацию обоснованности, достаточности и своевременности мер, предпринимаемых со стороны государственных органов, по выявлению и устранению причин и условий, детерминирующих совершение незаконного предпринимательства;

3) предотвратить дальнейшие нарушения прав и законных интересов граждан, организаций или государства.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИМЕЧАНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И АНГЛИИ

СОЛОВЬЕВ Олег Геннадиевич
ГЕШЕЛИН Михаил Ильич

Аннотация. В статье исследуется примечание как прием законодательной техники, анализируются особенности использования примечания в уголовно-экономическом праве России и Англии, рассматриваются различные варианты классификации примечаний, тенденции их закрепления в гл. 22 УК РФ.

Annotation. In article the note as reception of legislative equipment is investigated, features use of the note in the criminal and economic legislation of Russia and England are analyzed, various options of classification of notes, tendencies of their fixing in hl are considered. 22 criminal codes of Russian Federation.

Ключевые слова: уголовное право, законодательная техника, приемы, примечание, классификация, экономические преступления, дефиниция, специальное освобождение, Англия, Россия.

Key words: criminal law, legislative equipment, receptions, note, classification, economic crimes, definition, special release, England, Russia.

Анализируя конструирование уголовно-правовых норм, отметим, что в ряде случаев прием примечания в уголовном законе не только эффективен, но и выступает самым оптимальным, а порой и единственным, вариантом технико-юридического решения проблемы. Например, специальные виды освобождения от уголовной ответственности целесообразно закреплять именно в примечаниях к статьям Особенной части. В этом случае освобождение от ответственности выступает изъятием из основных положений статьи. Вместе с тем прописано это изъятие должно быть именно в данной статье, поскольку касается исключительно деяний, в ней закрепленных. Используемые в нормах Особенной части примечания располагаются за пределами изложения соответствующей статьи, конкретизируя и дополняя последнюю.

В теории права и в теории юридической техники предлагаются различные определения рассматриваемого понятия. Так, В.М. Баранов, И.Н. Бокова, Д.С. Кондаков определяют примечание как относительно самостоятельный, объективно существующий и реально функционирующий прием юридической техники, представляющий собой властное, нормативное, нетипичное установление должного, за-

прещаемого, возможного, носящее сопроводительный характер, выступающее формой конкретизации, дополнения, изменения объема правовой регуляции, расположенное вне юридической нормы, обладающее определенной юридической силой и влекущее правовые последствия¹. Схожее определение предлагается Ю.В. Сомовой, которая полагает, что примечание в уголовном законодательстве – это относительно самостоятельный, объективно существующий и реально функционирующий прием юридической техники, представляющий собой государственно-властное нормативное типичное законодательное установление, закрепляющий определенные правовые положения, носящий характер конкретизации и структурированный в рамках юридической нормы, который является обязательным в процессе правоприменительной деятельности и учитывается в процессе нормотворчества².

¹ См.: Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 346 ; Бокова И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 15.

² См.: Сомова Ю.В. Примечания в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 23.

Отметим сразу, что, несмотря за громоздкость данных определений, они, тем не менее, отражает в себе все существенные характеристики такого нетипичного предписания, как примечание. Тем не менее, некоторые авторы отмечают, что примечания загромождают, запутывают правовые акты, ухудшают их структуру, рассеивают внимание и т.п.³ Так, по мнению Д.В. Чухвичева, примечания деструктурируют акт, создавая впечатление неравноценности, второстепенности изложенных в них положений⁴. Н.И. Коржанский, Е.В. Ильюк, М.С. Поройко предлагают полностью отказаться от таких законодательных приемов⁵. Полагаем, что вопрос о применении примечаний лежит в иной плоскости: не оспаривая законодательную «полезность» этого приема, необходимо добиваться обоснованности, достаточности, экономичности и научности положений, законодательно закрепляемых в примечании.

Считаем, что специальные виды освобождения от уголовной ответственности, нормы-дефиниции, количественные (стоимостные) показатели целесообразно закреплять именно в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ. Позиция отечественного законодателя, в этом смысле, представляется более обоснованной по сравнению с законодательством Англии, где аналогичные нормативные положения помещаются в отдельные части или пункты статей Особенной части (иногда и в другие главы и разделы конкретного закона), что нелогично, поскольку в частях (пунктах) статей Особенной части УК должны быть закреплены составы преступлений.

Очевидно, что законодатель в настоящее время активно насыщает уголовный закон раз-

личными по содержанию примечаниями. Можно вполне уверенно констатировать, что сейчас примечания выступают одним из самых распространенных технико-юридических приемов и значимым содержательным явлением современного российского уголовного права. Исследование вопроса об использовании примечаний в законодательстве позволяет сделать вывод о том, что это многолетняя, устойчивая и сложившаяся тенденция отечественного правотворчества. Тем не менее, увлечение законодателя использованием этого технического приема не должно выходить за границы разумности. Так, в отличие от всех предшествующих уголовных нормативно-правовых актов, Общая часть УК РФ на протяжении 15 лет не предусматривала примечаний. Все имеющиеся в уголовном законе примечания были расположены в Особенной части. Однако в 2012 году было введено примечание к ст. 73 УК РФ, в котором было раскрыто понятие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Полагаем, что внедрение примечаний в Общую часть не является необходимым и противоречит правилам законодательной техники.

Негативным моментом в законодательной регламентации примечаний является и увеличение, без особой необходимости, их казуистичности. Так, примеч. 1 к ст. 228 УК РФ в начальный момент действия нормы насчитывало 40 слов (331 печатный знак), в 2003 году ее увеличили до 82 слов (624 печатных знаков), в настоящее время емкость нормы составляет 158 слов (1 500 печатных знака).

Насыщение примечаниями Особенной части в полной мере прослеживается в законодательном развитии гл. 22 УК РФ. На период принятия УК РФ глава насчитывала всего 9 примечаний к 9 статьям, которые характеризовали исключительно количественные стоимостные показатели, выраженные в МРОТ. Сейчас 16 статей имеют 27 примечаний различного назначения. Некоторые статьи имеют до 5 таких норм (ст. 201¹ УК РФ). Примечаний могло быть и больше, но законодатель сначала сократил их количество, унифицировав стоимостные показатели криминообразующих и дифференцирующих признаков в примечании к ст. 169 УК РФ. Затем неоправданно, на наш взгляд, перенес функции специального освобождения,

³ Кашанина Т.В. Юридическая техника : учеб. М., 2007. С. 130.

⁴ Чухвичев Д.В. Законодательная техника : учеб. пособие. М., 2006. С. 278.

⁵ См.: Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 9 ; Коржанский Н.И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1992. С. 35 ; Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 8 ; Ее же. Пути повышения эффективности уголовно-правовых норм // Юрид. зап. Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Ярославль, 1998. Вып. 2. С. 237.

которые традиционно закреплялись в подстатейных примечаниях, в Общую часть УК РФ (ст. 76¹).

Все нормы-примечания, размещенные в гл. 22 УК РФ, можно классифицировать по различным основаниям на несколько видов. Так, по юридическому содержанию и значению выделяются:

1) примечания, в которых установлены количественные (стоимостные) критерии преступности и наказуемости деяний, выраженные в отечественной валюте и закрепленные в понятиях «крупный (особо крупный) размер», «доход», «ущерб» и т.д.; таких примечаний в гл. 22 УК РФ всего пятнадцать (примеч. к ст. 169, 174, 185, 185⁶, 191¹, 193, 193¹, 194; примеч. 1 к ст. 185³, 198, 199; примеч. 1, 2 к ст. 178, 200¹ УК РФ);

2) стимулирующие (поощряющие) примечания, предусматривающие «специальные случаи» освобождения от уголовной ответственности, которых насчитывается пять: (примеч. к ст. 184; примеч. 2 к ст. 198, 199; примеч. 3 к ст. 178, примеч. 4 к ст. 200¹ УК РФ);

3) примечания-дефиниции, в которых закреплены и расшифрованы те или иные понятия, используемые уголовным законом; таковых всего насчитывается семь: (примеч. к ст. 172², 173¹; примеч. 4 к ст. 178; примеч. 2, 3 к ст. 185³; примеч. 3, 4 к ст. 200¹ УК РФ).

По объему распространения своего действия примечания, закрепленные в гл. 22 УК РФ, можно подразделить на следующие виды:

– относящиеся к группе конкретных уголовно-правовых норм, указанной в них (примеч. к ст. 169, 174, 185, примеч. 1, 2 к ст. 199 и др.);

– распространяющие свое действие на отдельную статью (примеч. 1, 2 к ст. 178, примеч. 1 к ст. 185³, примеч. к ст. 185⁶, 191¹, 193 УК РФ и др.);

Предложенная авторами классификация примечаний носит во многом условный характер и не претендует на безоговорочную полноту и исключительность. Она соответствует достигнутому уровню разработки поставленной проблемы и, видимо, будет являться объектом дальнейших научных исследований в этом направлении.

В уголовном праве Англии не применяется (в понимании российского законодателя) такой прием, как примечание. Мы уже говорили о том, что положения, которые обычно раз-

мещаются в примечаниях УК РФ (например, специальные виды освобождения, дефиниции), английский законодатель закрепляет в частях (пунктах) уголовных статей либо в иных разделах закона, в котором содержатся уголовно-правовые предписания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 48 Закона об азартных играх 2005 года (*Gambling Act, 2005*), подросток не подлежит уголовной ответственности за участие в азартных играх, если он участвовал в частной или некоммерческой игре (п. «а»), в лотерее (п. «в»), в футбольном тотализаторе (п. «г»). Лицо также не подлежит уголовной ответственности, если использует ребенка или подростка с целью организации *частной или некоммерческой* азартной игры (п. «а» ч. 2 ст. 51 Закона).

В свою очередь, Закон о фальшивомонетничестве и подделках 1981 года (*Forgery and Counterfeiting Act, 1981*) включает в себя сразу два раздела, в которых раскрывается большинство понятий, закрепленных в уголовно-правовых положениях этого закона. В специальном разделе 3 «Толкование Части I» (*Interpretation of Part I*) содержится расшифровка таких понятий, как «подделка», «инструмент», «изготовление», «ущерб» и т.д. В разделе 8 «Толкование Части II» (*Interpretation of Part II*) дается определение контрафакта, банкноты, монеты и проч.

В конце большинства статуты содержатся внушительный раздел, который условно можно назвать приложением (*Schedule*) либо приложениями. Например, в Законе об азартных играх 2005 года содержится 18 приложений, которые по своему объему примерно равны самому Закону. Обычно в таких приложениях закрепляется часть понятийного аппарата, некоторые положения процессуального характера, изменения и дополнения, вносимые в другие нормативные акты и т.д. Трудно как-то проанализировать и систематизировать подобные приложения, которые, очевидно, формируются в зависимости от законодательного опыта и профессионализма разработчиков того или иного статута. Несомненно, что многие положения, находящиеся в таких «добавках» к закону, корреспондируют с нормами уголовного права. Особенную сложность, на наш взгляд, вызывают приложения, в которых прописаны поправки в иных нормативных актах. Так, в приложении к Закону о фальшивомонетничестве и подделках 1981 года (*Forgery*

and Counterfeitng Act, 1981) содержатся три раздела, в которых закреплены поправки к 56 статутам, принятым в интервале от 1792 до 1978 года! Так, одна поправка предлагает исключить в ст. 1 и 4 Акта о Службных символах 1792 года (Servants' Characters Act, 1992) слова «поддельный или контрафактный».

Очень часто в отдельных примечаниях (приложениях) к английским статутам закрепляются не столько уголовно-правовые, сколько уголовно-процессуальные положения, определяющие особый порядок возбуждения уголовного преследования по соответствующей категории дел.

ПРОБЛЕМЫ «НЕДОВМЕНЕНИЯ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТОМЕЙ Юрий Сергеевич

Аннотация. В статье рассматривается проблема квалификации хищений драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ) по совокупности преступлений против собственности и против военной службы. Автор статьи предлагает дополнить гл. 33 УК РФ нормами, предусматривающими ответственность за хищение предметов вооружения и военной техники, сопряженное с их уничтожением или повреждением.

Annotation. The problems of precious metals' thefts' classification in MF of RF by accumulation of criminal acts against property and military service are considered in the article. Contributor suggests to make a supplement to the section 33 of Criminal Code of Russian Federation, that creates the amenability for military equipment and armament supplies' theft linked to their destruction or damage.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации, преступление, хищение, квалификация, драгоценные металлы.

Key words: Military forces of Russian Federation, criminal act, theft, classification, precious metals.

В условиях армии и флота важнейшей задачей остается использование материальных средств, выделенных государством на нужды обороны только по целевому назначению: на укрепление боеспособности и боеготовности войск. В связи с этим особое значение приобретает борьба с хищениями различного военного имущества, в том числе драгоценных металлов. Усиление борьбы с хищениями драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации необходимо, поскольку, помимо причинения материального ущерба, они подрывают боеготовность войск, затрудняют выполнение стоящих перед ними задач.

Ежегодно в итоге совершения преступлений, связанных с хищением драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации, государству причиняется материальный ущерб на десятки, сотни тысяч и миллионы рублей. Только в 2005 году в результате хищения драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации причинен ущерб государству на сумму 7 493 425 рублей, в 2008 году – 2 338 829 рублей, в 2012 году – 4 569 501 рубль¹.

Поскольку драгоценные металлы содержатся в различных элементах вооружения и военной техники, то, например, хищение всего лишь одной микросхемы, содержащей в своем составе драгоценный металл, из военной техники причиняет не только ущерб государству, но подрывает в целом боеготовность Вооруженных Сил Российской Федерации, особенно в частях, постоянно несущих боевое дежурство, поскольку соответствующее вооружение и военная техника становятся временно не пригодными к использованию по своему назначению.

Выявление, раскрытие и расследование названных преступлений связано со многими проблемами и трудностями, в том числе при решении вопроса о квалификации преступлений, связанных с хищениями драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Анализ следственной практики, анкетирование следователей военных следственных органов показали, что имеются существенные недостатки при расследовании данной категории уголовных дел, в частности нередко допускаются ошибки при квалификации преступлений, связанных с хищениями драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации, принятии мер по установлению и возмещению причиненного государству ущерба. Эти обстоятельства в свою очередь

¹ Согласно статистическим данным Главной военной прокуратуры за 2005, 2008, 2012 годы.

приводят к необоснованному затягиванию сроков расследования, причиненный государству материальный ущерб не всегда устанавливается и возмещается в полном объеме.

Успешное решение задачи по повышению эффективности деятельности военных следственных органов во многом зависит от того, насколько следователи вооружены научно обоснованными данными об особенностях квалификации рассматриваемой категории преступлений.

Одной из особенностей хищений драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации является непосредственный предмет посягательства. Предметом рассматриваемой категории преступлений являются предметы вооружения и военной техники, содержащие в своем составе драгоценные металлы, являющиеся собственностью государства в лице Минобороны России, других войск и воинских формирований.

Анализ следственной практики свидетельствует, что непосредственным предметом преступного посягательства являются предметы вооружения и военной техники, содержащие в своем составе драгоценные металлы, например различного рода ячейки с микросхемами, радиоэлектронные детали, аккумуляторы, конденсаторы.

Согласно Федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 года № 41-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г.) следует, что драгоценные металлы – это золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий).

Таким образом, предметом хищений драгоценных металлов в ВС РФ являются предметы (составные части, элементы) вооружения и военной техники, содержащие в своем составе драгоценные металлы, установленные законодателем.

Специфический объект посягательства данной категории преступлений в свою очередь обуславливает особые способы совершения преступления, что в последующем влияет и на квалификацию содеянного.

Изучение материалов уголовных дел свидетельствует, что в большинстве случаев, по нашему мнению, кражи предметов вооружения и военной техники совершаются с одновременным повреждением, либо уничтожением самих предметов, а в некоторых случаях повреждением, либо уничтожением вооружения

и военной техники. Данный вывод соответствует фактическим обстоятельствам изученных материалов уголовных дел рассматриваемой категории преступлений. В то же время согласно статистическим данным Главной военной прокуратуры (далее – ГВП) за 2000–2013 годы лишь в 5 % случаев хищения драгоценных металлов квалифицированы отдельно либо квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 и 346 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение военного имущества)².

Кроме того, следственная и судебная практики по вопросу квалификации данной категории преступлений по совокупности статей УК РФ, предусматривающих ответственность за хищение и умышленное повреждение либо уничтожение военного имущества, существенно различаются. В некоторых случаях суды переквалифицируют действия виновного, исключают статьи, по которым следствием предъявлено обвинение, уменьшают объем обвинения и размер вмененного ущерба. Имеющиеся статистические данные ГВП не отражают реального количества преступлений, связанных с хищениями драгоценных металлов и объемом причиненного ущерба, в связи с ошибками, допускаемыми органами следствия, связанными с «недовменением» виновным лицам соответствующего обвинения по ст. 346 УК РФ.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 346 УК РФ является установленный порядок обращения с оружием, боеприпасами и предметами вооружения и военной техники, обеспечивающий их готовность к использованию по назначению.

Предметами преступления, предусмотренного ст. 346 УК РФ являются только оружие, боеприпасы, предметы вооружения и военной техники.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 346 УК РФ, выражается в уничтожении или повреждении оружия, боеприпасов или предметов вооружения и военной техники. При этом под уничтожением названных предметов понимается приведение их путем действия в полную непригодность военного имущества. Под полной непригодностью военного имущества понимается невозможность восстановления его целостности из сохранив-

² Согласно статистическим данным Главной военной прокуратуры за 2000–2013 годы.

шихся фрагментов. Поскольку степень разрушения имущества действием, направленным на его уничтожение, может быть различной, то в отдельных случаях уничтоженную вещь можно восстановить, но если затраты на ее восстановление превышают стоимость этой вещи, то это становится экономически нецелесообразным, и поэтому имущество считается уничтоженным.

Под повреждением военного имущества понимается частичное его приведение в негодность для использования по прямому назначению, которое дает возможность его восстановления без существенных затрат.

Способы повреждения и уничтожения военного имущества могут быть самыми разнообразными: механический, химический, путем поджога, выбрасывания за борт корабля и т.д.

Анализ материалов уголовных дел о хищениях драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации свидетельствует, что и хищения данных предметов сопряжено, как правило, с повреждением предметов вооружения и военной техники.

Так, по уголовному делу в отношении Я., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 – ч. 3 ст. 158 УК РФ, органами следствия Я. обвинялся в том, что с 15 до 17 часов 18 января 2003 года, находясь по службе в радиомастерской корабля, выломал (то есть повредил. – Ю.Т.) из плат 184 микросхемы серии «ЛА», которые спрятал на корабле. Преступление было выявлено командованием, в связи с чем не было доведено до конца³. Органами следствия и судом правовая оценка действий Я. по ст. 346 УК РФ не дана.

По уголовному делу в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, органами следствия А. обвинялся в том, что в марте 2004 года, с целью хищения радиодеталей, незаконно проник в комплекс «Патруль», где из устройства «Р-399А» приисканной отверткой отколол (то есть повредил. – Ю.Т.) с целью хищения и последующей реализации радиодетали на общую сумму 18 215 рублей. При этом правовая оценка действиям А. по ст. 346 УК РФ не дана⁴. И таких аналогичных примеров множество.

Правильным примером квалификации действий виновного лица по совокупности преступлений может служить уголовное дело, рассмотренное Благовещенским гарнизонным военным судом в отношении младшего сержанта Д. Из приговора данного суда следует, что Д., действуя каждый раз после 02 часов, в целях хищения радиодеталей и микросхем, содержащих драгоценные металлы, совершал умышленное повреждение аппаратной машины РЛС 1Л13, вывел из строя многочисленные блоки аппаратной машины, тем самым вывел из строя РЛС 1Л13 полностью, причинив войсковой части 01879 крупный материальный ущерб на сумму 285 813 рублей.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного суда квалификация действий Д. по ч. 2 ст. 346 УК РФ признана правильной. Суд в том числе указал, что Д. правильно признан виновным в уничтожении военного имущества, поскольку привел в негодность действующую, хотя и требовавшую капитального ремонта радиолокационную станцию, причинив ущерб в крупном размере⁵.

По нашему мнению, в случаях, когда виновные лица с целью хищения предметов вооружения и военной техники, содержащих драгоценные металлы, извлекают (выламывают, откалывают, выпиливают, выплавляют и т.д.) их из вооружения и военной техники, что влечет к полной либо временной непригодности вооружения и военной техники для использования по своему назначению, то данные действия виновного надлежит квалифицировать по совокупности преступлений по ст. 158 и 346 УК РФ. Данная квалификация представляется правильной и в случае отсутствия прямого умысла на уничтожение либо повреждение военного имущества, поскольку лицо предвидит, что в результате его действий вооружение, военная техника станет неработоспособной, то есть преступление совершается с косвенным умыслом. По нашему мнению, не требуют дополнительной квалификации по ст. 346 УК РФ хищения, совершенные без непосредственного извлечения предметов, содержащих драгоценные металлы из вооружения военной техники, например имущества ЗИП, а также при повре-

³ Приговор Североморского гарнизонного военного суда по делу Я. / Арх. Северомор. гарнизон. воен. суда.

⁴ Приговор Каспийского флотского военного суда по делу А. / Арх. Каспийск. флот. воен. суда.

⁵ Приговор Благовещенского гарнизонного военного суда по делу Д. / Арх. Благовещен. гарнизон. воен. суда.

ждении либо уничтожении имущества после совершенного хищения.

Аналогичной позиции придерживается А.В. Комков, который полагает, что кража, совершенная с умышленным либо неосторожным уничтожением и повреждением чужого имущества должна квалифицироваться по совокупности преступлений. Если же уничтожение либо повреждение имущества происходит после акта хищения, выступая способом распоряжения похищенным, действия виновного лица подлежат квалификации только по ст. 158 УК РФ и дополнительной квалификации в данном случае не требуется⁶.

Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 года № 29 в случае, если умышленное уничтожение имущества потерпевшего явилось способом совершения хищения при отягчающих обстоятельствах, если в ходе совершения кражи, грабежа или разбоя было умышленно уничтожено или повреждено имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения, содеянное следует, при наличии к тому оснований, дополнительно квалифицировать по ст. 167 УК РФ⁷.

Вместе с тем, предметом рассматриваемых хищений являются предметы вооружения и военной техники, а не сами вооружение и военная техника. Повреждение, уничтожение предметов вооружения и военной техники приводит к тому, что соответствующие вооружение и военная техника временно не могут выполнять стоящие перед ними задачи, в том числе нести боевое дежурство, приводят к излишним затратам государства на восстановительный ремонт поврежденных вооружения и военной техники, размер которого в разы больше стоимости похищенного.

По уголовному делу в отношении К., Р. и Б. по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 158, ч. 2 ст. 346, ч. 2 ст. 167 УК РФ размер похищенных предметов военной техники, содержащей драгоценные металлы составил 2,2 млн рублей, а стоимость вос-

становительного ремонта техники почти в три раза больше и составила 6,2 млн рублей⁸.

Исходя из изложенного, следует признать, что хищения военнослужащими предметов вооружения и военной техники представляют повышенную общественную опасность, поскольку такого рода хищения значительно подрывают боеспособность Вооруженных Сил Российской Федерации, обороноспособность государства и авторитет армии в целом. Кроме того, объектом посягательства при хищениях являются не только отношения собственности, но и порядок сбережения военного имущества. В связи с этим, с учетом допускаемых ошибок при квалификации рассматриваемой категории преступлений, по нашему мнению, необходимо рассмотреть вопрос о дополнении гл. 33 УК РФ нормами, предусматривающими ответственность за хищение предметов вооружения и военной техники, включив одним из квалифицирующих признаков следующий пункт: «совершенное с уничтожением или повреждением предметов вооружения и военной техники».

В любом случае, до внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство РФ, в каждом конкретном случае совершения хищения предметов вооружения и военной техники, содержащей в своем составе драгоценные металлы, надлежит рассматривать вопросы о квалификации действий виновного лица по совокупности преступлений против собственности и против военной службы. Помимо стоимости похищенного имущества, надлежит устанавливать, какие последствия повлекло совершенное хищение для боеготовности в/части, а также стоимость восстановительного ремонта поврежденных вооружения и военной техники. Именно совокупность стоимости похищенного и стоимости восстановительного ремонта вооружения и военной техники и будет являться действительным и обоснованным ущербом, причиненным данным преступлением, которые надлежит вменять виновному лицу и принимать меры к его возмещению.

⁶ Комков А.В. Ответственность за кражу по российскому уголовному законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГЮА, 2002.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

⁸ Обвинительное заключение военной прокуратуры от 27 августа 2005 г. по делу в отношении К., Р. и Б. В/часть 01219 / Арх. воен. прокуратуры. В/часть 01219.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ

МИНАШКИН Геннадий Геннадьевич

Аннотация. Исследуются особенности исполнения постановлений о назначении административного приостановления деятельности; выявляются недостатки и проблемы применения данного наказания; вносятся предложения по совершенствованию процедуры административного приостановления деятельности.

Annotation. Examines the characteristics of the execution of the decisions on the appointment of an administrative suspension of activity; identify deficiencies and problems in the application of this punishment; suggestions for improving the procedure of administrative suspension of activity.

Ключевые слова: административное приостановление деятельности, административное наказание, производство, постановление, исполнение.

Key words: administrative suspension of activities, administrative punishment, production, regulation, and enforcement.

В соответствии с ч. 1 ст. 3.12. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

Анализ ведомственной статистической отчетности в сфере исполнения административного наказания в виде административного приостановления деятельности за период 2010–2013 годов свидетельствует о снижении числа исполнительных документов рассматриваемой категории.

Так, в 2010 году в территориальных органах ФССП России на исполнении находилось 43,8 тыс. исполнительных производств о приостановлении деятельности. Окончено по различным основаниям 39 тыс. исполнительных производств, из них 36 тыс. – фактическим исполнением¹.

В 2011 году на исполнении находилось 38,8 тыс. исполнительных производств. Окон-

чено по различным основаниям 36 тыс. исполнительных производств, из них 33 тыс. – фактическим исполнением².

В 2012 году на исполнении находилось 23,8 тыс. исполнительных производств. Окончено по различным основаниям 21 тыс. исполнительных производств, из них 18,7 тыс. – фактическим исполнением³.

В 2013 году на исполнении находилось 24,8 тыс. исполнительных производств о приостановлении деятельности. Окончено и прекращено 22,4 тыс. исполнительных производств, из них 18,5 тыс. исполнительных производств окончены фактическим исполнением⁴.

Наибольшее количество судебных решений о приостановлении деятельности в 2013 году принято на основании протоколов об административных правонарушениях, составленных должностными лицами органов ФМС России (около 8 тыс. или 32 %) и МЧС России (5,2 тыс. или 21 %).

Остальная часть судебных решений о приостановлении деятельности принята на основа-

¹ Статистические сведения об исполнении территориальными органами ФССП России постановлений об административном наказании в виде административного приостановления деятельности в 2010 г. // Арх. ФССП России.

² Статистические сведения об исполнении территориальными органами ФССП России постановлений об административном наказании в виде административного приостановления деятельности в 2011 г. // Арх. ФССП России.

³ Статистические сведения об исполнении территориальными органами ФССП России постановлений об административном наказании в виде административного приостановления деятельности в 2012 г. // Арх. ФССП России.

⁴ Статистические сведения об исполнении территориальными органами ФССП России постановлений об административном наказании в виде административного приостановления деятельности в 2013 г. // Арх. ФССП России.

нии материалов по делам об административных правонарушениях органов Роспотребнадзора (4 тыс. или 16,6 %), Ростехнадзора (1,8 тыс. или 7,3 %), Роструда (771 или 3,1 %) и иных.

Приостановление деятельности организации или предпринимателя фактически означает их временный уход из бизнеса. Это может произойти с любой организацией, если контролеры выявили ряд нарушений, предусмотренных нормами КоАП РФ.

При этом, как справедливо отмечает К.В. Цуканов, одной из основных причин появления административного приостановления деятельности в качестве административного наказания в КоАП РФ явилась попытка законодателя уйти от административного усмотрения при назначении данного наказания⁵.

Поясняя, насколько судебный порядок приостановления деятельности предпочтительнее административного, видимо, нет необходимости. При всех своих недостатках судебная власть не осуществляет контроля за субъектами предпринимательской деятельности, не находится в постоянном контакте с ними, что если не исключает полностью, то, по крайней мере, снижает значение субъективного фактора при принятии решения о приостановлении деятельности.

Объекты административного приостановления деятельности делятся на две группы: временное прекращение деятельности и временное прекращение эксплуатации. Объектами временного прекращения деятельности являются: лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; юридические лица; филиалы; представительства; структурные подразделения; производственные участки. Объектами временного прекращения эксплуатации являются: агрегаты; объекты; здания; сооружения; осуществление отдельных видов деятельности (работ); оказание услуг.

При назначении судьей административного наказания в виде административного приостановления деятельности решается вопрос о мероприятиях, необходимых для обеспечения исполнения данного административного нака-

зания и состоящих в запрете деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов услуг, а в случае, когда административное приостановление деятельности назначается в качестве административного наказания за нарушение законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, также решается вопрос о мерах, необходимых для приостановления операций по счетам.

В то же время в постановлении не должны указываться конкретные меры, направленные на исполнение названных в нем мероприятий, поскольку в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 32.12 КоАП РФ и ч. 2 ст. 109 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (далее – Закон об исполнительном производстве) меры по исполнению указанных в постановлении мероприятий применяются судебными приставами-исполнителями и выбираются ими самостоятельно.

При административном приостановлении деятельности не допускается применение мер, которые могут повлечь необратимые последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения (ст. 32.12 КоАП РФ).

Постановление судьи об административном приостановлении деятельности является исполнительным документом в соответствии с подп. 6 п. 1 ст. 12 Закона об исполнительном производстве. Судебный пристав-исполнитель обязан принять к исполнению исполнительный документ от суда, если не истек срок его предъявления к исполнению и если он соответствует требованиям ст. 13 Закона об исполнительном производстве. Срок предъявления данных исполнительных документов равен сроку административного приостановления деятельности должника.

Исполнение постановления судьи об административном приостановлении деятельности производится судебным приставом-исполнителем немедленно после возбуждения исполнительного производства (ч. 1 ст. 32.12 КоАП РФ).

⁵ Цуканов К.В. О некоторых проблемах применения административного приостановления деятельности // Закон и право. 2009. № 10. С. 64.

На практике нередки случаи, когда судьи направляют постановление на исполнение в службу судебных приставов не после его вынесения, а после вступления постановления в законную силу. Также следует отметить и то, что судьи не всегда указывают в резолютивной части постановления, что оно подлежит немедленному исполнению⁶.

Датой поступления исполнительного документа судебному приставу-исполнителю считается дата предъявления исполнительного документа в отдел судебных приставов. В соответствии с ч. 4 ст. 31.3 КоАП РФ судья, орган, должностное лицо при направлении постановления по делу об административном правонарушении в орган, должностному лицу, уполномоченным приводить его в исполнение, делают на указанном постановлении отметку о дне его вступления в законную силу либо о том, что оно подлежит немедленному исполнению. Исполнительные действия совершаются по месту нахождения должника или месту нахождения его имущества (исключительная территориальная компетенция).

При административном приостановлении деятельности производится: наложение пломб, опечатывание помещений, опечатывание мест хранения товаров и иных материальных ценностей, опечатывание касс, применяются другие меры по исполнению указанных в постановлении об административном приостановлении деятельности мероприятий, необходимых для исполнения административного наказания в виде административного приостановления деятельности (ст. 32.12 КоАП РФ). Порядок исполнения требований исполнительного документа определяется в каждом конкретном случае.

При принятии постановления и направлении его для немедленного исполнения судья должен учесть требование о недопустимости применения мер, которые могут повлечь необратимые последствия для производственного процесса (например, в сталелитейной и химической промышленности, при переработки нефти и газа), а также для функционирования и сохранения объектов жизнеобеспечения (водоснабжение, канализация, энергообеспечение

и др.). Подобные требования должен учитывать и судебный пристав-исполнитель. При решении таких сложных вопросов особое значение имеет деятельность компетентных должностных лиц, уполномоченных осуществлять надзор за функционированием особо опасных производственных объектов и производств, за соблюдением санитарных, карантинных и ветеринарных правил, строительных норм и правил и ряда других правил, направленных на обеспечение безопасности в различных сферах хозяйственной жизни в целях охраны жизни и здоровья людей.

Положения ст. 32.12 КоАП РФ о немедленном исполнении постановления касаются обязанностей судебного пристава-исполнителя, но не судьи, поскольку, в силу ст. 31.3 КоАП РФ, обращение постановления по делу об административном правонарушении к исполнению возлагается на судью, назначившего административное приостановление деятельности, судьи обязаны осуществлять контроль за исполнением вынесенных ими постановлений. В порядке осуществления такого контроля судьи вправе требовать от органов, осуществляющих исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях, предоставлять сведения об исполнении постановлений.

К сожалению, судьи не всегда осуществляют надлежащий контроль за исполнением вынесенных ими постановлений. Запросы-напоминания о результатах исполнения не направляются, не выясняется, какие конкретно приняты меры по исполнению постановлений, не производится сверка исполнения судебных постановлений⁷.

Административное приостановление деятельности устанавливается на срок до 90 суток. Естественно, возникает вопрос о принимаемых мерах по истечении указанного срока в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения и устранения причин, послуживших основанием для административного приостановления деятельности.

По мнению заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации П.П. Серкова, в случае, если истек срок административного приостановления деятельности, а причины и условия, послужившие основанием для

⁶ Зуева Л.Ю. Проблемы исчисления и соблюдения сроков исполнения отдельных видов административных наказаний // Административное право и процесс. 2013. № 2. С. 36–37.

⁷ Зуева Л.Ю. Указ. соч. С. 37.

назначения данной меры наказания, не устранены, то имеет место новое административное правонарушение, о совершении которого должностными лицами, уполномоченными в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, должен составляться новый протокол⁸.

В то же время лицо, к которому применено административное приостановление деятельности, после истечения срока приостановления возобновляет свою деятельность даже при условии, что обстоятельства, послужившие основанием к назначению данной меры, не устранены. В этой связи применение указанной позиции к назначению и исполнению административного приостановления деятельности, как мы полагаем, не будет отвечать требованиям и задачам производства по делам об административных правонарушениях.

На наш взгляд, таковой мерой по истечении срока действия административного приостановления деятельности может служить процедура прекращения деятельности в целом в судебном порядке, предусмотренном законодательством.

Административное приостановление деятельности в качестве административного наказания содержится в 12 из 17 глав Особенной части КоАП РФ, что, на наш взгляд, говорит о том, что данная мера наказания регулирует достаточно обширные, разноплановые отношения в различных сферах. В настоящее время рассматриваемое наказание содержится в 41 статье Особенной части КоАП РФ, содержащей 52 состава правонарушения, большинство из которых по своей конструкции являются формальными и лишь несколько составов – материальными.

В связи с этим представляется недостаточно справедливой позиция⁹, в соответствии с которой сотрудники, которые будут обеспечивать применение административного приостановления деятельности, должны иметь соответствующий уровень образования и быть доста-

точно компетентными, так как лицо, не имеющее специального образования и не прошедшее соответствующую подготовку, не в полной мере сможет обеспечить эффективное и правомерное применение данного наказания.

На наш взгляд, решению проблемы эффективного принудительного исполнения административного приостановления деятельности служит привлечение службой судебных приставов-исполнителей специалистов в процессе приведения постановления судьи об административном приостановлении деятельности в исполнение.

Например, при исполнении постановления судьи о приостановлении эксплуатации участков электропроводки и электрооборудования необходимо привлекать к участию в совершении исполнительных действий специалиста – электрика (инженера-энергетика).

При исполнении постановления судьи о приостановлении эксплуатации печей необходимо привлекать к участию в совершении исполнительных действий специалистов государственного пожарного надзора. Исполнение производится путем наложения печатей на дверки топок печей.

При исполнении требований исполнительного документа об административном приостановлении деятельности судебным приставом-исполнителем, в присутствии должностного лица должника, специалиста и, при необходимости, понятых, составляется акт исполнения постановления о приостановлении деятельности (эксплуатации) объекта. Копия акта вручается должностному лицу должника, которому также под роспись разъясняется, что за повреждение или срыв печати (пломбы) без разрешения судьи или судебного пристава-исполнителя виновные лица подлежат привлечению к административной (ст. 19.2 КоАП РФ) либо уголовной (ч. 1 ст. 325 УК РФ) ответственности.

Необходимо учитывать, что приостанавливается деятельность (эксплуатация) объекта только по его основному назначению. Например, если в исполнительном документе содержится административное приостановление деятельности школы, это значит, что в данной школе запрещено проводить учебные занятия. При этом администрация школы и обслуживающий персонал вправе в ней

⁸ Письмо Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 1936-5/общ. «О разъяснении отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, связанных с применением административного приостановления деятельности как вида административного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Брунер Р.А. Административное приостановление деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

находиться и устранять нарушения, послужившие основанием наложения административного наказания. Все работы ведутся с разрешения и под контролем судебного пристава-исполнителя.

Исполнительные производства об административном приостановлении деятельности (эксплуатации) после составления соответствующего акта не оканчиваются и находятся на контроле до окончания срока административного наказания, то есть судебным приставом-исполнителем периодически проверяется целостность печатей, пломб и т.д. Только после окончания срока административного наказания либо после вынесения судом определения о досрочном прекращении административного наказания исполнительное производство оканчивается на основании подп. 1 п. 1 ст. 47 ФЗ «Об исполнительном производстве» в связи с фактическим исполнением.

Следует иметь в виду, что срок административного приостановления деятельности, указанный в ч. 2 ст. 3.12 КоАП РФ (до девяти суток), является пресекательным. Это значит, что по истечении назначенного срока действие меры административного наказания автоматически прекращается, даже если не были устранены причины наложения данного наказания. Исполнительное производство в таких случаях подлежит окончанию на основании подп. 1 п. 1 ст. 47 ФЗ «Об исполнительном производстве». Течение срока начинается с даты вынесения судебного постановления, если иное не указано в судебном постановлении.

В соответствии с ч. 3 ст. 32.12 КоАП РФ исполнение наказания в виде административного приостановления деятельности может быть досрочно прекращено судьей по ходатайству лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, или юридического лица, если будет установлено, что обстоятельства, послужившие основанием для назначения административного наказания в виде административного приостановления деятельности, устранены.

На практике объективная сложность возникает при определении времени фактического прекращения деятельности, при исполнении постановления об административном приостановлении деятельности. Таким моментом можно считать наложение пломб, опечатыва-

ние помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс и т.д., а соответственно, фактическое приостановление деятельности следует считать с момента произведения всех этих действий¹⁰.

Об окончании производства по исполнению постановления о назначении административного приостановления деятельности судебным приставом-исполнителем делается соответствующая отметка, а само постановление возвращается судье. Вместе с тем, правоотношения между судьей и органом либо должностным лицом, осуществлявшими исполнение постановления, с одной стороны, а также юрисдикционными органами и делинквентом – с другой, не прекращаются до тех пор, пока о нем не станет известно юрисдикционному органу или уполномоченному должностному лицу, которые призваны осуществлять контроль за приведением наказания в исполнение.

На данном этапе возможно и возвращение постановления судье, органу либо должностному лицу, вынесшим постановление, по которому взыскание не производилось или произведено частично. Подобное может иметь место, если в постановлении о назначении административного наказания указаны неверные сведения о лице, привлеченном к административной ответственности, или о его имуществе, что не позволяет произвести (или полностью произвести) исполнение наказания.

Окончанием производства по исполнению постановления в данном случае станет устранение причин и условий, послуживших основанием для назначения административного приостановления деятельности.

Наряду с указанными, существуют и иные проблемы, препятствующие своевременному и правильному исполнению требований данной категории исполнительных документов: отсутствие должников по адресам, указанным в исполнительных документах, смена арендатора в связи с расторжением договора аренды (субаренды), неведение по адресу, указанному в исполнительном документе, деятельности,

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2006 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2005 года» // Бюл. Верховного Суда РФ. 2006. № 5.

невозможность установления места нахождения должников.

Определенные трудности возникают при приостановлении эксплуатации социально значимых объектов, таких как культурно-спортивные центры, детские сады, образовательные учреждения, больницы, центры реабилитации, поскольку связаны с необходимостью переселения граждан из объектов, подлежащих приостановлению.

Кроме того, при рассмотрении материалов об административном приостановлении деятельности судьями не решается вопрос об определении порядка обеспечения судебными приставами-исполнителями запрета на осуществление деятельности должником, порядка организации доступа в приостановленные помещения для устранения нарушений пожарной безопасности, обеспечения переселения граждан.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ «НОВЕЛЛЫ» В СТАТУСЕ КООПЕРАТИВОВ: PER ASPERA AD ASTRA?

ВОРОНИНА Наталья Павловна

***Аннотация.** В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы определения правового положения кооперативов в условиях реформирования гражданского законодательства. Раскрыты изменения гл. 4 «Юридические лица», внесенные в ГК РФ Федеральным законом от 4 мая 2014 года. Проанализированы международные кооперативные нормы. Рассмотрены природа, признаки и виды кооперативов как организационно-правовой формы юридических лиц. Сформулированы авторские предложения по совершенствованию правового регулирования создания и деятельности кооперативов, в том числе и сельскохозяйственных.*

***Annotation.** The current issues of the legal status of cooperatives under the reform of civil law have been considered in the article in question. The changes in Chapter 4 "Entities" made to the Civil Code of the Russian Federation under Federal Law of May, 4th, 2014 have been revealed. International cooperative rules have been analyzed. The nature, characteristics and types of cooperatives as an organizational and legal form of entities have been examined. The author proposes how to improve legal regulation concerning the creation of cooperatives and their activities, agricultural cooperatives included.*

***Ключевые слова:** кооператив, производственный кооператив, потребительский кооператив, сельскохозяйственный потребительский кооператив.*

***Key words:** cooperative, production cooperative, consumer cooperative, agricultural consumer cooperative.*

Федеральным законом «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ¹ гл. 4 ГК РФ «Юридические лица» изложена в новой редакции. Изменения коснулись юридических лиц всех организационно-правовых форм. Не являются исключением нормы о производственных и потребительских кооперативах.

В Концепции развития гражданского законодательства (далее – Концепция) в качестве недостатков законодательства, определяющего правовое положение кооперативов, были отмечены «несогласованность ряда исходных положений, в частности отсутствие единого подхода ко всем кооперативам; наличие различных противоречий между отдельными законами и общими нормами ГК РФ; дублирование законодательных норм; чрезмерное количество законодательных актов о кооперации и иные»². Поэтому разработчики Концепции

полагали, что, вместо различных нормативных актов, определяющих правовое положение кооперативов в зависимости от их вида или отраслевой сферы деятельности, необходимо принять два нормативных правовых акта: федеральный закон «О производственных кооперативах» и федеральный закон «О потребительских кооперативах». Принятие последних повлекло бы отмену действующих федеральных законов о кооперации и кооперативах – Федерального закона «О жилищных накопительных кооперативах» от 30 декабря 2004 года № 215-ФЗ³, Федерального закона «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ⁴, Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ⁵, Закона РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» от 19 июня 1992 года № 3085-1⁶ – и изменения Федерального закона «О производ-

¹ Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

² Концепция развития гражданского законодательства // Вестн. ВАС РФ. 2009. № 11. С. 6–99.

³ Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 41.

⁴ Там же. 2009. № 29. Ст. 3627.

⁵ Там же. 1995. № 50. Ст. 4870.

⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1788.

ственных кооперативах» от 8 мая 1996 года № 41-ФЗ⁷.

На наш взгляд, данная Концепция не только не лишена правовых недостатков⁸, но и свидетельствует о том, что среди представителей цивилистической науки так и не сложился единый концептуальный взгляд на природу кооперативных организаций. И это очень ярко выразилось в изменениях ГК РФ от 5 мая 2014 года.

Во-первых, так и не произошло объединения норм о производственных и потребительских кооперативах в единый параграф ГК РФ. По-прежнему ГК РФ стоит на позиции дифференциации правового регулирования создания и деятельности производственных кооперативов и правового регулирования потребительских кооперативов. Соглашаясь с постулатом о различиях в правовом статусе производственных и потребительских кооперативов, тем не менее, нельзя не отметить, что уже давно кооперативная теория и практика обосновали тезис о единой социальной сущности всех кооперативных организаций. Это позволяет отдельным ученым обосновывать тезис о необходимости принятия общего федерального закона о кооперации⁹. Некоторые идут еще дальше – предлагают Кооперативный кодекс РФ¹⁰. Основные аргументы в пользу принятия единого кооперативного закона – российский исторический опыт и современные тенденции формирования и развития кооперативного законодательства в зарубежных странах.

Что касается российских историко-правовых традиций, то наша страна знала и Положение Временного правительства «О кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 года¹¹, и Закон СССР «О кооперации

в СССР» от 26 мая 1988 года¹². К этим нормативным правовым актам российская общественность шла постепенно, через дискуссии и трудности. Мировой опыт знает две тенденции развития кооперативного движения: по инициативе самих кооператоров («снизу») и по инициативе государства («сверху»). Если первый нормативный правовой акт (Положение 1917 года) можно оценить как венец кооперативной самобытности, то Закон СССР 1988 года – это нормативный правовой акт, принятый без учета мнения теоретиков и практиков кооперации. Как итог – общесоюзный кооперативный закон не только не создал качественной правовой основы кооперативам, но и превратил кооперативное движение в псевдокооперативное и привел к появлению организаций, весьма далеких от кооперативных идеалов, что породило негативное отношение общества к кооперативам в целом. К сожалению, и сегодня законодатель совершил ту же самую ошибку – не прислушался к мнению кооператоров, а руководствовался исключительно мнением цивилистов, весьма далеких от кооперативного движения. Кстати, это признается и отечественными цивилистами. В частности, Е.А. Суханов, исследуя правовую природу корпораций, отмечает, что изучение особенностей правового положения кооперативов, в том числе и в зарубежной практике (в частности, в англо-саксонской доктрине) является причиной «их почти полного забвения и в современной отечественной экономической и юридической литературе»¹³.

В мировой практике кооперативным движением охвачено более 1 млрд человек. В международной кооперативной доктрине сформулированы две точки зрения относительно модели правового регулирования кооперативных отношений: 1) правовое регулирование кооперации должно осуществляться общим законом о кооперации; 2) сочетание общего кооперативного закона со специальными законами об отдельных видах кооперативов.

Достоинства первой позиции обобщил эксперт МОТ Г. Хаген. В частности, он отмечает, что единый закон обеспечивает автономность кооперативов, уменьшает бюрократиче-

⁷ Собрание законодательства РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

⁸ Критический анализ Концепции представлен автором настоящей статьи в работе: Шилова Н.П. Определение правового статуса сельскохозяйственных кооперативов в условиях реформирования законодательства о юридических лицах // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4. С. 120–127.

⁹ Быстров Г.Е. Актуальные проблемы развития законодательства о кооперации в России и зарубежных странах // Аграрное и земельное право. 2010. № 6. С. 4–12; Иткулов С.Г. Кооперативное законодательство: состояние, проблемы, перспективы: моногр. Новосибирск: СибУПК, 2009. С. 39.

¹⁰ Тычинин С.В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 65.

¹¹ Собрание узаконений Временного правительства. 1917. Отд. 1. № 72. Ст. 414.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

¹³ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 88.

ские барьеры, формирует единство кооперативного движения¹⁴. Однако в настоящее время в странах с давними кооперативными традициями все чаще высказывается мнение о дифференцированном правовом регулировании различных видов кооперативов. Данная дифференциация возможна либо в виде специального раздела общего закона, или в виде отдельных законов.

На наш взгляд, мнение отдельных цивилистов о необходимости отмены специальных законов весьма неоправданна. При современных конструкциях юридических лиц в законах о них весьма сложно будет отразить в ГК РФ необходимые специфические особенности того или иного предмета регулирования. Поэтому полагаем, что необходимо сохранить дифференциацию правового регулирования кооперативов в отдельных сферах экономической деятельности (в частности сельскохозяйственных) в виде специальных федеральных законов. Кстати, разработчики Концепции развития гражданского законодательства также стоят на позиции двучленного правового регулирования создания и деятельности юридических лиц – ГК РФ и специальные законы.

Юридическая конструкция норм ГК РФ о потребительских кооперативах свидетельствует о том, что необходимость дифференциации осознана и самим законодателем. В частности, п. 2 ст. 50 ГК РФ не предусматривает разновидностей производственных кооперативов, а п. 3 ст. 50 ГК РФ, наоборот, выделяет среди потребительских кооперативов жилищные, жилищно-строительные, гаражные, садоводческие, огороднические и дачные потребительские кооперативы, общества взаимного страхования, кредитные кооперативы, фонды проката, сельскохозяйственные потребительские кооперативы. При этом статус сельскохозяйственных потребительских кооперативов в ГК РФ как вид потребительских кооперативов не урегулирован. Очевидно, напрашивается вывод о том, что либо должен быть общий федеральный закон о потребительских кооперативах (статус сельскохозяйственных потребительских кооперативов может быть предусмотрен в виде отдельной главы этого закона),

либо сохранен Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации». И в этом проявляется непоследовательный характер внесенных в ГК РФ изменений. Первоначально разработчики Концепции, посетовав на то, что слишком много отдельных видов федеральных законов, определяющих особенности правового статуса юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, думали об отмене ряда специальных законов. Но и в новой редакции п. 4 ст. 49 ГК РФ по-прежнему предусматривает правовую возможность принятия отдельных законов и иных нормативных правовых актов, определяющих гражданско-правовое положение юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах. Относительно кооперативов правовая ситуация выглядит следующим образом. В частности, правовой статус производственных кооперативов будет урегулирован, помимо норм ГК РФ, отдельным федеральным законом о производственных кооперативах (этот вывод следует из ст. 106.1–106.2 ГК РФ). Принятие данного закона планировалось разработчиками Концепции. Но что касается статуса потребительских кооперативов, то ни ст. 123.2 и 123.3 ГК РФ, ни п. 3 ст. 50 ГК РФ не предусматривают принятие единого федерального закона о потребительских кооперативах. Очевидно, будет сохранена дифференциация правового регулирования отдельных видов потребительских кооперативов. Но это не исключает того, что в ГК РФ по аналогии со структуризацией норм о хозяйственных товариществах и обществах следует выделить отдельный подпараграф в параграфе 2 гл. 4 и поименовать его «Общие положения о кооперативах». Прежде всего, ГК РФ должен содержать общее понятие кооператива. Данная потребность назрела уже давно. И говорят, и пишут об этом немало. Особенно актуализировалось внимание к кооперативам после прошедших в России в 2013 и 2014 годах двух общероссийских съездов сельских кооперативов и определенного поворота государственной власти лицом к сельскохозяйственным кооперативам и их проблемам, в том числе и в целях обеспечения агропродовольственной безопасности страны.

В международной кооперативной доктрине единое понятие кооператива, вне зависимости от их видового и отраслевого много-

¹⁴ Hagen H. Guidelines for Cooperative Legislation. Geneva : International Labour Office, 2005. P. 15 ; Idem. Guidelines for Cooperative Legislation third revised edition. Geneva : International Labour Office, 2012. P. 59.

образа, сформулировано уже давно. В Декларации МКА «О кооперативной идентичности» (1995)¹⁵ под кооперативом понимается «автономная ассоциация людей, объединившихся добровольно для удовлетворения своих общественно-экономических, социальных и культурных потребностей посредством демократически управляемого предприятия, находящегося в совместном ведении его членов»¹⁶. Единое понятие кооператива сформулировано и в Модельном законе СНГ «О кооперативах и их объединениях (союзах)» от 6 декабря 1997 года¹⁷, в котором кооператив – добровольное объединение граждан на основе членства с целью удовлетворения материальных и иных потребностей путем организации на демократических началах совместной деятельности, предусмотренной уставом, и объединения его членами имущественных (паевых) взносов. Однако разработчики обсуждаемых в настоящей статье изменений в ГК РФ проигнорировали как сложившиеся мировые тенденции, так и мнения представителей отраслевых наук (в частности аграрного права) и практиков и по-видимому не нашли целесообразным разработать общее понятие кооператива.

Во-вторых, ГК РФ сохранил ничем не оправданное деление кооперативов на производственные как коммерческие корпоративные организации и потребительские кооперативы как некоммерческие корпоративные организации.

В течение многих лет в литературе активно обсуждается проблема двухчленной классификации, принятой в ГК РФ, юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации¹⁸. Современными учеными высказано несогласие с такой классификацией и предложено законодательное выделение кооперативов в особый род юридических лиц, не относящихся ни к коммерческим, ни к некоммерческим организациям. Д.В. Новак опровергает это предложение, считая его необоснованным, поскольку такой подход «подрывает саму

классификацию, избранную российским законодателем в качестве базовой. Норма п. 1 ст. 50 ГК РФ о том, что основная цель деятельности коммерческих организаций – извлечение прибыли – не препятствует отнесению к ним кооперативов, поскольку данный признак не является определяющим для разграничения коммерческих и некоммерческих организаций». При этом Д.В. Новак приводит пример наиболее четкого проявления коммерческой сущности применительно к потребительским обществам, на что указано в цивилистической литературе, характеризуя потребительское общество, несмотря на его название как разновидность производственных кооперативов¹⁹.

Поддерживая позицию Т.Е. Абовой, полагаем, что доводы Д.В. Новак неубедительны, а вернее, спорны. Сошлемся на пример из кооперативной доктрины США, где кооперативы давно признавались корпорацией (российская наука и законодательство, наконец, сделали это), но корпорацией особого рода²⁰. Так, в США корпорации подразделяются на три группы: 1) прибыльные, со стандартной ориентацией на инвестора; 2) кооперативы, ориентированные на получение экономии или клиента; 3) бесприбыльные корпорации.

Поскольку прибыльные и бесприбыльные предприятия имеют важные различия, постольку уместна определенная в США классификация частных предприятий по организационно-правовым формам: 1) индивидуальные (находящиеся в собственности одного физического лица или семьи); 2) товарищества; 3) корпорации (акционерные общества); 4) кооперативы²¹.

Российские цивилисты выделяют два критерия отграничения коммерческих организаций от некоммерческой: извлечение прибыли и возможность ее распределения между учредителями.

Д.В. Новак справедливо отмечает, что в правовой доктрине обоснованно обращается

¹⁵ Материалы Юбилейного XXXI конгресса МКА в Манчестере. М.: Центросоюз РФ, 1995.

¹⁶ Абова Т.Е. Производственные кооперативы в России: правовые проблемы теории и практики // Государство и право. 1998. № 8. С. 73–74.

¹⁷ Информационный бюллетень. 1998. № 16.

¹⁸ Абова Т.Е. Кооперативы как субъект гражданского права // Субъекты гражданского права: сб. ст. / под ред. Т.Е. Абовой. М., 2000. С. 64–65.

¹⁹ Новак Д.В. К упорядочению системы некоммерческих организаций // Вестн. гражданского права. 2007. № 3. Т. 7. С. 74–75; Гражданское право: учеб. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтер Клувер, 2004. С. 337, 278 (авт. гл. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова).

²⁰ Палладина М.И., Воронина Н.П. Сельскохозяйственные потребительские кооперативы: правовые вопросы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 53–58.

²¹ Шаарс Марвин А. Кооперативы: принципы и практика: пер. с англ. // Ун-т штата Висконсин: справ.-информ. программа. М., 1993. С. 6.

внимание на крайне слабую значимость для рассматриваемой классификации первой из указанных составляющих – признака основной цели деятельности организации²². Нередко юридические лица, созданные в формах коммерческих организаций, все полученные доходы расходуют на развитие материальной базы, совершенствование технологий либо вовсе не преследуют цели извлечения прибыли²³. В то же время как некоммерческие организации не только фактически, но и юридически изначально, с момента их создания ориентированы на получение прибыли. Поэтому извлечение прибыли в качестве одного из критериев отграничения коммерческих от некоммерческих организаций является крайне слабым и вряд ли может претендовать на фундаментальность.

В результате анализа правовых и литературных источников Д.В. Новак приходит к выводу, что решение рассмотренной проблемы возможно двумя путями: 1) установление запрета на распределение прибыли между участниками определенной формы, для которых такой запрет отсутствует, с сохранением ее статуса как некоммерческой; 2) перевод такой организационно-правовой формы из разряда некоммерческих организаций в коммерческие с сохранением возможностей распределения прибыли между участниками. К сожалению, российский законодатель пошел по первому пути: оставил потребительские кооперативы, включая сельскохозяйственные потребительские кооперативы, в числе некоммерческих организаций, но запретил распределять полученную прибыль между своими членами (п. 1 ст. 50 ГК РФ). На наш взгляд, возможен и иной путь решения проблемы.

Для отграничения сельскохозяйственных потребительских кооперативов от сельскохозяйственных производственных кооперативов существуют два объективных (не норматив-

ных) взаимосвязанных критерия: а) вид и характер хозяйственной деятельности и б) субъектный состав членов кооператива по социальным признакам, что самое главное. Система потребительских кооперативов состоит из кооперативов: 1) перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию; 2) закупочных; 3) сбытовых; 4) обслуживающих производственно-технических; 5) кредитных; 6) страховых (в перспективе). По первому критерию все названные иные аналогичные потребительские кооперативы классифицируются как разные виды юридических лиц одной и той же организационно-правовой формы. Однако в тех же видах деятельности могут существовать и производственные кооперативы, которые во взаимоотношениях с сельскохозяйственными товаропроизводителями должны выступать как автономные юридические лица, как контрагенты, интересы которых не только не совпадают, но, наоборот, противоречат между собой.

Следовательно, данный критерий – вид деятельности – лишь предпосылка отнесения того или иного кооператива к соответствующей разновидности сельскохозяйственного потребительского кооператива. Главным же выступает второй критерий: в отличие от производственного кооператива, членами которого могут быть только физические лица, поскольку основа его – личный труд каждого члена, субъектами потребительского кооператива являются только юридические лица независимо от их организационно-правовой формы (колхозы, совхозы, фермерские хозяйства). Отсюда происходит производный от данного (второго) критерий – использование только наемного труда, вся деятельность осуществляется работниками на основе трудового договора. В производственном кооперативе кооперативная организация как самостоятельный субъект гражданских прав органично связана с кооперативом как предприятием, как имущественным комплексом, так как члены кооперативной организации создают живую субстанцию предприятия. В потребительском кооперативе как общественно-производственной организации, выступающей в качестве субъекта гражданских прав как объединения юридических лиц, кооперативное предприятие отделено (имущественно и организационно), выступает как юридическое лицо, права которого ограничены правами его создателя – кооперативного объединения. Как видим, сельскохо-

²² В.А. Рахмилович считает этот критерий весьма неопределенным, так как «отграничить основную цель деятельности от неосновной бывает затруднительно, поскольку здесь возможные обходные пути и камуфляж // Гражданское право России. Общая часть : курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов. М. : Юрист, 2001. С. 148. Примечание: здесь и далее цитирование осуществляется по: Новак Д.В. Указ. соч.

²³ Басин Ю.Г. Юридические лица по гражданскому праву. Понятие и общая характеристика // Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 106 ; Степанов Д. Формы реорганизации некоммерческих организаций // Хозяйство и право : прил. к журн. 2003. № 10. С. 6.

зяйственный потребительский кооператив – весьма сложная конструкция, органично сочетающая в себе свободнотрудовые отношения кооператива как предприятия с членскими отношениями создававшей его организацией, иначе говоря, корпорация с подведомственной корпорацией.

В настоящее время названные выше потребительские кооперативы квалифицированы в налоговом и ином законодательстве как сельскохозяйственные на основании двух критериев:

а) их членами являются сельскохозяйственные товаропроизводители;

б) они являются составной частью производства сельскохозяйственной продукции до его конечного результата – поступления продовольствия в розничную продажу.

Сельскохозяйственные потребительские кооперативы ошибочно оставлены в числе некоммерческих организаций. Как и производственные кооперативы, сельскохозяйственные потребительские кооперативы ориентированы на улучшение условий труда и жизни своих членов, а сделать это возможно только путем извлечения прибыли, а, главное, распределением ее между своими членами, что после изменений от 5 мая 2014 года невозможно. Запрет распределения прибыли между членами сельскохозяйственных потребительских кооперативов подорвет и без того слабый уровень данного вида сельскохозяйственной кооперации.

Что касается применения термина «потребительский» к данному виду сельскохозяйственных кооперативов, следует отметить, что сельскохозяйственные потребительские кооперативы ничего общего с потребительскими кооперативами не имеют. Включение сельскохозяйственных потребительских кооперативов, сугубо автономных по всем экономическим и правовым признакам, в категорию «потребительские кооперативы» было грубейшей ошибкой. Поэтому сельскохозяйственные потребительские кооперативы должны быть переименованы в кооперативы производственного потребления, поскольку это название будет наиболее точно отражать содержание данного вида кооперативов и не позволит квалифицировать их в качестве некоммерческих организаций. Данные сельскохозяйственные кооперативы также можно объединить понятием «агроресурсные кооперативы», так как по своей

природе они являются составной частью общего цикла сельскохозяйственного производства: от выращивания продукции до ее конечного потребления. В законодательстве ряда стран (в частности, Украины) эти кооперативы именуются как обслуживающие.

Сельскохозяйственные кооперативы могут быть и агропромышленными, то есть включать одновременно и производственные, и потребительские функции. Это обуславливает использование в этих юридических лицах труда (личного труда в производственном кооперативе и наемного труда в кооперативах производственного потребления). Кооперативное предприятие объединено вместе с управленческой структурой. В кооперативах производственного потребления кооперативное предприятие отделено от собственников, но при этом права предприятия ограничиваются, поскольку за его убытки ответственность несет кооператив.

В-третьих, вряд ли обоснована норма ГК РФ (п. 5 ст. 50) о том, что некоммерческая организация, уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, за исключением казенного и частного учреждений, должна иметь достаточное для осуществления указанной деятельности имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для ООО. Насколько это возможно для потребительских кооперативов? Один из признаков кооперативов, с которым соглашаются представители всех кооперативных школ, – это свободное членство, что означает право не только на вступление в кооператив, но и право на выход из него с получением стоимости пая. Поэтому паевой капитал кооператива носит заранее неопределенный характер (в Положении о кооперативных товариществах и их союзах 1917 года капитал именовался термином «переменный»). При определении размера паевого фонда потребительского кооператива определенным минимумом при выходе члена кооператива из его состава он должен производить отчуждение или передачу своего пая другим членам или третьим лицам. А как быть с исключением из кооператива и возврате исключенному члену кооператива стоимости его пая? Закон на этот вопрос ответа не дает. Ограничить деятельность потребительских кооперативов исключительно некоммерческими видами деятельности не представ-

ляется возможным, особенно в сельскохозяйственных потребительских кооперативах, поскольку доход в потребительском кооперативе – это средство достижения основной цели – улучшение условий жизни своих членов.

В-четвертых, необоснованно в качестве синонима производственного кооператива сохранено использование термина «артель». В дореволюционной кооперативной теории ряд ученых придерживались мнения о кооперативной природе артели: А.А. Николаев связывал происхождение кооперации с артельной формой организации хозяйственной деятельности²⁴, К.А. Пажитнов квалифицировал трудовые артели как кооперативы продавцов рабочей силы²⁵, М.И. Туган-Барановский выделял среди кооперативов производственно-подсобные, трудовые и производительные артели²⁶. Однако есть и противоположная позиция – артели отличны от кооперативов тем, что артель представляет собой «промышленный вид экономической деятельности», основанный на «миграционной трудовой и предпринимательской деятельности»²⁷. На наш взгляд, артель отлична от кооператива по другим признакам: временному характеру деятельности, отсутствию общего имущества, созданию по договору, а не в уставной форме. Термин «артель» крайне неудачно использовался в колхозном законодательстве СССР (в частности, понятие «сельскохозяйственная артель» использовалось в уставах 1930 и 1935 годов). Очевидно, современный законодатель отдает дань исторической традиции: термин «артель» исполь-

зуют и ГК РФ (ст. 106.1), и Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 года (п. 2 ст. 3), и Федеральный закон «О производственных кооперативах» от 8 мая 1996 года № 41-ФЗ (ст. 1). Мы полагаем, что термин «артель» должен быть исключен из норм ГК РФ и действующего законодательства о производственных кооперативах.

В-пятых, ГК РФ, лишив потребительские кооперативы права распределять доходы между своими членами, тем не менее, оставил норму о субсидиарной ответственности членов кооператива по обязательствам потребительского кооператива в пределах невнесенной части дополнительного взноса каждого из членов кооператива (п. 2 ст. 123.3), что в большей степени характерно для коммерческих, а не для некоммерческих организаций.

Таким образом, изменения в правовом статусе кооперативных организаций, давно обоснованные кооперативной теорией и выстраданные практикой, так и не состоялись. Все «новеллы», внесенные в ГК РФ 5 мая 2014 года относительно кооперативов, носят непоследовательный характер, что не только не приведет к совершенствованию правового регулирования их создания и деятельности, но и будет иметь негативные правовые последствия для кооперативных организаций. Тем не менее, будем надеяться на то, что российские кооперативы, пройдя сквозь тернии, достигнут звезд, и их мнение будет воплощено в российском законодательстве.

²⁴ Хейсин М.Л. Потребительская кооперация в Великобритании. Пг., 1919. С. 63.

²⁵ Пажитнов К.А. Основы кооператизма. Пг. : Мысль, 1917. С. 61.

²⁶ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М. : Экономика, 1989. С. 94.

²⁷ Ше С.Г. Артельный подход к организации предпринимательской деятельности // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (Байкал. гос. ун-т экономики и права). 2012. № 3.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

КЛИМОВА Анна Николаевна

Аннотация. В статье анализируются основные теоретические проблемы принципов гражданского права, касающиеся их понятия, сущностных признаков и функциональной роли. Рассматриваются отдельные вопросы применения принципов гражданского права в судебной практике.

Annotation. This article analyses the main theoretical problems of the principles of civil law, which concern their concept, essential signs and functional role. Some aspects of using the principles of civil law in jurisprudence are also considered.

Ключевые слова: гражданское право, принципы гражданского права, аналогия права.

Key words: civil law, the principles of civil law, the analogy of law.

Принципы гражданского права являются традиционным методом и средством правового воздействия на общественные отношения, составляющие предмет гражданского права. Как справедливо отмечает Н.Л. Бондаренко, принципы права – это исторические категории, которые формировались на протяжении длительного периода развития права, причем не произвольно, а в соответствии с объективными закономерностями, которые отражались в их содержании¹. Исследовательский интерес к изучению этой правовой категории предопределен законодательным закреплением принципов. Атрибутом современных законодательных актов наиболее значимого характера стали специализированные нормы – «Основные начала законодательства». Они есть в Гражданском кодексе РФ (ст. 1), Семейном кодексе РФ (ст. 1), Трудовом кодексе РФ (гл. 1), Налоговом кодексе РФ (ст. 3). Смысл этих норм – придать концептуальный характер праву и законодательству одной отраслевой принадлежности, концентрированно выразить ту правовую основу, на почве которой будут реализовываться все иные нормативные установления. Тем самым для практики российского правотворчества стал характерен новый подход – текстуальное закрепление правовых идей. Причем это происходит не путем их «вкрапления» в преамбулы нормативных правовых актов или вводные статьи, а на уровне

самостоятельной правовой нормы (или ряда норм).

Юридическая наука, в том числе и цивилистическая, всегда уделяла достаточно большое внимание исследованию принципов права, приведению их в определенную систему, разработке на этой основе рекомендаций, призванных содействовать совершенствованию законодательства и практики его применения². Достаточно вспомнить, что в начале XX века профессор И.А. Покровский, рассматривая основные проблемы гражданского права, значительное внимание уделил именно правовым принципам, подчеркнув, что «...всякий образованный человек, а тем более юрист, должен иметь всегда ясное представление о краеугольных принципах своего права»³. Г.Ф. Шершеневич под именем юридического принципа понимал общую мысль, направление, вложенное законодателем, сознательно или бессознательно, в целый ряд юридических норм⁴. Необходимо заметить, что проблема правовых принципов дореволюционными учеными лишь была обозначена, как таковая научная теория в тот период не была создана.

На понятие принципа гражданского права не сложилось единого мнения и среди современных исследователей, хотя данный вопрос

² Толстой Ю.К. Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2. С. 49.

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (Серия «Классика российской цивилистики»). М.: Статут, 1998. С. 26.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 15 (по изданию 1907 г.).

¹ Бондаренко Н.Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. 2013. № 4. С. 305.

в цивилистической науке поднимался неоднократно, поскольку изучение данной правовой категории невозможно без определения понятия принципов гражданского права и выявления их основных, существенных признаков. Успешно разрабатывали проблему гражданско-правовых принципов С.Н. Братусь⁵, В.П. Грибанов⁶, Г.А. Свердлык⁷, В.Ф. Яковлев⁸, Ю.Х. Калмыков⁹.

С.Н. Братусь одним из первых в гражданско-правовой науке сформулировал понятие «принцип» как «ведущее начало, закон движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения»¹⁰. Подобное определение приводилось и в учебной гражданско-правовой литературе¹¹. На наш взгляд, приведенное определение является более философским, нежели правовым, оно не отражает специфику правовых принципов, поскольку автор не проводит четких различий между правовыми и иными научными принципами.

В отличие от С.Н. Братуся, В.П. Грибанов под принципами гражданского права понимал руководящие положения социалистического права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права, в силу их правового закрепления имеющие общеобязательное значение¹². Полагаем, что данное определение отличается от предыдущего ярко выраженным правовым характером. По мнению Г.А. Свердлыка, положительным в определении, данным В.П. Грибановым, является:

а) рассмотрение его в качестве руководящего положения;

⁵ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.

⁶ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 1981.

⁷ Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.

⁸ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.

⁹ Калмыков Ю.Х. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1980. № 3. С. 69–76.

¹⁰ Братусь С.Н. Указ. соч. С. 46.

¹¹ См.: Гражданское право : учеб. / под ред. П.Е. Орловского, С.М. Корнеева. М. : Юридическая литература, 1969. Т. 1. С. 25.

¹² Советское гражданское право / под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. М. : Юридическая литература, 1979. Т. 1. С. 25.

б) указание на то, что принципы выражают объективные закономерности, определяющие сущность всей системы права, его отраслей и институтов;

в) акцентирование внимания на общеобязательном значении принципов гражданского права в силу их правового закрепления¹³.

Несколько иное определение принципов гражданского права дает О.А. Красавчиков. В качестве принципов гражданского права он видит начала, руководящие идеи, в соответствие с которыми осуществляется правовое регулирование общественных отношений¹⁴. Определение О.А. Красавчикова носит лаичный характер. На наш взгляд, достоинством его определения является указание, согласно которому правовое регулирование общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, строится в соответствии с определенными принципами. На весьма сходных позициях стоят и авторы учебника под редакцией В.Ф. Маслова, определяющие принципы гражданского права как выражение в его нормах основополагающих идей (начал, положений), в соответствии с которыми осуществляется регулирование имущественных и личных неимущественных отношений¹⁵.

Представляется, что наиболее полное и обоснованное определение принципов гражданского права дал Г.А. Свердлык, согласно которому – это закрепленные или отраженные в преамбулах основополагающих нормативных актов, а также в гражданско-правовых нормах и выражающие объективные закономерности развития имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, стаильные нормативно-руководящие положения, в соответствии с которыми строится нормативная база гражданско-правового регулирования, регламентация поведения субъектов гражданского права и правоприменение¹⁶. Полагаем, что данное определение соответствует сути изучаемого явления, отра-

¹³ См.: Свердлык Г.А. Указ. соч. С. 10.

¹⁴ Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М. : Высшая школа, 1972. Т. 1. С. 24 ; Советское гражданское право : учеб. пособие / под ред. О.А. Красавчикова. Свердловск : СЮИ, 1976. С. 30.

¹⁵ Советское гражданское право : учеб. / под ред. В.Ф. Маслова. М. : Высшая школа, 1977. Т. 1. С. 16.

¹⁶ Свердлык Г.А. Указ. соч. С. 17.

жает многообразие его существенных признаков. Как видим, во главу угла Г.А. Свердлык ставит объективную природу происхождения принципов, а соответственно, исходя из этого, признает за ними качества стабильности, прочности, устойчивости, постоянства, общеобязательности, регулятивности. Вместе с тем, автор призывает не игнорировать и субъективный момент, утверждая, что «их действенность основывается на соразмерном воплощении в себе объективного и субъективного»¹⁷.

Т.Н. Илларионова, анализируя принципы гражданского права, рассматривает их в качестве руководящих идей, содержанием которых являются результаты оценки социально-экономических, моральных, политических и иных устоев социалистического общества, тенденций и потребностей развития общественных отношений с точки зрения их влияния на гражданско-правовое регулирование¹⁸. Главное отличие подобного подхода, по сравнению с предыдущими, в том, что принцип – это не просто руководящая идея, а ее нормативное выражение. Автор разграничивает момент зарождения правовых принципов (существование идей в общественном сознании), их возникновение (оценка идей на предмет соответствия объективной реальности и потребностей дальнейшего развития) и функционирования в правовой действительности. С точки зрения функций принципов гражданского права, они пронизывают все институты гражданского права, несут в себе информацию об общих чертах регулируемых общественных отношений, о положении в них участников, то есть о свойствах, обуславливающих существование гражданского права как особой отрасли¹⁹. Итогом рассуждений Т.Н. Илларионовой явилось утверждение о том, что принципы гражданского права – это явления объективно реальные, основой которых является нормативность.

Наиболее заметными в цивилистической науке последних лет стали исследования

Е.Г. Комисаровой²⁰ и О.А. Кузнецовой, в частности, уделившей значительное внимание проблеме систематизации принципов гражданского права²¹.

И все же на данном этапе ни в теории права, ни в цивилистике так и не сложилось относительно единого взгляда на понятие и природу принципов права в целом и гражданско-правовых принципов в частности. Несмотря на различия в приводимых дефинициях, в них больше сходного и гораздо меньше специфичного. Проанализированные определения позволяют утверждать, что принципы гражданского права могут закрепляться в конкретной правовой норме (то есть точно) либо вытекать из смысла ряда гражданско-правовых норм. Другими словами, закрепляться системно. Они имеют абсолютную природу, в связи с чем не могут быть изменены по усмотрению сторон, являясь обязательными для всех субъектов гражданского права. Принципы гражданского права представляют собой его сущностную характеристику, поэтому при их отсутствии гражданское право как отрасль права не может нормально функционировать.

Сущностной чертой гражданско-правовых принципов является их нормативное закрепление. Иначе говоря, нормативность принципов. В связи с чем нами предложено следующее определение гражданско-правовых принципов. Принципы гражданского права – это точно (в конкретной норме) или системно (в ряде гражданско-правовых норм) закрепленные в гражданском законодательстве руководящие положения, имеющие абсолютную природу, обязательные для всех субъектов гражданского права, в соответствии с которыми осуществляется гражданско-правовое регулирование имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений.

Немаловажным, особенно с практической точки зрения, представляется вопрос о функциональной роли принципов гражданского

¹⁷ Свердлык Г.А. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ Комисарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

²¹ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006 ; Она же. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть закона. 2011. № 4. С. 87–95.

права в регулировании общественных отношений. Поэтому любое исследование в данной области представляет не только теоретический, но и несомненный практический интерес. В цивилистической литературе прослеживается мнение, что принципы гражданского права выполняют две основные функции. Первая из них состоит в выражении основных идей данной правовой отрасли, направлений ее развития, формулировании основных требований, как к принимаемым нормативным актам, так и к правоприменительной деятельности государственных органов, а также к поведению отдельных участников гражданских правоотношений. Принципы выражают реальное состояние общественных отношений, поэтому являются по своей природе объективными. Как указывает В.В. Кулаков, принципы права признаются, а не принимаются государством. По его мнению, с которым нельзя не согласиться, основные принципы гражданского права адресованы государству, в первую очередь законодателю, и должны учитываться в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Особая роль в правотворчестве отводится Президенту РФ, поскольку он обладает инициативой в принятии непредусмотренных законом нормативных актов, соответственно должен учитывать в процессе своей деятельности основополагающие принципы гражданского права²². Немаловажное значение имеет и то, что в принципах выражается не только социально-экономическая основа, но и общечеловеческие ценности²³.

Второй функцией, выполняемой принципами гражданского права, является непосредственное регулирование общественных отношений. Такая функция прямо закреплена в ч. 2 ст. 6 ГК РФ, согласно которой при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости. На данный способ восполнения пробелов ука-

зывали и дореволюционные российские цивилисты. Так, Е.В. Васьковский отмечал, что «третий путь пополнения пробелов <...> сводится к тому, чтобы предоставить судам <...> право создавать недостающие нормы самостоятельно, по своему собственному усмотрению и разумению. Такое дозволение давалось некоторыми законодателями в разных формах: одни дозволяли судьям разрешать непредусмотренные в законе случаи по справедливости, другие – по общим принципам права, третьи – на основании принципов естественного права»²⁴.

Применение аналогии права используется в ходе судебных разбирательств относительно редко. Суды осторожно подходят к данной проблеме, несмотря на то, что в науке рассматриваемый вопрос разработан на достаточно высоком уровне. Несомненно, применение аналогии права требует от правоприменителя высочайшей квалификации²⁵. Прежде всего судья должен установить наличие пробела. Далее необходимо сослаться на п. 2 ст. 6 ГК РФ, закрепляющий возможность применения аналогии права. Затем необходимо выбрать конкретный принцип, подлежащий применению, не ограничиваясь формулировкой «общие начала», и на его основе разрешить спорную ситуацию. Вместе с тем, применение принципов гражданского права объективно необходимо для формирования судебной практики, поскольку многие гражданско-правовые нормы носят оценочный характер и требуют в той или иной степени судейского усмотрения. Высшие судебные органы указывают на необходимость применения принципов разумности и добросовестности как основополагающих частноправовых принципов²⁶, принципа свободы гражданско-правового договора²⁷.

Подводя итоги, еще раз отметим, что проблемы понятия, правовой сущности, осо-

²² См.: Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185–192.

²³ См.: Черданцев В.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 187; Рыженков А.Я. Моральное содержание основных начал гражданского законодательства // Современное право. 2014. № 5. С. 47–51.

²⁴ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 279.

²⁵ Слепенкова О.А. Некоторые аспекты применения принципов гражданского права в судебной практике // Рос. юстиция. 2011. № 9. С. 4.

²⁶ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

бенностей реализации принципов гражданского права не являются новыми для цивилистической науки. Они всегда обладали высокой степенью актуальности, вплоть до настоящего времени. Законодательное закрепление гражданско-правовых принципов способствовало новому витку интереса к названной проблематике. Основными направлениями иссле-

дований в данной сфере видится изучение механизма практического применения принципов гражданского права, совершенствование нормотворческой деятельности с учетом действия основных начал гражданского законодательства, формирование судебной практики, ориентированной на применение принципов гражданского права.

ОБЗОР СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ КОНТРАКТА НА ПОСТАВКУ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

КОСЕНКО Елена Владиславовна

***Аннотация.** Статья представляет собой анализ основных положений нового гражданского законодательства о поставках (выполнении работ или оказании услуг) для специального субъекта – государственного или муниципального заказчика. Подвергаются критике отдельные положения закона, представлены авторские суждения о спорных и конкурирующих нормах.*

***Annotation.** Scientific article presents an analysis of the main provisions of the new legislation on civil supplies (works or services) for a special subject – state or municipal customer. Criticized certain provisions of the law, presented author judgments on contentious and competing standards.*

***Ключевые слова:** контракт, государственный заказчик, муниципальный заказчик, существенные условия.*

***Key words:** contract, the contracting authority, the municipal customer, essential conditions.*

Правительство РФ утвердило Правила разработки типовых контрактов (условия типовых контрактов), которые будут впоследствии размещены в единой информационной системе¹. Такие контракты могут быть использованы для закупки товаров, работ, услуг, качественные и технические характеристики которых соответствуют стандартным показателям и значениям. Данные типовые условия контрактов будут универсальными и могут по желанию заказчика использоваться в типовых контрактах для закупки всех видов товаров, работ, услуг, а также в заключаемых заказчиком гражданско-правовых договорах. Однако же в некоторых случаях условия типового контракта могут не соответствовать ситуации и необходимым требованиям самого заказчика. Поэтому возникнет необходимость в составлении контракта, отличного от типового.

Законом № 44-ФЗ предусмотрены несколько способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), но вне зависимости от способа определения поставщика контракт, как и любой договор, будет включать ряд условий, которые можно подразделить:

- на существенные;
- обычные;
- случайные.

Существенные – те, которые необходимы и достаточны для заключения договора. Обычные – те, которые предусмотрены действующим законодательством и вступают в силу помимо воли сторон. Случайные – те, которые изменяют или дополняют обычные условия.

В сфере госзакупок заключаются в основном три вида договоров:

1) купля-продажа (в виде договора поставки, энергоснабжения, контрактации (купля – продажа сельхозпродукции));

2) выполнение подрядных работ – то есть договор подряда (строительный, который может включать условия о строительстве и ремонте либо только ремонте);

3) оказание услуг (медицинские, образовательные, консультативные и т.д.).

Эти договоры регулируются не только ФЗ № 44-ФЗ, но и гражданским законодательством².

Таким образом, для составления контрактов необходимо руководствоваться не только нормами ФЗ № 44-ФЗ, но и общими положениями гражданского законодательства о соответствующем виде договора. Все основные положения содержатся в Гражданском кодексе РФ³.

¹ Постановление Правительства РФ от 2 июля 2014 г. № 606 «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» (вместе с Правилами разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html (дата обращения: 09.10.2014).

² Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html (дата обращения: 09.10.2014).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html (дата обращения: 09.10.2014).

Для определения существенных условий любого контракта в соответствии с ФЗ № 44 обратимся в первую очередь к его положениям, так как они должны быть зафиксированы в обязательном порядке.

Первое. В контракт необходимо включить точные формулировки всех условий, которые были оговорены на первоначальных этапах подготовки, то есть были предусмотрены:

- в извещении об осуществлении закупки или приглашении принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя);
- в документации о закупке;
- в заявке;
- в окончательном предложении участника закупки, с которым заключается контракт.

Таким образом, запрещено отступать от первоначальных условий, разработанных заказчиком при определении поставщика (исполнителя). Единственное исключение: возможно при составлении контракта увеличить количество поставляемого товара на сумму, не превышающую разницы между ценой контракта, предложенной таким участником, и начальной (максимальной) ценой контракта (ценой лота), если это право заказчика предусмотрено конкурсной документацией, документацией об аукционе. Следовательно, целесообразно право на увеличение количества поставляемого товара сразу предусмотреть в контракте.

Второе. Существенным условием является описание объекта закупки. В контракте это может именоваться как предмет контракта. Так, указано, что предмет должен быть описан максимально объективно, содержать указания на функциональные, технические, качественные и эксплуатационные характеристики (при необходимости). Но в описание нельзя включать сведения о товарных знаках, знаках обслуживания, фирменных наименованиях и иных способах идентификации конкретного товара или производителя, а также требования к товарам, информации, работам, услугам, если такие требования влекут за собой ограничение количества участников закупок. Исключение возможно только в случае, если не имеется другого способа обеспечить более точное и четкое описание характеристик объекта закупки. Соответственно, теперь не требуется указывать товарный знак российского производителя как эквивалент закупаемого товара

с товарным знаком иностранного производителя. (Ранее действующий Закон № 94-ФЗ содержал положение о допустимости таких сведений).

Описание объекта закупки должно по возможности содержать стандартные показатели, требования, условные обозначения и терминологию, касающуюся его технических и качественных характеристик, которые установлены в соответствии с техническими регламентами, стандартами и иными требованиями, предусмотренными законодательством о техническом регулировании.

Но и документация о закупке должна содержать показатели, позволяющие определить соответствие закупаемых товара, работы, услуги потребностям заказчика. В ней указываются максимальные и (или) минимальные значения таких показателей, а также значения показателей, которые не могут изменяться.

Полагаем, что соблюдение этого условия будет на практике весьма проблематично по причине точных совпадений в описании того или иного вида товаров. Например, элементы питания (батарейки) дорогих и дешевых видов абсолютно идентичны по описанию в сертификатах. Аналогично ситуация складывается и по другим видам товаров. А так как заказчик (покупатель) обязан приобретать наиболее выгодный по цене товар, то очевидно, что покупать придется именно некачественный.

Третье. Обязательное условие контракта – *цена*. Она является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта.

В дальнейшем Правительством Российской Федерации для отдельных видов закупки будут установлены ориентировочные значения цены контракта либо формула цены и максимальное значение цены контракта, установленные заказчиком в документации о закупке. Пока цена является твердой для всех видов контрактов. Это требование также не вполне удобно, особенно если контракт заключается на длительный срок.

Четвертое. В контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом. Обязательное условие (а значит и существенное) содержится в п. 5–9 ФЗ № 44-ФЗ. Но это условие является не обязательным:

- для бюджетных, автономных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий;
- учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы;
- случаев осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Условие контракта об ответственности представляет собой условие о штрафе и о пени. При этом пени начисляются за просрочку исполнения, а штрафы – за все иные нарушения контракта:

1) штраф – это *фиксированная сумма*, которая определяется согласно постановлению Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1063⁴.

2) пени *начисляются согласно ФЗ № 44-ФЗ*: заказчику – $\frac{1}{300}$ ставки рефинансирования, поставщику – не менее $\frac{1}{300}$.

Заметим, что согласно постановлению Правительства РФ № 1063 по самым распространенным контрактам на сумму до 3-х миллионов рублей сумма штрафа для поставщика в 4 раза выше, чем для заказчика.

Пятое. Если контракт заключается на срок более чем три года и цена контракта составляет более чем сто миллионов рублей, контракт должен включать в себя график исполнения.

Считаем, что график исполнения можно составлять в любом контракте по желанию заказчика. Это удобно и позволяет контролировать поставщика, а также, в случае необходимости, график позволяет точно определить просрочку по договору.

Это условие является не обязательным:

- для бюджетных, автономных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий;
- учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы;

- случаев осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Шестое. В контракт включаются также следующие обязательные (существенные) условия:

- о порядке и сроках оплаты товара (работы или услуги); здесь целесообразно указать, как именно будет осуществляться оплата (счет, банк и т.д.); сроки допустимо связать с моментом исполнения договора и возможно указать, что оплата будет производиться через п-е количество дней после выполнения поставщиком своих обязательств;

- о порядке и сроках осуществления заказчиком приемки поставленного товара, выполненной работы (ее результатов) или оказанной услуги в части соответствия их количества, комплектности, объема требованиям, установленным контрактом, а также о порядке и сроках оформления результатов такой приемки; здесь целесообразно предусмотреть акт приема-передачи либо иной способ приемки (проставление подписи уполномоченного лица на накладной, отправление электронного письма и т.д.);

- в случае, если контракт заключается с физическим лицом, за исключением индивидуального предпринимателя или иного занимающегося частной практикой лица, в контракт включается обязательное условие об уменьшении суммы, подлежащей уплате физическому лицу, на размер налоговых платежей, связанных с оплатой контракта.

Но и эти условия являются не обязательными:

- для бюджетных, автономных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий;
- учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы;
- случаев осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Привлечение эксперта – теперь обязательное (существенное) условие исполнения контракта. Целесообразно его указывать в тексте. Сам заказчик должен заключить контракт с экспертом, который в зависимости от объекта закупки будет участвовать в приеме исполнения либо когда весь контракт уже исполнен, либо на отдельных этапах и в завершении исполнения. Участие эксперта следует самостоя-

⁴ Постановление Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html (дата обращения: 12.10.2014).

тельно определять в соответствии с предметом (объектом) закупки. Интересно положение ФЗ (а именно п. 3 ст. 94) о том, что экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами. Но в данном случае необходимо это указать в договоре.

Положения п. 3 ст. 94 ФЗ № 44-ФЗ на первый взгляд вступают в противоречие с положением абз. «а» подп. 1 п. 2 ст. 41, который гласит: к проведению экспертизы в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, не могут быть допущены физические лица, являющиеся в течение менее чем двух лет, предшествующих дате проведения экспертизы, либо должностными лицами или работниками заказчика, осуществляющего проведение экспертизы, либо поставщика (подрядчика, исполнителя). На практике государственные и муниципальные заказчики неверно толкуют эту норму, полагая, что работники заказчика или подрядчика вообще не могут быть экспертами по контракту. Однако это не так. В противном случае представленные нормы явно противоречили бы друг другу. Пункт 2 ст. 41 предполагает, по нашему мнению, что не могут быть экспертами должностные лица и работники заказчика и поставщика (исполнителя), которые осуществляют трудовую деятельность у сторон менее двух лет. Значит экспертом может быть только лицо со стажем работы более двух лет. Иное толкование указанных норм не соответствует положениям ФЗ № 44-ФЗ.

В контракт может включаться условие о банковском сопровождении контракта. Это условие необходимо только если для конкретного заказчика банковское сопровождение станет обязательным. Банк для такого заказчика открывает специальные счета, отслеживает движение средств по счету и предоставляет отчет о банковских операциях по таким счетам. Перечень заказчиков, попадающих под контроль, будет установлен соответственно: Правительством Российской Федерации, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрацией.

В контракт включается обязательное условие о сроках возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта (если такая форма обес-

печения исполнения контракта применяется поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

При подготовке к закупке необходимо указывать *требование об обеспечении контракта, поскольку в ФЗ обеспечение – обязательное (существенное) условие.*

Способы и размер обеспечения:

– Способ обеспечения: банковская гарантия (срок ее действия должен превышать срок контракта на 1 месяц) или внесение денежных средств на счет в банке.

– Размер обеспечения составляет от 5 до 30 % начальной (минимальной) цены контракта или от 10 до 30 % НМЦК, если НМЦК превышает 50 млн руб.

– Важно: обеспечение исполнения контракта *всегда предшествует подписанию самого контракта.*

В ходе исполнения контракта поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе поменять обеспечение: представить новое обеспечение, уменьшенное на сумму исполненных обязательств, а также изменить способ обеспечения, поменяв, например, банковскую гарантию на денежные средства на счете.

Постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1005 установлены требования к банковской гарантии: она должна быть безотзывной, содержать условие о неустойке 0,1 % в день за просрочку оплаты банком, выдана банком, входящим в специальный перечень Минфина России и быть включенной в реестр банковских гарантий.

С 31 марта 2014 года реестр банковских гарантий должен был быть размещен в единой информационной системе (далее – ЕИС). Отсутствие информации о банковской гарантии в ЕИС является основанием к отказу в принятии ее заказчиком. Но целесообразно проверять банковскую гарантию в реестре, который будет создан и находится в ведении Федерального казначейства.

Теперь обратимся к условиям, которые гражданское законодательство относит к существенным условиям контракта. Эти условия *обязательны для включения в договор*, игнорировать их нельзя.

В договоре поставки существенным условием будет только одно: описание предмета. Однако же для полноты договора желательно указать, например, возможность расторжения контракта и одностороннего отказа от контракта, тем более, что ФЗ № 44-ФЗ в ст. 95 рекомендует это условие.

Для договора поставки предусмотрены основания в ст. 523 Гражданского кодекса РФ:

1. Односторонний отказ от исполнения договора поставки (полностью или частично) или одностороннее его изменение допускаются в случае существенного нарушения договора одной из сторон.

2. Нарушение договора поставки поставщиком предполагается существенным в случаях:

- поставки товаров ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемый для покупателя срок;
- неоднократного нарушения сроков поставки товаров.

Пункт 3 этой же ст. 523 ГК РФ «Нарушение договора поставки покупателем» предполагается существенным в случаях:

- неоднократного нарушения сроков оплаты товаров;
- неоднократной невыборки товаров.

Федеральный закон № 44-ФЗ устанавливает и процедуру одностороннего отказа от договора – это п. 12–18 ст. 95.

Одновременно следует учитывать и право поставщика расторгнуть договор в одностороннем порядке (п. 19–24 ст. 95 ФЗ № 44-ФЗ).

В договоре контрактации – закупке сельхозпродукции у производителя (ст. 535–538 ГК РФ) – также единственным обязательным условием является описание предмета. Но следует учитывать, что у этого договора есть особенность – ст. 538. Ответственность производителя сельскохозяйственной продукции содержит правило: производитель сельскохозяйственной продукции, не исполнивший обязательство либо ненадлежащим образом исполнивший обязательство, несет ответственность при наличии его вины.

В договоре купли-продажи недвижимости (ст. 549–558 ГК РФ) два существенных условия: предмет и цена. Но такое условие, как це-

на, является существенным для любого контракта.

В договоре подряда обязательны следующие условия: предмет, срок и цена. Но этот договор также имеет ряд особенностей: например, правило ст. 741 ГК РФ – распределение риска между сторонами:

1. Риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства, составляющего предмет договора строительного подряда, до приемки этого объекта заказчиком несет подрядчик.

2. Если объект строительства до его приемки заказчиком погиб или поврежден вследствие недоброкачества предоставленного заказчиком материала (деталей, конструкций) или оборудования либо исполнения ошибочных указаний заказчика, подрядчик вправе требовать оплаты всей предусмотренной сметой стоимости работ при условии, что им были выполнены обязанности, предусмотренные п. 1 ст. 716 настоящего Кодекса. Статья 716 предполагает обязанность предупредить заказчика о всех неблагоприятных последствиях исполнения договора.

Статья 742 ГК РФ предусматривает возможность страхования объекта строительства. Техническая документация и смета – обязательные приложения к контракту. В контракт, предусматривающий выполнение договора подряда, можно вводить условия, которые обычно включают в подобного рода договоры: о контроле и надзоре заказчика за выполнением работ по договору строительного подряда, об участии инженера (инженерной организации) в осуществлении прав и выполнении обязанностей заказчика (по сути это и есть эксперт, который может быть привлечен заказчиком в соответствии с нормами ФЗ № 44-ФЗ) и другие условия в соответствии с Гражданским кодексом РФ.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА С ЦЕЛЬЮ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

ПУЧКОВА Виктория Викторовна

***Аннотация.** В статье исследуются проблемы правового регулирования производственной деятельностью человека в сфере охраны здоровья. Проводится правовой анализ воздействия производственной среды на здоровье человека.*

***Annotation.** This paper investigates the problems of legal regulation of industrial activity in the area of human health. Conducted a legal analysis of the impact of the working environment on human health.*

***Ключевые слова:** конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь, безопасные условия труда, производственная деятельность людей.*

***Key words:** constitutional right to health and medical care, safe working conditions, manufacturing activities of people.*

Конституционное право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь реализуется созданием благоприятных, безопасных условий труда, быта, отдыха. Выделены основные законодательные акты, регламентирующие охрану труда в различных отраслях производственной деятельности людей. К ним относятся: ТК РФ; ГК РФ; Федеральный закон «О внесении изменения на соответствие рабочего места требованиям охраны труда и проведения внеплановой проверки без предупреждения руководителя предприятия» от 18 июля 2011 года № 242-ФЗ; Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 6 ноября 2011 года № 300-ФЗ; приказ Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» от 12 апреля 2011 года № 302н (зарегистрировано в Минюсте РФ 21.10.2011 г. № 22111). В законодательных актах указывается не только техника безопасности, противопожарная техника, но и производственная санитария.

На здоровье оказывают влияние условия труда на производстве, где трудится работник, особенно если условия труда являются опасными или вредными. Охрана труда является системой сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, которая включает в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия (ст. 209 ТК РФ). Рабочее место – место постоянного или временного пребывания работающих в процессе трудовой деятельности. Под постоянным рабочим местом понимается такое, на котором работающий находится большую часть своего времени (более 50 % или более двух часов непрерывно). Рабочее место должно соответствовать требованиям безопасности. Для подтверждения безопасности и выявления опасных и вредных производственных факторов, напряженности и тяжести труда проводится аттестация рабочих мест по условиям труда.

При аттестации рабочих мест определяется:

- оценка условий труда по производственным факторам;
- оценка травмоопасности;
- оценка обеспечения работников средствами индивидуальной защиты.

Травмоопасность – свойство рабочих мест соответствовать требованиям безопасности

труда, исключающим травмирование работающих в условиях, установленных нормативно-правовыми актами. Основной целью аттестации травмоопасности рабочих мест является:

- оценка безопасности производственного оборудования;
- оценка безопасности приспособлений и инструментов;
- оценка обеспеченности средствами обучения и инструктажа¹.

Таблица 1

Производственные факторы

№ п/п	Производственные факторы	Характеристика
1.	Физические факторы	Микроклимат, электромагнитное излучение, ультрафиолетовая радиация, электрические и магнитные поля, производственный шум, вибрации, освещенность.
2.	Химические факторы	Вредные вещества, вещества раздражающего действия, аллергены, канцерогены, аэрозоли фиброгенного действия, металлы, оксиды металлов, пыль.
3.	Факторы тяжести трудового процесса	Физическая и динамическая нагрузка, масса поднимаемого и перемещаемого груза, рабочая поза, наклоны корпуса, перемещение в пространстве, стереотипные рабочие движения.
4.	Факторы напряженности трудового процесса	Интеллектуальные, сенсорные, эмоциональные нагрузки, нагрузки на зрительный анализатор, монотонность нагрузок, режим работы.

Условия труда оцениваются по четырем классам:

Таблица 2

Классы условий труда

№ п/п	Классы условий труда	Характеристика
1.	1	Безопасные оптимальные условия труда, при которых работающие сохраняют свое здоровье и имеют предпосылки для поддержания высокого уровня трудоспособности.
2.	2	Безопасные допустимые условия труда, характеризующиеся значениями факторов, не превышающими установленных гигиеническими нормами, а функциональное состояние организма от их воздействия восстанавливается к началу следующей смены, не оказывая неблагоприятного воздействия на здоровье человека.
3.	3	Вредные условия, характеризующиеся наличием вредных производственных факторов, превышающих гигиенические нормативы и оказывающие неблагоприятное воздействие на организм работника и его потомство. Выделяют четыре степени вредности: <ol style="list-style-type: none"> 1) вызывающие обратимые функциональные изменения организма; 2) приводящие к стойким функциональным нарушениям и росту заболеваемости; 3) приводящие к развитию профессиональной патологии в легкой форме и росту хронических заболеваний; 4) приводящие к возникновению профессиональных заболеваний, значительному росту хронических и высокому уровню заболеваемости с временной утратой трудоспособности.
4.	4	Опасные условия, при которых производственные факторы оказывают воздействие на организм работающего в процессе трудовой деятельности и создают угрозу для жизни и высокий риск возникновения тяжелых форм острых профессиональных заболеваний.

¹ Андреев С.В., Ефремова О.С. Охрана труда от «А» до «Я». М.: Альфа – Пресс, 2006. С. 52, 55.

Рабочее место признается аттестованным при отсутствии опасных и вредных производственных факторов или соответствии их фактических значений оптимальным или допустимым величинам, соответствие условий труда гигиеническим требованиям и требованиям безопасности.

Также большое внимание уделяется метеорологическим условиям рабочих мест (микроклимат – температура, относительная влажность и скорость воздушных потоков). Оздоровление условий труда включает использование вентиляций, кондиционирование воздуха, предупреждение шумов, вибраций. Согласно санитарным нормам СН 2.2.4/2.1.8.562-96 и СН 2.2.4/2.1.8.566-96 предельно допустимой величиной уровня звука считается 80 дБ (А), в административных помещениях, корректорских, компьютерных залах – не более 50 дБ. Вибрация допустима в диапазоне частот: 31,5; 63; 125; 250 Гц (низкие частоты); 500 и 1 000 Гц (средние частоты); 2 000; 4 000; 8 000 Гц (высокие частоты). Нормируемый диапазон частот устанавливается:

– для локальной вибрации в виде октавных полос со среднегеометрическими частотами: 8; 16; 31,5; 63; 125; 250; 500; 1 000 Гц;

– для общей вибрации в виде октавных или $\frac{1}{3}$ октавных полос со среднегеометрическими частотами: 0,8; 1; 1,25; 1,6; 2,0; 2,5; 3,15; 4,0; 5,0; 6,3; 8,0; 10,0; 12,5; 16,0; 20,0; 25,0; 31,5; 40,0; 50,0; 63,0; 80,0 Гц.

Для предупреждения шума и вибрации необходимо предусматривать в начальной стадии проектирования производственной зоны – место работы человека. Освещение на рабочем месте должно быть естественным и искусственным, наиболее благоприятно для зрения является естественное освещение. В соответствии с санитарными правилами и нормами (СанПиН) 2.2.1/2.1.1.1278-03 «Гигиенические требования к естественному, искусственному и совмещенному освещению жилых и общественных зданий» установлены нормативные значения относительно освещения жилых помещений и общественных зданий. Например, уровни суммарной засветки окон жилых зданий, палат лечебных учреждений, палат и спальных комнат объектов социального обеспечения световыми приборами наружного освещения не должны превышать следующих значений средней вертикальной освещенности:

– 7 лк – при норме средней яркости проезжей части 0,4 кд/м²;

– 10 лк – при норме средней яркости проезжей части 0,6 – 1,0 кд/м²;

– 20 лк – при норме средней яркости проезжей части 1,2 – 1,6 кд/м².

При совмещенном освещении общественных зданий нормируемые значения КЕО должны составлять от нормированных значений КЕО при естественном освещении:

– не менее 87 % для учебных и учебно-производственных помещений школ, школ-интернатов, учебных заведений начального и среднего профессионального образования;

– не менее 60 % для остальных помещений.

От правильной организации освещения зависит производительность труда, снижается уровень профессиональных заболеваний. При работе в условиях неправильного и недостаточного освещения снижается эффективность зрения и развивается близорукость. Это может привести к профзаболеваниям.

Таким образом, производственная деятельность работника осуществляется в различных производственных условиях, которые должны отвечать санитарно-гигиеническим требованиям. Только они являются здоровыми условиями труда, оказывающими благоприятное воздействие на сохранение здоровья человека. Также большое значение имеет режим отдыха и питания. В течение рабочего дня работникам предоставляется перерыв для этого продолжительностью от 30 минут до 2-х часов, не включающийся в рабочее время. Конкретная продолжительность перерыва для отдыха и питания устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка. В организациях, где по условиям производства невозможно дать общий для всех работников перерыв для отдыха и питания, он устанавливается поочередно каждой группе работников.

В отдельных организациях, где сотрудникам приходится работать в холодное время года на улице или в закрытых неотапливаемых помещениях, устанавливаются перерывы для обогрева и отдыха, продолжительность которых устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка. Такие перерывы включаются в рабочее время и подлежат оплате.

На работах с вредными и опасными условиями труда, а также выполняемых в особых температурных условиях или связанных с загрязнением работникам бесплатно выдаются

средства индивидуальной защиты. К ним относятся сертифицированная специальная одежда, обувь, смывающие и обезвреживающие средства в соответствии с типовыми нормами. На работах с вредными условиями труда работникам выдаются бесплатно по установленным нормам молоко или другие равноценные пищевые продукты.

С целью сохранения и укрепления здоровья для некоторых категорий работников при приеме на работу и в процессе трудовой деятельности проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры. В соответствии с медицинскими рекомендациями сотрудники проходят внеочередные медицинские осмотры. Последние проводятся в отношении работников, занятых на предприятиях с вредными или опасными условиями труда, на тяжелых работах, а также на работах, связанных с движением транспор-

та, работников пищевой промышленности, общественного питания и торговли, водопроводных сооружений. Медицинское освидетельствование осуществляется с целью определения пригодности работников для выполнения поручаемой работы, охраны здоровья, предупреждения возникновения и распространения заболеваний. Для сотрудников, работающих в условиях повышенной опасности, проводится обязательное психиатрическое освидетельствование.

Таким образом, для сохранения и укрепления здоровья в организациях необходимо осуществлять санитарно-бытовое и лечебно-профилактическое обслуживание работников в соответствии с требованиями охраны труда, а также доставку заболевших на рабочем месте в медицинскую организацию в случае необходимости оказания им неотложной медицинской помощи.

ТЕОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕКСИКАНСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

ТУМАНОВА Елена Валерьевна

Аннотация. Статья посвящена теории преступления в мексиканском уголовном праве. Рассматривается как определение места, которое занимает теория преступления в уголовно-правовой науке и ее значимость, так и анализ содержания основных категорий, ее составляющих: понятие преступления, действие и бездействие, противоправность, типичность, виновность и наказуемость.

Annotation. This article is devoted to the theory of the crime in the Mexican criminal law. The study focused on the definition of the place of the theory of crime in criminal science and its importance, and the analysis of the content of the main categories of its components: the concept of crime, action and inaction, illegality, typicality, guiltiness, punishment.

Ключевые слова: преступление, теория, уголовное право, элементы преступления, преступное действие, противоправность, виновность, наказуемость, типичность.

Key words: crime, theory, penal law, elements of the crime, criminal accion, illegality, culpability, penalty, tipicity.

Мексиканская уголовно-правовая наука состоит из следующих разделов: введение в уголовно-правовую теорию, теория уголовного закона, теория преступления, теория преступника, теория наказаний.

Теория преступления – это система гипотез, которые выражают, с точки зрения той или иной догматики, какими признаками должно быть наделено человеческое деяние, чтобы влечь за собой уголовно-правовые последствия. Разберемся в вышеприведенном определении. Теория преступления есть система, так как представляет собой упорядоченный набор знаний. Это система гипотез, потому что состоит из заявлений, которые могут быть подтверждены и удостоверены только косвенно, через свои последствия. Содержание гипотез, выражающих уголовно-правовые признаки деяния, зависит от той догматики, в которой такая гипотеза существует. В уголовно-правовой науке как науке социальной не существует единства относительно сущности феномена преступления. Сущность преступного деяния раскрывается каждым уголовно-правовым направлением по-разному и поэтому важно принимать во внимание, в рамках какой теории рассматривается феномен. Исходя из определения, целью теории преступления является изучение такого поведения, которое приводит к применению наказания или меры безопасности, то есть влекущего за собой уголовно-правовые последствия.

Теория преступления, строящаяся на теоретических концепциях, находит, однако, свой практический выход, определяя, существуют ли преступные элементы в том или ином человеческом поведении. По этому поводу известный уголовно-правовой исследователь Эугенио Рауль Зафаррони в своей книге отмечает: «Теория преступления служит выполнению практических задач, состоящих в упрощении установления наличия или отсутствия признаков преступления в каждом конкретном случае»¹. Поэтому «теория преступления является "спинным мозгом" уголовного права. Знать ее, вдумываться в нее составляет наиболее адекватный метод ознакомления с противоправным, то есть с ядром юридического универсума»².

Согласно классическому определению Муньоза Конде и Гарсии Арана теория преступления является системой, в которой разрабатываются, отталкиваясь от концепции простого действия, различные элементы, присутствующие всем без исключения преступлениям³.

Теория преступления изучает общие характеристики преступления в рамках Общей

¹ Zafarroni E.R. Manual de Derecho penal. Parte General. Mexico : Cardenas, 1991. С. 333.

² Lopez Betancourt E. Teoria del delito. Mexico : Porrúa, 1994. С. 1.

³ Conde M.F., Arán G. Mercedes, Derecho penal. Parte General. 6ª. Valencia, España : Tirant lo Blanch, 2004. С. 205.

части уголовного права. Частные признаки отдельных преступлений изучаются в рамках Особенной части.

Теория преступления выполняет две основные функции: во-первых, предлагает аналитическую модель, которая облегчает преподавание и изучение уголовного права, и, во-вторых, упрощает рассмотрение дел в судах⁴.

Существуют две системы, через которые изучается феномен преступления:

1) система единства или суммирующая система (*sistema unitario o totalizador*) провозглашает преступление единым монолитным явлением, которое даже для научных целей не может быть разделено на составляющие;

2) аналитическая или атомистическая система (*sistema atomizador o analítico*) считает, что преступление должно изучаться, анализируя каждый из элементов, его составляющих; этому направлению не противоречит то, что нет единства относительно количества и природы элементов, составляющих преступление.

Влияние той или иной системы наблюдается при анализе различных определений преступления. Приведем некоторые примеры.

Согласно Рафаэлю Гарофало «естественное преступление» – это оскорбление нравственного чувства, состоящего из основных альтруистических чувств (жалости и честности) в их средней мере, присущей всему обществу. Другой представитель антрополого-социальной школы Энрико Ферри определял преступление как действия, совершаемые из личных и антисоциальных мотивов, нарушающие сложившиеся условия существования и принятый в таких условиях средний уровень морали.

Эрнст фон Белинг дает следующее определение: преступлением является типичное действие, противоправное, наказуемое соразмерным и достаточным наказанием. Франческо Каррара преступлением называет нарушение государственного закона, принятого во имя охраны интересов граждан, исходящее из человеческого деяния, позитивного или негативного, упречного морально и политически опасного. Согласно Ансельму Фейербаху преступление в широком смысле – это оскорбле-

ние уголовного закона или деяние, противоположное праву другого, закрепленное уголовным законом.

Джованни Кармигнани лаконично определяет преступление как человеческое деяние, наказуемое законом. Эрнесто Майер выражает преступление через три признака: типичность, противоправность, уголовная ответственность.

Начав анализировать доктринальные определения преступления, имеет смысл привести законодательные определения преступления в Мексике. В Уголовном кодексе 1871 года оно определялось как добровольное нарушение уголовного закона, выражающееся в совершение того, что последний запрещает совершать либо бездействовать, если закон обязывает действовать. Уголовный кодекс 1929 года определяет преступление как нарушение права, защищаемого уголовным законом под угрозой санкции. В соответствии с Уголовным кодексом 1931 года преступлением является действие или бездействие, которое наказывается уголовным законом.

Влияние теории преступления на уголовное право, именно на уголовное законодательство всегда присутствует, но не всегда одинаково. На протяжении истории законодательные реформы вводили новые понятия и категории благодаря уголовно-правовым теориям. Начиная с истоков кодификации уголовного права, в Мексике существовала приверженность исключительно классической и неоклассической школам уголовного права. Поэтому, начиная с принятия первого УК в 1871 году и заканчивая действующим УК 1931 года, игнорировались достижения и постулаты финалистской школы уголовного права, столь популярные, например, в Испании, которая оказала огромное влияние на развитие мексиканской уголовно-правовой науки.

Теория преступления не ограничивается определением преступления с целью его дальнейшего закрепления в уголовном законодательстве. Теория преступления разрабатывает категории, которые, исследуемые последовательно одна за другой, позволяют создать систему, позволяющую определять, преступно ли деяние. Такими категориями являются человеческое поведение, типичность, противоправность, виновность, наказуемость. Рассмотренные в таком порядке, они приводят к достижению поставленной выше цели.

⁴ Zaffaroi R.E., Alagia A., Slokar A. Manual de Derecho penal. Parte General. 5ta. Buenos Aires, Argentina : EDIAR, 2006. С. 289.

В уголовно-правовой теории существует множество теорий, касающихся уголовной значимости человеческого поведения или действия, основной спор в которых ведется вокруг того, какой термин наиболее отвечает поставленной цели (определить, какой акт человеческой деятельности влечет уголовное наказание), – поведение или действие. Некоторые авторы используют оба термина и не проводят различия между ними, другие же полагают, что термин «поведение» более удачен, так как включает как действия, так и бездействие. Существует позиция, согласно которой термин «поведение» не может быть использован, так как применяется также и к животному миру, что не придает ему должной сознательности и волевой направленности. Действие же присуще только человеку, а не любому живому существу. Однако при применении термина «действие» необходимо иметь в виду две его эпостаси: позитивная (действие в буквальном смысле) и негативная – бездействие. В российской уголовно-правовой науке выход из положения был найден путем употребления термина «деяние», которое охватывает как действие, так и бездействие. В испанском и мексиканском уголовном праве (как, впрочем, и в праве большинства западных стран) действие рассматривается как негативное либо позитивное.

Итак, под действием понимается физическое движение человека, влекущее вред или постановку в опасность. Позитивное действие – это совершение физического телодвижения для причинения вреда или постановке в опасность. Негативное действие (бездействие) – это отсутствие физического позитивного действия, совершение которого требует закон, приведшее к вредному результату. Бездействие подразделяется на простое бездействие и активное (*comisión por omisión*). В первом случае речь идет о неисполнении обязанности, возложенной законом, если такое неисполнение может привести к наступлению опасных последствий. Закон не требует для привлечения к ответственности в данном случае реального наступления последствий – здесь речь идет скорее о деликте опасности. Во втором случае действие, повлекшее за собой опасные последствия, уже совершено, но виновное лицо не совершает необходимых действий для предотвращения этого результата, хотя по закону обязан их предпринять.

Согласно ст. 7 Федерального УК Мексики (далее – ФУК) преступлением признается действие или бездействие, наказываемое уголовно-правовой санкцией. В преступлениях с материальным результатом ответственность за наступление опасного результата несет и то лицо, которое не предприняло действий для избежания наступления таких последствий, хотя по закону обязано было их предпринять. В таких случаях наступившие последствия являются результатом преступного бездействия, когда лицо обязано было предпринять активные действия, возложенные на него законом или договором, или если такая обязанность вытекает из его предыдущего поведения.

В некоторых специально установленных законом случаях совершение преступного действия не влечет за собой уголовной ответственности, так как не обладает осознанностью или не выражает свободную волю лица. Такие действия совершаются либо механически, либо полностью находятся под влиянием внешних сил. К таким случаям относятся: сон или сомнамбулизм (сюда не относится так называемое «опьянение сном», то есть состояние при выходе из сна и сумеречные состояния, в которых имеет место проявление воли), внушение и гипноз, невменяемость, непреодолимая сила. Так, ст. 15 ФУК Мексики закрепляет, что исключается преступление, если действие совершается не по воле лица (в буквальном переводе с испанского – «действие осуществляется без участия воли агента»).

Следующий признак преступления – «типичность», то есть наличие в действии или бездействии преступного типа. Фактически речь идет о том, что мы в отечественной уголовно-правовой науке называем «соответствие деяния признакам состава преступления». Преступный тип представляет собой совокупность признаков конкретного уголовно-наказуемого деяния, закрепленного законом, то есть описание того или иного преступления нормой Особенной части Уголовного кодекса.

Неотъемлемым элементом каждого преступного типа согласно мексиканскому законодательству является умысел (*el dolo*) и вина (*la culpa*). Так, например, ст. 168 Федерального Уголовно-процессуального кодекса, начиная с реформы 1994 года, указывает следующее: «Государственное обвинение строится на наличии признаков преступного типа в дей-

ствиях обвиняемого и его вероятной виновности <...>. Такими признаками являются: I. Наличие преступного действия, или бездействия, или, в определенных случаях, постановка уголовно-охраняемого блага в опасность; II. Форма участия субъектов в таком действии или бездействии; III. Совершение действия или преступного бездействия умышленно или виновно». Включение умысла и вины в элементы преступного типа закреплено косвенно в ст. 8 Федерального Уголовного кодекса, устанавливающей, что преступления могут быть совершены только умышленно или виновно.

Умысел имеет место тогда, когда лицо предвидит и желает наступления вредных последствий. В классической уголовно-правовой литературе умысел понимается как *dolus malus* и включает в себе два аспекта: 1) знание и желание действия; 2) осознание его противоправности. Теория финалистов ограничила круг элементов, характеризующих умысел, и сейчас второй его признак не используется.

Согласно классической классификации (например, Фернандо Кастельянос Тена) умысел подразделяется на прямой, косвенный, внезапно возникший и неопределенный. При прямом умысле результат действия совпадает с преступными намерениями лица. Косвенный умысел предполагает, что лицо, совершая действие, предполагает, что наступят те или иные преступные последствия, но не конкретизирует их, хотя и преследует определенную цель. В этом состоит отличие от неопределенного умысла, когда лицо, совершая преступное деяние, не ставит перед собой цель достижения определенных последствий. При эвентуальном умысле лицо предвидит наступление вредных последствий и допускает их наступление. Важным отличием от косвенного умысла является то, что при эвентуальном умысле наступившие последствия безразличны лицу, так как просто не являются его целью⁵.

Селестино Порте Петит предложил свою классификацию умысла, более широкую, чем традиционная. Им выделяются 8 видов умысла в зависимости от следующих критериев:

1) по зарождению – первоначальный и последующий;

2) охвату – определенный, неопределенный;

3) направленности – прямой, эвентуальный, необходимых последствий;

4) интенсивности – общий и специальный;

5) продолжительности – *de impetus*, *de proposito*, простой;

6) содержанию – направленный на причинение вреда, на постановку в опасность, на причинение вреда, направленное на постановку в опасность, на постановку в опасность, приведшую к причинению вреда;

7) категории – основной и дополнительный;

8) реализации – реальный и возможный⁶.

Обобщая вышеназванные классификации, Рауль Пласенсия Виллануева дал трехчленную классификацию умысла: прямой умысел первой степени, прямой умысел второй степени, эвентуальный умысел.

Под виной понимается наступление предвиденного или непредвиденного лицом противоправного результата в результате небрежности, неосторожности, неопытности или ненадлежащей заботы, наступление которого лицо не желало. Если последнее предвидит наступление вредного последствия, то оно надеется, что такой результат не наступит. Если лицо не предвидит наступление вредного последствия, то это обусловлено отсутствием надлежащей осторожности и заботы.

Следующим элементом преступления является противоправность, понимаемая как нарушение норм общежития, установленных государством.

Противоправность является базой существования преступных типов и, следовательно, предпосылкой существования такого понятия, как «преступление». Выделяют формальную и материальную противоправность.

Под формальной противоправностью понимается коллизия между преступным действием и нормой законодательства. Действие противоправно, когда нарушает ту или иную норму права. Под материальной противоправностью понимается способность действия поставить в опасность или нанести вред благоу, охраняемому государством.

⁵ Tena F.C. *Lineamientos elementales de derecho penal*. Mexico : Porrúa, 2003. С. 241.

⁶ Petit P.C.C. *Programa de derecho penal. Parte General*. 3ª. Mexico : Trillas, 1990. С. 604.

Под «типичностью» следует понимать соответствие действия «модели», «преступному типу», содержащемуся в УК. «Преступный тип» является законодательным описанием действия, которое наносит вред общественным отношениям, и потому наказуемо.

Теорией преступления исследуются и теории причинной связи между совершенным деянием и наступившими вредными последствиями. Мексиканская уголовно-правовая теория выделяет следующие подходы:

1. Теория *conditio sine qua no* (Глазер фон Бури): причиной наступления преступного результата является такое условие, которое, суммируясь с другими условиями, является неотъемлемым для наступления такого последствия. Одинаково важны все условия (как внутренние, так и внешние), влияющие на наступление результата, но «необходимым» условием является то, без которого такой результат вообще бы не наступил.

2. Теория эффективной причинности (Биркмайер): необходимо определить качественно и количественно все условия для определения причины наступления вредного результата и среди них идентифицировать то, которое в наибольшей степени повлияло на наступление такого результата.

3. Теория Колера: причиной преступления является такое условие, которое обладает решающим воздействием на наступление результата.

4. Теория ближайшей причинности (Ортман): последнее из условий, привлечших к наступлению преступного результата, и есть причина преступления.

5. Теория адекватной причинности (Романоси, Фон Бар, Фон Криес): причиной преступного результата является только такое условие, которое реально и поэтапно ведет к наступлению такого результата (то есть такой результат адекватен такой причине).

6. Теория значимости (Мезгер): для определения причинной связи между деянием и наступившими последствиями следует принимать во внимание обстоятельства каждого конкретного дела и попытаться найти ответ в юридической природе наступившего результата, так как ответственным в совершении преступного деяния будет признано только то лицо, действие которого находится в юридически

значимой взаимосвязи с наступившим результатом.

7. Теория типичной причинности (Белинг): причиной преступления является наиболее типичное для наступления такого результата действие.

8. Теория ожидаемого действия (Хиппель, Мезгер): бездействие преступно только в тех случаях, когда совершение определенного действия было ожидаемо.

Статья 53 ФУК Мексики устанавливает, что не может вменяться в вину обвиняемому тяжесть последствий, которая обусловлена особыми качествами потерпевшего, если такие не принимались во внимание при совершении преступления. Статья 305 ФУК содержит положение о том, что причинение телесного повреждения не будет являться смертельным, даже если после него наступила смерть лица, если смерть наступила по причине, предшествующей нанесению телесного вреда, и на которую последнее не повлияло или в тех случаях, когда из-за последующего ненадлежащего лечения такое повреждение привело к смерти.

В заключение отметим, что правильное и единообразное применение норм уголовного права во многом определяется ясностью в отношении основного понятия отрасли – преступления. Поэтому теория преступления является «ядром» уголовно-правовой науки и представляет собой систему, требующую исследования и дальнейшей разработки, и изучение зарубежного опыта всегда является неисчерпаемым источником для развития отечественной науки. Мексика – страна со смешанной уголовно-правовой традицией, развивавшейся под влиянием как американского, так и европейского (особенно испанского) права, что делает ее особенно привлекательной для исследования. Теория преступления в Мексике является очень проработанной, многоэлементной и сложной. Охватывает изучение человеческих действий, их разновидности и уголовно-правовую релевантность, последствия и причинные связи между действием и последствиями, психологическое отношение лица к совершаемым действиям (виновность), последствия совершения преступного деяния (в виде наказания или мер безопасности) и т.п. Каждый из элементов, изучаемых теорией о преступлении в Мексике, имеет не только законодательное закрепление,

но и доктринальную разработку. Мексиканские ученые, занимающиеся этой темой, имеют мировое признание, и их труды являются учебными пособиями на Европейском континенте, что говорит об универсальности их до-

стижений. В России же мексиканское уголовное право остается неизученным. Считаем, что при более глубоком исследовании элементов теории преступления в Мексике можно привнести многое в отечественную науку.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

ПУЛИК Алексей Владимирович

Аннотация. В статье дается общая характеристика судебной системы Республики Польша, а также подчеркиваются основные функциональные и структурные особенности каждого рода судебных инстанций всех уровней, с учетом их значения для поддержания основ правопорядка в государстве.

Annotation. The article provides a general characteristic of the judicial system of the Republic of Poland, and also highlights the main functional and structural features of each kind of courts at all levels, considering their importance in maintaining the basis of law and order in the state.

Ключевые слова: Польша, судебная власть, судебная система, суды общей юрисдикции, военные суды, административные суды, Верховный Суд, Государственный Трибунал, Конституционный Трибунал.

Key words: Poland, the judicial power, the judicial system, the general jurisdiction courts, military courts, administrative courts, the Supreme Court, the State Tribunal, the Constitutional Tribunal.

Сложившаяся в период резких политико-социальных преобразований в Российской Федерации система органов судебной власти в последнее время стала претерпевать значительные многоплановые изменения, которые носят далеко не исключительно технический характер, но направленные на структурные преобразования, целью которых является устранение существующих юридических противоречий, что должно привести к повышению эффективности разрешения возникающих споров. Среди данных преобразований следует указать на ряд характерных тенденций, включающих формальные изменения, хотя и концептуального характера, как разграничение судебной власти и прокуратуры¹, объединение Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда в единую высшую судебную инстанцию², разработка проекта объединенного гражданского процессуального ко-

декса³ или создание судов по интеллектуальным правам⁴.

Данные трансформации значительно влияют не только на практическую составляющую деятельности судебной власти, но и являются предметом анализа теоретических юридических наук, результатом исследования которых является выработка новой парадигмы научной мысли в вопросах организации системы судостроительства как составной части структуры правоохранительных органов. Поскольку для более полного изучения эффективности функционирования любых органов правопорядка необходимо обращаться как к историческим, так и сравнительно-правовым аспектам⁵, анализ органов судебной системы иностранного государства представляется достаточно акту-

³ Михайлова А. Депутаты инициируют создание нового Гражданского процессуального кодекса. РБК. 02.06.2014. URL: <http://top.rbc.ru/politics/02/06/2014/927783.shtml> (дата обращения: 18.11.2014).

⁴ Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Российская газета. 2011. № 278. 9 дек.

⁵ Правоохранительные органы : учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С.Л. Лось. Томск : Изд-во НТЛ, 2010. С. 14.

¹ Часть 5 ст. 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 27. 7 февр.

² Часть 6 ст. 1 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 27. 7 февр.

альным. С учетом целесообразности определения в качестве объекта для сравнения такого зарубежного правопорядка, который близок отечественному по максимальному количеству критериев, выбор в пользу Польской Республики, которая на протяжении более двух веков либо связана с нашей страной, либо претерпела подобные социальные преобразования, имевшие место у нас, является более чем оправданным.

Одновременно следует обратить внимание на концептуальные различия, среди которых необходимо выделить унитарный характер государства (выбор которого является следствием мононациональности и сравнительно небольшой территории), децентрализованный механизм государственного устройства, которое опирается на восходящую систему местного самоуправления (где нижний уровень обладает наибольшими компетенциями и не зависит от вышестоящих)⁶, а также значительное влияние немецкого и французского права, в особенности в сфере административного управления. Однако даже с учетом данных различий пример польского законодательства представляется достаточно эффективным, а следовательно, интересным для изучения.

Говоря об органах судебной власти, первоначально необходимо установить, какие именно объекты должны быть рассмотрены в рамках данного вопроса. Основываясь на широкой классификации, принятой среди ученых, исследующих правоохранительные органы, где в качестве критерия используются функции охраны и поддержания правопорядка, система государственных органов представлена всеми ветвями власти, так как, во-первых, в процессе своей деятельности правоохранительные органы, используя властные полномочия, имеют право применять государственное принуждение, а во-вторых, законные и обоснованные решения правоохранительных органов подлежат обязательному исполнению; одновременно их неисполнение влечет дополнительную юридическую ответственность⁷. В то

же время некоторые ученые, например профессор К.Ф. Гуценко, среди системы правоохранительных органов выделяет следующие категории: суды; органы, осуществляющие организационное обеспечение деятельности судов; прокуратуру; некоторые из органов, призванных выявлять и расследовать преступления; адвокатуру и другие организации, оказывающие юридическую помощь⁸. Следуя данному подходу, лишь те органы, которые, по мнению исследователя, входят в понятие «суды», являлись бы объектом рассмотрения, что не до конца представляется правильным применительно ко всем органам, которые вследствие применения концепции публичной администрации относятся не исключительно к органам исполнительной власти, а к более широкому кругу субъектов, занимающихся административными функциями в общественных интересах⁹.

Польские исследователи придерживаются несколько иной классификации, где выделяются юрисдикционные органы (куда относятся судебные, квазисудебные и внесудебные органы¹⁰), примирительные органы, органы контроля и соблюдения правопорядка, а также органы, оказывающие правовую помощь¹¹. К судебным органам авторы причисляют суды (общей юрисдикции, специализированные и Верховный Суд), а также трибуналы, к которым причисляют Государственный Трибунал (Trybunał Stanu), Конституционный Трибунал

⁸ Правоохранительные органы : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. К.Ф. Гуценко. М. : ЗЕРЦАЛО, 2007. С. 14.

⁹ Административное право зарубежных стран : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.Я. Кикоть [и др.] ; под ред. В.Я. Кикотя, Г.А. Василевича, Н.В. Румянцев. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. С. 19.

¹⁰ Квазисудебные органы включают в себя морские палаты (самостоятельная система административных органов по разрешению ряда происшествий, связанных с морскими судами), международный коммерческий арбитраж, третейские суды, общественный арбитраж, самоуправляемые коллегии обжалования, патентное учреждение Польской Республики и комиссию авторского права. Под внесудебными органами польские исследователи понимают органы контроля и соблюдения правопорядка, обладающие правом выносить некоторые решения, средни судебных, например, полиция, пограничная служба, деятельность которых, однако, не «заточена» под выполнение исключительно таких функций. См.: Demendecki T. Ustrój organów ochrony prawnej: Wybór źródeł. Akty normatywne. Warszawa : Orzecznictwo, 2010. S. 18.

¹¹ Bodio J., Borkowski G., Demendecki T. Ustrój organów ochrony prawnej. Część szczegółowa. Wyd. 3. Warszawa, 2011. S. 21 ; Cyt. za Włodyka S. Ustrój organów ochrony prawnej. Wyd. IV. Warszawa, 1975. S. 24–25.

⁶ Муниципальное право зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) : учеб. пособие для вузов / под ред. В.В. Еремьяна. М. : Академический Проект : Мир, 2006. С. 219–220.

⁷ Савюк Л.К. Правоохранительные органы : учеб. М. : Юристъ, 2004. С. 26.

(Trybunał Konstytucyjny), и международные органы юстиции¹².

Характеризуя польскую судебную систему, следует помнить, что она формировалась в соответствии с признанными современными тенденциями демократии, гласности и уважения к правам личности, что нашло соответствующее отражение в Конституции Польши¹³ и основополагающих законах. Так, ст. 173 Конституции РП гласит, что суды и трибуналы являются самостоятельной ветвью власти, наравне с законодательной и исполнительной (ч. 1 ст. 10 КРП). Часть 1 ст. 175 КРП указывает, что судебная система состоит из Верховного Суда (Sąd Najwyższy), судов общей юрисдикции, административных судов и военных судов (доктринально последние две категории судебных учреждений объединены в группу специализированных судов). Данный перечень следует считать исчерпывающим, так как ч. 2 данной статьи прямо предусматривает возможность создания иных видов судов исключительно на период войны.

Принципы польского судоустройства, в своем подавляющем большинстве, близки российским, в связи с тем, что обе судебные системы восприняли основные положения, закрепленные в международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Европейская конвенция прав человека 1950 года или Международный пакт гражданских и политических прав 1966 года¹⁴. Так, в ст. 45 КРП указывается, что справедливое и явное судебное разбирательство гарантируется всем, суды обязаны рассматривать дела без необоснованного промедления, а в своей деятельности суд должен ориентироваться на принципы подведомственности (соответствующий суд обязан рассматривать дела непосредственно отнесенные лишь к его компетенции с учетом территориального и субъектного параметров), независимости (от иных ветвей власти), беспристрастности, а также принятия решений по собственному усмотрению.

Судебное производство должно быть не менее чем двуинстанционным (ч. 1 ст. 176 КРП), а введение упрощенного порядка судопроизводства в уголовном процессе запрещено в период мира (ч. 2 ст. 175 КРП).

Конституция в ст. 177 закрепляет приоритет судов общей юрисдикции, указывая, что рассмотрение дел в иных судах основывается исключительно на прямом отнесении отдельных категорий дел к юрисдикции остальных судов.

Механизм системной организации судов общей юрисдикции закреплён в законе об устройстве судов общей юрисдикции 2001 года¹⁵, в ст. 1 которого к таковым отнесены районные суды (sądy rejonowe), окружные суды (sądy okręgowe) и апелляционные суды (sądy apelacyjne). Они призваны рассматривать гражданские, экономические, уголовные дела, а также дела, возникающие из трудовых правоотношений и отношений социального страхования. Из их подведомственности исключены дела, которые рассматриваются административными, военными судами и Верховным Судом. Нижнее звено судебной системы – районные суды создаются по территориально-демографическому признаку, в среднем из расчета районный суд на гмину¹⁶, хотя соответственно, в обоснованных случаях, один районный суд может курировать несколько гмин либо на территории одной густонаселенной гмины может быть создано более одного районного суда. Окружные суды создаются из расчета минимум двух судебных районов, а апелляционные – минимум двух судебных округов (ст. 10 Закона о судоустройстве).

В районных судах, для разрешения соответствующих категорий дел, создаются следующие отделения: гражданское, уголовное, по трудовым делам, по семейным делам и делам с участием несовершеннолетних, по делам, связанным с поземельными книгами, а также могут быть созданы дополнительные отделения по экономическим делам, по делам из отношений социального страхования, а также существует одно отделение в районном суде

¹² Исторически называемые в Польше в своем большинстве трибуналами, в том числе Европейский суд по правам человека, Международный суд ООН, Трибунал первой инстанции ЕС, Европейский суд, Международный уголовный суд, а также Суд по вопросам публичной службы ЕС.

¹³ Dz.U. 1997 nr 78 poz. 483 Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 г. (далее по тексту – КРП).

¹⁴ Bodio J., Borkowski G., Demendecki T. Указ. соч. С. 24.

¹⁵ Dz.U. 2001 Nr 98 poz. 1070 Ustawa z dnia 27 lipca 2001 г. Prawo o ustroju sądów powszechnych (далее по тексту – Закон о судоустройстве).

¹⁶ Гмина (пол. gmina) – нижняя единица местного самоуправления и административно-территориального деления, охватывающая территорию небольшого города и близлежащих поселений вокруг него.

города Люблин, где рассматриваются в электронном режиме дела о вынесении «условно-го» судебного приказа¹⁷. Внутренняя структура окружных судов в целом повторяет структуру районных судов, так в них создаются отделения по гражданским, уголовным, трудовым, экономическим спорам, а также отделение пенитенциарного надзора. Кроме того, в окружном суде Варшавы существуют дополнительные структурные единицы, действующие на правах отделения, рассматривающие дела антитимонопольного характера, вопросы энергетики, телекоммуникации и железнодорожного транспорта; единица, которой переданы особые категории дел, предусмотренные отдельными законодательными актами, а также единица по рассмотрению споров, касающихся европейских товарных знаков и европейских промышленных образцов. В апелляционных судах существует наименьшее количество отделений (гражданское, уголовное и трудовое), что связано с относительно небольшим количеством дел, которые могут быть рассмотрены в качестве первой или второй инстанции в судах данного уровня.

Среди органов суда, в соответствии со ст. 21–25 Закона о судостроительстве, следует назвать в районных судах – председателя суда, в окружных судах – председателя и коллегия окружного суда, в апелляционных – председателя и коллегия апелляционного суда. Кроме того, в судах существует должность административного управляющего, называемого директором, основной функцией которого является решение финансовых вопросов деятельности суда. В районном суде данная должность создается при условии наличия в суде минимум десяти судей, в противном же случае данную функцию исполняет директор вышестоящего окружного суда. Финансовые управляющие и председатели судов назначаются министром юстиции, а также подлежат административному контролю с его стороны, притом, что председатель суда является формальным руководителем по отношению к директору. Председатели судов в вопросах судебного администри-

рования подлежат дополнительно контролю со стороны председателей вышестоящего суда.

Подсудность судов общей юрисдикции определена соответственно в гражданско-процессуальном¹⁸, уголовно-процессуальном¹⁹ кодексах и процессуальном кодексе о правонарушениях²⁰. Так, ст. 16 ГПК Польши устанавливает, что все гражданские дела, прямо не отнесенные законодательством к ведению окружных судов, рассматриваются по первой инстанции районными судами. Уголовно-процессуальный кодекс Польши в ч. 1 ст. 24 содержит точно такую же конструкцию, а процессуальный кодекс о правонарушениях в ст. 9 и 10 обуславливает рассмотрение дел по первой инстанции районным судом лишь субъектным составом, то есть в случае, если правонарушение совершено военнослужащим, такие дела рассматриваются военными судами.

Список гражданских дел, рассмотрение которых по первой инстанции отнесено к компетенциям окружного суда, перечислен в ст. 17 ГПК Польши. К ним отнесены категории дел нематериального характера, связанные с имущественными претензиями (кроме категорий дел, связанных с родительскими правами); дела из авторских правоотношений и смежных с ними по вопросам изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков, географических обозначений и типологии интегральных микросхем, а также об охране иных прав в отношении нематериальных активов; иски, связанные с взаимоотношениями в области прессы; имущественные претензии с ценой иска более 75 тыс. польских злотых (за исключением дел из семейных правоотношений, учета недвижимости и приказного электронного производства); дела, связанные с разделом кооператива; дела о признании нарушений в документах юридических лиц; дела антитимонопольного характера, а также дела о компенсации в результате вынесения судебного решения, противоречащего нормам права. Уголовные дела, которые призван рассматривать по первой инстанции окружной суд, перечислены в ст. 25 УПК Польши, к ним

¹⁷ Польская система гражданского судопроизводства различает два вида судебных приказов – безусловного характера (*postępowanie nakazowe*), где суд выполняет лишь формальные действия по вынесению документа, а также условные – зависящие от интерпретации судом предоставленных истцом документов (*postępowanie upominawcze*).

¹⁸ Dz.U. 1964 Nr 43 poz. 296 Ustawa z dnia 17 listopada 1964 r. Kodeks postępowania cywilnego.

¹⁹ Dz.U. 1997 nr 89 poz. 555 Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks postępowania karnego.

²⁰ Dz.U. 2001 Nr 106 poz. 1148 Ustawa z dnia 24 sierpnia 2001 r. Kodeks postępowania w sprawach o wykroczenia.

отнесены все дела, связанные с совершением преступлений²¹, дела о некоторых деликтах, прямо названных в п. 2 ч. 1 данной статьи (например, указанное в ст. 140 УК Польши²² нападение на военный объект), а также деликты, которые отнесены иными законодательными актами к компетенциям окружных судов. При этом, по заявлению районного суда, апелляционный суд может, в случае чрезмерной запутанности, передать на рассмотрение по первой инстанции любое дело о преступлении или деликте в окружной суд.

Специализированные суды, к которым отнесены административные и военные, имеют уже двухступенчатую систему устройства. Административные суды, в соответствии со ст. 184 КРП, призваны контролировать действия публичной администрации посредством оценки соответствия актов локального права, индивидуальных решений и постановлений требованиям закона. Закон об устройстве административных судов 2002 года²³ в ст. 2 причисляет к данным судам воевудские²⁴ административные суды (*wojewódzki sąd administracyjny*), рассматривающие дела по первой инстанции, и Высший Административный Суд (*Naczelny Sąd Administracyjny*), который является кассационной инстанцией и одновременно органом, контролирующим систему административных судов посредством обобщения судебной практики, и дает легальные комментарии по спорным вопросам применения законодательства. Решения Высшего Административного Суда являются окончательными и не могут быть обжалованы.

²¹ Польское уголовное законодательство приняло французскую модель регулирования, подразумевающую, что любое нарушение публичного права носит уголовный характер, а запрещенные законом действия разделены на преступления (*pol. zbrodnia*), которые караются наказанием в виде лишения свободы сроком от 3-х лет, деликты (*пол. występki*) и правонарушения (*пол. wykroczenie*), которые караются арестом, ограничением свободы, штрафом в размере до 5 тыс. польских злотых или порицанием.

²² Dz.U. 1997 nr 88 poz. 553 Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks karny.

²³ Dz.U. 2002 nr 153 poz. 1269 Ustawa z dnia 25 lipca 2002 r. Prawo o ustroju sądów administracyjnych.

²⁴ Воевудство (*пол. województwo*) — одновременно и верхняя единица местного самоуправления и административно-территориального деления, а также нижний уровень административного деления исполнительной власти, то есть на данном уровне наравне с самоуправлением действуют представительства центральной власти.

Органами административных судов являются общее собрание судей суда, председатель суда и коллегия судей. Структурно в административных судах создаются палаты, количество и задачи которых устанавливаются председателем каждого отдельного суда. Высший Административный Суд в своей структуре имеет три палаты: экономических, финансовых и общеадминистративных дел.

Внесение иска в административный суд, в соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона о процессуальных действиях перед административными судами 2002 года²⁵, возможно лишь после «преодоления» всех этапов административного обжалования спорного решения. Это означает, что формально двухуровневому судебно-административному процессу может предшествовать несколько этапов административного обжалования, что делает возможность установления истины более вероятным, без необходимости создания чрезмерного количества государственных органов.

Военные суды также являются специализированными в связи с фактом наличия специфического субъектного состава. Закон об устройстве военных судов 1997 года²⁶ в ч. 1 ст. 3 причисляет к их числу гарнизонные военные суды (*garnizonowy sąd wojskowy*) и окружные военные суды (*okręgowy sąd wojskowy*). К их задачам отнесено рассмотрение уголовных дел в отношении военнослужащих, с учетом ст. 647 и 648 Польского УПК. Статья 653 польского УПК указывает, что в качестве первой инстанции выступает гарнизонный военный суд, за исключением случаев, когда законом прямо предусмотрено рассмотрение определенных категорий дел в окружном военном суде по первой инстанции. Статья 654 польского УПК к таким случаям относит дела в отношении военнослужащих, состоящих в звании майора и выше, военнослужащих, дезертирующих из части за границу (ч. 3 ст. 339 польского УК), военнослужащих, которые нападают на начальство с применением оружия независимо от нанесения ущерба здоровью любой тяжести (ч. 3 и 4 ст. 345 польского УК), а также некоторых иных случаях. Орга-

²⁵ Dz.U. 2002 Nr 153 poz. 1270 Ustawa z dnia 30 sierpnia 2002 r. Prawo o postępowaniu przed sądami administracyjnymi.

²⁶ Dz.U. 1997 Nr 117 poz. 753 Ustawa z dnia 21 sierpnia 1997 r. Prawo o ustroju sądów wojskowych.

нами военных судов являются председатель, а окружных военных судов – также коллегия окружного военного суда. Особенностью военных судов является фактическая тройная подведомственность, так как в вопросах законодательства и судебной практики они связаны решениями Верховного Суда (как и суды общей юрисдикции), в вопросах административного управления – военные суды подотчетны министру юстиции, а по вопросам фактического прохождения военной службы – министру обороны.

Верховный Суд, действующий на основании Конституции и Закона о Верховном Суде 2002 года²⁷, является одновременно и практикообразующим органом судебной системы (по отношению к судам общей юрисдикции и военным судам), кассационной инстанцией для данных ответвлений судебной системы, а также контролирующим органом, призванным решать некоторые политические вопросы²⁸, не являясь, однако, частью системы судов общей юрисдикции²⁹. В соответствии со ст. 3 Закона о Верховном Суде, в его состав входят четыре палаты: по гражданским делам, по уголовным делам, по делам из трудовых правоотношений, социального страхования и публичным делам, а также военная палата. Организационная структура Верховного Суда повторяет систему органов в судах общей юрисдикции, что означает, что она включает в себя общее собрание судей Верховного Суда, являющееся органом самоуправления, Первого председателя Верховного Суда, а также председателей, являющихся руководителями соответствующих палат, а также коллегия Верховного Суда.

Государственный Трибунал – это независимый судебный орган, цель которого – принятие решения о привлечении к конституционной ответственности высших должностных лиц государства за совершение так называемо-

го конституционного деликта, который может не являться, по сути, преступлением и за совершение которого может не быть предусмотрена уголовная ответственность. Основа его деятельности, кроме Конституции Польши, – Закон о Государственном Трибунале 1982 года³⁰, где в ст. 1 перечисляется круг субъектов, которые могут предстать перед данным Трибуналом, среди них названы: Президент РП, Председатель Совета Министров и члены Совета Министров, Председатель Народного Банка Польши, Председатель Верховной контрольной палаты, члены Государственного Совета радиофонии и телевидения, лица, которым Председатель Совета Министров поручил руководство министерством, а также Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами. Кроме того, в пределах, предусмотренных ст. 107 КРП, к ответственности перед Трибуналом могут быть привлечены члены палат польского парламента – послы и сенаторы. Государственный Трибунал является единственным органом, который может рассматривать вопрос виновности президента за совершение уголовного правонарушения, в отношении же иных, перечисленных в ст. 1 Закона о Государственном Трибунале, лиц, – в случае, если данные преступления связаны с нарушением основополагающих принципов Конституции. Органами Государственного Трибунала являются Председатель (функцию которого исполняет Первый председатель Верховного Суда), двое заместителей Председателя, а также шестнадцать членов Трибунала, избираемых Сеймом (нижней палатой польского парламента) среди лиц, не являющихся послами и сенаторами, а также лиц, занимающих публичные должности.

Государственный Трибунал выполняет одновременно и роль суда первой инстанции, и апелляционной. В качестве первой инстанции Трибунал собирается в составе Председателя и четырех членов, а в качестве апелляционной – Председателя и шести членов, за исключением тех судей, которые участвовали в рассмотрении дела в первый раз. В случае необходимости принять решение по вопросу

²⁷ Dz.U. 2002 Nr 240 poz. 2052 Ustawa z dnia 23 listopada 2002 r. o Sądzie Najwyższym.

²⁸ Отнесенные в отечественной научной литературе вопросы контроля легитимности выборов, как, по сути, действий судебно-процессуального характера, польские исследователи выделяют в некую категорию внеинституционального надзора Верховного Суда. См.: Bodio J., Borkowski G., Demendecki T. Указ. соч. S. 92–93.

²⁹ Winczorek P. Prawo Konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej. Wyd. 1. Warszawa, 2003. S. 272.

³⁰ Dz.U. 1982 nr 11 poz. 84 Ustawa z dnia 26 marca 1982 r. o Trybunale Stanu (далее по тексту – Закон о ГС).

толкования права, Трибунал собирается в составе Председателя и двух членов.

Согласно историческим данным Государственный Трибунал с момента своего появления в 1982 году собирался для рассмотрения дел трижды, а с момента прекращения существования Польской Народной Республики – дважды. Несмотря на это, процедура инициации разбирательства в Государственном Трибунале заслуживает очень внимательного изучения. Так, согласно ст. 4 Закона о ГС привлечение президента к ответственности может осуществляться исключительно Национальной Ассамблеей (под которой наука польского конституционного права подразумевает общее собрание членов обеих палат парламента для определенных Конституцией целей), сто сорок членов которой имеют право обратиться к председателю Сейма с подобной инициативой. Национальная Ассамблея вправе признать законным обвинение в отношении президента в порядке принятия решения $\frac{2}{3}$ от общего количества членов. В случае, если данная ситуация будет иметь место, президент временно отстраняется от своей должности, в противном случае, если нет кворума, председательствующий Национальной Ассамблеи снимает вопрос с повестки собрания. Решения о привлечении иных лиц, способных отвечать по конституционным деликтам, принимаются Сеймом, куда посредством его Председателя такое предложение может внести Президент Польши, группа из минимум ста пятнадцати членов Сейма, а также специальный следственный комитет, созданный на основании ст. 111 КРП (в последнем случае данная процедура не применяется по отношению к Председателю Совета Министров и членам правительства). Привлечение к ответственности посла Сейма может наступить посредством внесения председателю нижней палаты соответствующего документа в Комиссию конституционной ответственности, которая в свою очередь начинает процедуру рассмотрения. Привлечение к ответственности Председателя Народного Банка, Председателя Верховной контрольной палаты, членов Государственного Совета радиодифонии и телевидения, лиц, которым Председатель Совета Министров поручил руководство министерством, а также Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами наступает вследствие принятия решения относительно

ным большинством от общего количества присутствующих членов Сейма, при обязательном присутствии минимум половины от общего их количества. Привлечение же к конституционной ответственности Председателя Совета Министров или членов правительства наступает с согласия квалифицированного большинства в $\frac{3}{5}$ членов Сейма.

Последним из судебных органов по Конституции – Конституционный Трибунал, функционирование которого опирается непосредственно на нормы, содержащиеся в Основном Законе Польши (ст. 173, 174 и 188–197 КРП) и Законе о Конституционном Трибунале³¹. Целью данного судебного органа является проверка соответствия некоторых категорий нормативных актов (в основном носящих законодательный характер) на соответствие Конституции Польши, а также для исполнения некоторых дополнительных функций, указанных в ст. 1 Закона о КТ. Так, Трибунал компетент рассматривать дела о соответствии законов и международных договоров Конституции РП, о проверке соответствия законов ратифицированным договорам, дела о соответствии нормативных актов, издаваемых центральными органами власти, нормам Конституции, ратифицированных международных договоров и законов, рассмотрение конституционных жалоб, разрешение дел о подведомственности между центральными конституционными органами государства, а также на соответствие нормам Конституции целей или действий политических партий. При этом решения, принимаемые Конституционным Трибуналом, носят окончательный характер и не подлежат обжалованию.

Трибунал состоит из пятнадцати судей, избранных Сеймом сроком на 9 лет, которые составляют общее собрание судей КТ. Среди последних избирается один и, с назначения Президента РП выполняет функцию Председателя Конституционного Совета.

Подводя итоги краткой характеристики органов судебной власти Польши, трудно не заметить достаточно большую степень схожести с отечественной судебной системой. Одно-

³¹ Dz.U. 1997 nr 102 poz. 643 Ustawa z dnia 1 sierpnia 1997 r. o Trybunale Konstytucyjnym (далее по тексту – Закон о КТ).

временно невозможно не затронуть вопрос концептуальных различий, являющихся следствием современных тенденций внедрения норм, способствующих укреплению ценностей демократического государства, в том числе посредством использования отдельных апробированных в иных правопорядках правовых институтов (например, органов административной юстиции). Кроме того, имплементация

в национальную правовую систему постановлений международных соглашений, де-факто носящих гармонизирующий характер, нормы которых призваны поддерживать оптимальный баланс между публичной властью и отдельной личностью, вероятно, в наибольшей степени отражает уровень развития государства, характеризуя степень его уважения к правам человека и гражданина.

НУЖНА ЛИ ВТОРАЯ ВОЛНА ПРИВАТИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ?

РУМЯНЦЕВ Федор Полиектович
НАЦВАЛОВА Марина Юрьевна

***Аннотация.** Раскрывается содержание понятия «приватизация земель сельскохозяйственного назначения». Обосновываются подходы федерального и регионального законодателей к процессу предоставления землепользователям и землевладельцам в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Вносятся предложения по изменению и дополнению действующих положений Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».*

***Annotation.** The content of the notion of privatization of agricultural land. Substantiated approaches the federal and regional legislators in the process of granting land users and land owners in the ownership of land owned by the state and municipal property. Makes proposals on amending and supplementing the existing provisions of the Federal Law "On the turnover of agricultural land".*

***Ключевые слова:** приватизация, земли сельскохозяйственного назначения, возмездные и безвозмездные условия предоставления, субъекты, надлежащее использование земельных участков.*

***Key words:** privatization, Agricultural land, Compensatory and conditions for granting gratuitous, Subjects, Proper use of land.*

Приватизация земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения является одним из элементов и составной частью рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения. В основном такая приватизация была проведена в 1990-е годы в период проведения земельной реформы.

Статьей 8 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25 октября 2001 года № 137¹ в период с момента вступления данного закона в силу и до введения в действие Федерального закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения приватизация земельных участков сельскохозяйственного назначения не допускалась. Таким образом, видимо, предполагалось, что названный Федеральный закон установит порядок приватизации таких земельных участков. Однако в соответствии с п. 4 ст. 1 Закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»² (далее – Закон об обороте) приватизация земельных

участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, осуществляется с момента, установленного законом субъекта Российской Федерации. Таким образом, с федерального уровня решение этого вопроса было передано на уровень субъекта РФ.

А.А. Ялбулганов предлагает под приватизацией земель сельскохозяйственного назначения понимать «предоставление гражданам и юридическим лицам земельных участков в собственность за плату или бесплатно из фонда земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для целей, определенных в законодательстве Российской Федерации»³.

На наш взгляд, приватизация – это *не любое отчуждение* (продажа, передача на безвозмездной основе) государственного имущества в частную собственность, а отчуждение, осуществляемое *в особом порядке по специальному законодательству*, что прямо предусмотрено ст. 217 ГК РФ. В этом законодатель-

¹ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137 «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.

² Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

³ Ялбулганов А.А. Правовое регулирование приватизации земельных участков // Реформы и право. 2012. № 2.

стве обычно определяется, какое именно имущество подлежит приватизации, кто и на каких условиях может участвовать в приватизации и т.п. Поэтому продажа отдельного земельного участка арендатору или выставление участка на торги представляют собой обычные гражданско-правовые сделки и приватизацией не являются.

Однако, если обратиться к норме п. 4 ст. 1 Закона об обороте земель, то *ответ на поставленный вопрос будет прямо противоположным*, поскольку в ней говорится, что приватизация земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, Земельным кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами. Но и Закон об обороте, ни тем более Земельный кодекс не являются специальными актами о приватизации, не содержат специальных правил приватизации тех или иных земель, а говорят об общем порядке предоставления (продажи) земельных участков в собственность. Иначе говоря, в п. 4 ст. 1 термин «приватизация» употребляется в широком смысле (под нее подпадает любой переход государственных или муниципальных земельных участков в частную собственность граждан и юридических лиц). С этой точки зрения получается, что, коль скоро в отдельных регионах «приватизация» отсрочена, то и никакого отчуждения публичных земель в частную собственность (в том числе и в случае «переоформления» ограниченных вещных прав на право собственности) быть не может. Подчеркнем еще раз, это существенно нарушает принцип равенства граждан перед законом независимо от места жительства (ст. 19 Конституции РФ).

Если в редакции Закона об обороте, действовавшей до 18 июля 2005 года, выкуп предоставленного в аренду земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения осуществлялся по его рыночной стоимости, то после внесения изменений Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ в п. 4 ст. 10 Закона об обороте выкуп может производиться как по рыночной стоимости, сложившейся в данной местности, так и по цене, установленной законом субъекта РФ.

В.Э. Чуркин, комментируя данное положение Закона, отмечает, что у субъектов РФ

появился выбор: устанавливать или не устанавливать своими законами выкупную цену, либо вообще отказаться от приватизации предоставленного в аренду земельного участка, дифференцировать цену в зависимости от вида сельскохозяйственных угодий; установить цену ниже или выше кадастровой стоимости⁴.

Новая редакция п. 7 ст. 10 Закона об обороте установила в качестве общего правила возмездный характер приобретения в собственность фермерами (равно как и сельскохозяйственными организациями) земельных участков, которые находятся у них на праве постоянного (бессрочного) пользования или (у фермеров) на праве пожизненного наследуемого владения. При этом цену, по которой продается земельный участок в этом случае, должны установить субъекты РФ своим законом, однако федеральный законодатель предусмотрел, что эта цена не должна превышать 15 % кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий.

Вместе с тем ст. 10 Закона об обороте позволяет субъектам РФ своими законами устанавливать случаи бесплатного предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения. Ряд субъектов Российской Федерации воспользовались данным правом и приняли законы, разрешающие бесплатную передачу гражданам земель, предоставленных им ранее на праве постоянного (бессрочного) пользования.

Кроме того, нельзя согласиться с тем, что именно субъекты РФ должны устанавливать перечни категорий граждан, имеющих право на бесплатное получение земельной доли из числа сельскохозяйственных угодий, предоставленных сельскохозяйственным организациям на праве постоянного (бессрочного) пользования. Данное положение создает возможность для злоупотреблений на местах, порождает противоречивую правоприменительную практику и не отвечает принципу равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 ч. 1 и 2 Конституции РФ). Федеральный законодатель обоснованно отдал решение вопроса, про-

⁴ Мазуров А.В., Нахратов В.В., Чуркин В.Э. Комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». М.: Частное право, 2009 // СПС «КонсультантПлюс». Комментарии законодательства (авт. коммент. к ст. 10 – В.Э. Чуркин).

водить или не проводить «вторую приватизацию» субъектам РФ (ведь для некоторых субъектов данная проблема вообще не актуальна, так как раздел всех сельскохозяйственных угодий на паи произошел еще в 1990-е годы). Однако субъектный состав лиц, имеющих право на получение земельных долей в ходе приватизации сельскохозяйственных угодий (если субъект примет такой закон), должен был быть установлен нормативным правовым актом федерального уровня (это можно сделать либо в самом Федеральном законе об обороте земель, либо в специальном постановлении Правительства РФ). При этом следует руководствоваться теми же подходами, которые применялись в нормативных актах, регулирующих указанные вопросы при приватизации сельхозугодий в период аграрной реформы.

А лучшим вариантом устранения названных противоречий между законами и их недостатками было бы *исключение из п. 4 ст. 10 Федерального закона об обороте нормы абз. 3 и 4 о возможности передачи земель сельскохозяйственной организации гражданам на праве общей собственности*. Известно, какие сложности возникают на практике при реализации общей собственности на сельхозугодья. Законодатель в течение 20 лет с начала аграрной реформы стремится к тому, чтобы упорядочить

эти отношения, зачем же воспроизводить данные проблемы вновь там, где их сейчас нет. Пусть лучше собственником этих земель станет сельскохозяйственная организация. Да и в том случае, если она выберет аренду⁵, проще, если арендодателем будет выступать публичное образование (Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование), а не сотни сособственников земельных долей.

Конечно, можно говорить, что в этом случае будут нарушены права работников тех сельскохозяйственных организаций, в которых приватизация сельскохозяйственных угодий в начале 1990-х годов не проводилась. Однако и по действующему законодательству субъектам РФ предоставлено *лишь право принять соответствующий Закон, но не обязанность*, то есть *возможность нарушения потенциального права граждан на приватизацию сельхозугодий в общую собственность уже заложена в Законе об обороте* (в случае, если такой закон не будет принят в субъекте РФ). Таким образом, федеральный законодатель просто переложил свою ответственность в данной сфере на субъекты РФ. Было бы более честно и правильно с точки зрения целесообразности решить рассматриваемую проблему именно на федеральном уровне единообразно для всей страны.

⁵ Румянцев Ф.П., Нацвалова М.Ю. Новый закон ослабил правовую защищенность предпринимателей-землепользователей // Предпринимательское право. 2013. № 2. С. 31.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

КИСЛИЦЫНА Наталия Феликсовна

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современных средств, способов, используемых при исследовании вопросов защиты прав человека в сфере международного бизнеса, изучаемых в рамках одноименного курса магистерской программы «Международная защита прав человека». В статье обосновывается необходимость использования подходов отечественной науки теории права в области методологии с целью обнаружения корректного перечня методов исследования проблем, связанных с защитой прав человека в сфере международного бизнеса.

Annotation. The article touches upon questions concerning analyze methods that are used in the field of international business and human rights. This course is taught within the magistrate program "International human rights protection". More over the article explains the necessity of national science approaches of law theory with respect to methods of knowledge. The main purpose is to find the most correct ways of knowledge classification for the protection of human rights in international business.

Ключевые слова: методология, международный бизнес, права человека, ООН, теория права.
Key words: methodology, international business, human rights, the UN, theory of law.

С 2009 года по настоящее время благополучно осуществляется реализация магистерской программы по правам человека, координация которой осуществляется Управлением Верховного комиссара по правам человека (далее – УВКПЧ). Одним из первых вузов, принявших участие в данной программе, является Российский университет дружбы народов (РУДН). На базе юридического факультета РУДН создан Межвузовский ресурсный центр по правам человека, в котором регулярно проводятся круглые столы, семинары, практические занятия, рабочие встречи координаторов программы с участием представителей УВКПЧ. Среди преподаваемых дисциплин, в рамках данной программы, кафедрой международного права РУДН представлена и дисциплина «Международный бизнес и права человека».

На сегодняшний день тематика, связанная с защитой прав человека в сфере международного бизнеса на повестке дня Организации Объединенных Наций (ООН), Совета Европы, Европейского союза. Для обычного человека, даже обладающего юридическими знаниями, не достаточно существующей информации о правах человека в сфере международного бизнеса. В связи с этим как за рубежом, так и территории Российской Федерации проводятся круглые столы, конференции, читаются курсы лекций на указанную тему. Для нас наибольший интерес представляют разрабо-

танные курсы лекций и семинаров по данной теме. Возникает вопрос следующего характера: какие методы используются при чтении курса по международному бизнесу и правам человека, то есть с помощью чего получаемая информация становится доступной, понятной, логически выстроенной, интересной для слушателей? Для ответа на поставленный вопрос необходимо прежде всего разобраться в терминологии: что такое метод познания? какая классификация методов дает нам более достоверную информацию по исследуемой тематике?

Если мы говорим непосредственно о терминах, то для конкретизации, на наш взгляд, важно обратиться к такой науке, как теория государства и права, так как она была и будет основой для всех существующих на сегодняшний день направлений в праве, в том числе и для международного бизнеса и прав человека.

Итак, что же такое метод познания (самого права, правового явления, государства)? Обратимся к работам известных отечественных исследователей в данной области: В.В. Лазарева, А.С. Пиголкина.

В своей работе профессор В.В. Лазарев говорит о существовании такого термина, как «научная методология права и государства» и характеризует его как «применение обусловленной философским мировоззрением совокупности определенных теоретических прин-

ципов, категорий, логических приемов и специальных методов исследования государственно-правовых явлений»¹. В свою очередь профессор А.С. Пиголкин дает более простую характеристику данному термину: «это принципы, способы, приемы познания, совокупность которых принято именовать методологией науки»². Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующий вывод: независимо от личных подходов ученых к данному вопросу, остается смысл, объединяющий их все, который заключается в том, что под методологией прежде всего подразумевается совокупность различных принципов, средств и способов, необходимых для познания того или иного явления в праве. Прежде чем анализировать непосредственно виды методов, используемых в праве, по нашему мнению, нужно акцентировать внимание на одном из его элементов – принципах.

С точки зрения теории права и государства, принципы познания представляют собой «те исходные начала, от которых как бы отталкивается наука при исследовании своего предмета»³.

Теперь перейдем к классификации методов познания в теории государства и права. В данном случае следует помнить важное правило, заключающееся в следующем: сколько ученых, столько и мнений, поэтому количество видов методов познания права и государства может быть достаточно обширным. На наш взгляд, несмотря на это, следует взять за основу классификацию методов познания права и государства, предоставленную А.С. Пиголкиным. Итак, согласно точке зрения указанного ученого методы представляют собой совокупность принципов, способов и приемов, используемых в познании теории права и государства. Возникает вопрос, для чего используются принципы? А.С. Пиголкин отвечает на данный вопрос следующим образом: «принципы познания — это те исходные начала, от которых как бы отталкивается наука при исследовании своего предмета»⁴. Ученый выделяет

такие принципы, как принцип историзма, объективности, всесторонности, плюрализма. Под первым принципом подразумевается: «исторический подход требует рассмотрения государственных и правовых явлений в развитии, в их исторической взаимосвязи»; второй принцип – «истинное отражение государственно-правовой действительности в научном знании, воспроизведение ее такой, какой она существует реально»; третий принцип – «государственно-правовые явления должны исследоваться с различных позиций, в их взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни»; четвертый принцип – «Речь идет о многоаспектности в исследовании государства и права»⁵. Далее А.С. Пиголкин указывает на тот факт, что в теории государства и права существующую совокупность методов познания принято подразделять на три основные группы: философские, общенаучные и частнонаучные (специальные). Исходя из названий методов, мы можем констатировать, что философские и общенаучные используются всеми существующими отраслями права, в том числе международным публичным правом. Принимая во внимание цель статьи, для нас важными являются частнонаучные (специальные) методы познания. К таким методам профессор А.С. Пиголкин относит: «формально-логический – позволяет формулировать понятия, отражающие отдельные, общие стороны, выявлять свойства правовых явлений либо явлений в целом...; сравнительный метод включает в государственно-политической и правовой практике приемы сопоставления сходных объектов познания, существующих одновременно или раздельно в известном периоде времени...; исторический метод является основным способом познания права и государства, исторических, политических и правовых учений, т.е. закономерностей становления и развития государства и права»⁶.

Теперь, аккумулировав совокупность методов познания, представленных теорией государства и права, мы можем рассмотреть вопрос следующего характера: насколько указанные методы действительно применимы в таком направлении, как «международный бизнес и права человека» и что конкретно нового

¹ Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. С. 35.

² Теория государства и права : учеб. для бакалавров / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев ; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 3-е изд., перераб и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 58.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Теория государства и права... С. 62.

⁶ Там же. С. 70.

и полезного привносится ими при получении знаний по данной проблематике?

Для начала необходимо установить, применяются ли при исследовании вопросов защиты прав человека в сфере международного бизнеса указанные профессором А.С. Пиголкиным принципы? На наш взгляд, все принципы активно используются в курсе «международный бизнес и права человека». Принцип объективности проявляется в констатации реальных фактов, происходящих в рассматриваемый период. Например, указание на конкретные нарушения прав человека со стороны ТНК: право на жизнь – против компании Black Water выдвинуты несколько судебных исков в связи с перестрелками в Багдаде в 2007 году, в результате которых погибли 17 гражданских лиц; трудовые права человека – в Узбекистане принуждали детей работать на хлопковых плантациях бесплатно, затем хлопок продавался на мировых рынках, где он покупался и использовался крупными компаниями. Принцип всесторонности также используется: проводится анализ как действий государств и международных организаций в указанной области, так и ТНК, профсоюзов, национальных правозащитных учреждений и т.д. Примером служит деятельность Форума ООН по вопросам предпринимательской деятельности и правам человека⁷. Принцип плюрализма проявляется в исследовании вопроса защиты прав человека в сфере международного бизнеса с применением доктринального подхода к проблеме как отечественной, так и зарубежной науки.

Что касается методов познания, используемых в вопросе защиты прав человека в сфере международного бизнеса, то на сегодняшний день ситуация следующая:

– формально-логический метод – через призму понятий, определений позволяет увидеть взаимосвязь между бизнесом и правами человека (например, проект «инициатива лидеров бизнеса по правам человека», существовавший с 2003 по 2009 год, всю свою деятельность направлял на определение практических способов реализации Всеобщей декларации прав человека в контексте бизнеса);

– сравнительный метод – применительно к международному бизнесу и правам человека позволяет, с одной стороны, исследовать статистические данные, с другой – проследить за ролью международных организаций в формировании нормативно-правовой базы в данной сфере (например, в 1975 году были приняты руководящие принципы ОЭСР, действие которых распространяется только на членов данной организации и, соответственно, на ТНК, осуществляющих свою деятельность на территории государств-членов. В 2000 году принимается Глобальный договор – «в настоящее время он насчитывает 12 000 участников, из них 8 000 бизнес-предприятий, работающих на территории 145 стран по всему миру»⁸;

– исторический метод – с помощью него можно поэтапно проследить за развитием такой сферы, как международный бизнес и права человека; насколько сильно повлияли на данную сферу существовавшие исторические процессы (например, деятельность ООН по данному вопросу: все начиналось именно с образования ООН с 1945 года, затем после принятия в 1948 году Всеобщей декларации прав человека постепенно осуществляется попытка регулирования защиты прав человека в сфере международного бизнеса; с учетом происходящих событий в 2011 году разрабатываются и принимаются руководящие принципы предпринимательской деятельности.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо сконцентрироваться на следующих фактах:

– для получения наиболее достоверной, логической информации, касающейся вопроса защиты прав человека в сфере международного бизнеса, действительно необходимо применение конкретных приемов и способов (методов исследования);

– классификация и виды методов, как было показано в статье, представлены в теории государства и права как основы для всех наук;

– несмотря на большое количество видов методов познания для такого направления, как защита прав человека в сфере международного бизнеса, подходят так называемые частнонаучные или специальные методы познания.

⁷ Официальный сайт Форума ООН по вопросам предпринимательской деятельности и правам человека. URL: <http://www.ohchr.org/ru/Issues/Business/Forum/Pages/ForumonBusinessandHumanRights.aspx> (дата обращения: 20.10.2014).

⁸ Официальный сайт Глобального договора. URL: <https://www.unglobalcompact.org/ParticipantsAndStakeholders/index.html> (дата обращения: 20.10.2014).

ПОРОЧНЫЕ СДЕЛКИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

ПАРАМОНОВА Анастасия Евгеньевна

Аннотация. Статья посвящена проблеме правовой природы недействительных сделок и их видов. По месту, занимаемому в системе юридических фактов, выделено три вида сделок, не соответствующих закону: ничтожные, оспоримые и иные. Два последних вида, будучи действительными сделками, объединяются понятием «порочных», в то время как ничтожные сделки представляют собой неправомерные действия и не обладают сделочной природой.

Annotation. The article is devoted to the problem of the legal nature of invalid transactions and their types. It is submitted that there are void and voidable transactions and the third type – other illegal transactions that entail special consequences prescribed by the law. Void transactions are not transactions, but offence in nature so they have another position in the system of legal facts than other types of invalid transactions which are lawful acts.

Ключевые слова: сделка, сделка, не соответствующая требованиям закона, недействительность сделок, ничтожная сделка, оспоримая сделка, неправомерное действие, порочные сделки.

Key words: transaction, illegal transaction, invalidity of transactions, void transaction, voidable transaction, offence, transactions with legal defects.

Вопрос о правовой природе оспоримых и ничтожных сделок, которые традиционно рассматриваются в качестве разновидностей недействительных сделок, является одним из наиболее дискуссионных в цивилистике.

В дореволюционной литературе распространение получила точка зрения о выделении двух видов недействительных сделок: абсолютно и относительно недействительных. В то же время их правовая природа не являлась предметом тщательного исследования: несмотря на признание за сделкой свойства правомерности, дореволюционные ученые не развивали идею о «правонарушительном» характере недействительных сделок¹. Одним из исключений служит позиция Н.Л. Дювернуа, который, различая абсолютно недействительные и относительно ничтожные сделки, усомнился в корректности применения к ним термина «сделка»: «сделка, которая ни к чему не ведет, должна ли именоваться сделкой, не составляет ли она в этом своем составе безразличное для юри-

дического обмена явление...»². В продолжение своих рассуждений ученый предложил не изменять прижившейся в законодательстве и гражданском обороте терминологии, но считал необходимым разграничивать такие явления, как сделка-акт (волеизъявление) и сделка-эффект (последствия акта, на которые была направлена воля сторон). Именно последняя, по мнению Н.Л. Дювернуа, может быть недействительной³.

¹ См., например: Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 1997. Ч. 1. С. 179; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 113–127.

² Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. М., 2004. Т. 2. С. 261–262. В современной науке подобной точки зрения придерживается Д.О. Тузов: «Недействительная сделка не отвечает предусмотренной для нее нормативной схеме и в этом смысле не существует для права, не производя связываемого с ее типом правового эффекта. <...> Недействительная сделка как таковая (именно как сделка) юридическим фактом не является. Это действие, для права безразличное...» (Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. С. 63). Иное мнение было высказано предшественником Н.Л. Дювернуа Д.И. Мейером, который, отмечая «мертворожденный» характер ничтожной сделки, указывал следующее: «если не наступают прямые последствия сделки – те последствия, которые влекла бы она за собой, будучи действительной, то отсюда не следует еще, что сделка лишена всякого юридического значения. Факт, что сделка совершена, все-таки существует и может влечь за собой другие юридические последствия, например последствия нарушения права, если сделка составляет такое юридическое действие» (Мейер Д.И. Указ. соч. С. 206).

³ См.: Дювернуа Н.Л. Указ. соч. С. 262–286.

В советской цивилистике, напротив, свойство правомерности сделки стало предметом оживленной дискуссии. Д.М. Генкиным была высказана позиция, согласно которой «правомерность или неправомерность не является необходимым элементом сделки как юридического факта, а определяет лишь те или другие последствия сделки»⁴. Таким образом, и действительные, и недействительные сделки, по мнению ученого, обладают сделочной природой. Несколько иной точки зрения придерживалась Н.В. Рабинович, которая прямо наделяла недействительные сделки свойством неправомерности, но, тем не менее, не отказывала им в сделочной природе, отмечая, что «точно также не перестает быть административным актом тот акт, который является незаконным»⁵. Однако среди советских ученых возобладало и на настоящий момент считается общепризнанным мнение, высказанное, в том числе, И.С. Перетерским, О.А. Красавчиковым, Ф.С. Хейфецем, о конститутивном характере признака правомерности сделки и об отнесении недействительных сделок к разряду действий неправомерных⁶.

Другой темой для широкого обсуждения в советской научной литературе послужило выделение видов недействительных сделок с разработкой соответствующего категориального аппарата. Так, И.Б. Новицкий предложил вместо деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые классифицировать их на абсолютно и относительно недействительные⁷. В.А. Рясенцев, в свою очередь, именовал последние относительно действительными⁸. М.М. Агарков считал необходимым использовать обобщающее понятие волеизъявления,

которое, будучи действительным, представляет собой сделку, а, являясь ничтожным, – «не сделку». При этом первое, по мысли автора, может быть безусловно или условно действительным (оспоримым)⁹. В то же время нередкими были высказывания об отсутствии принципиального практического и теоретического значения споров об используемой терминологии¹⁰.

Что касается оснований выделения видов недействительных сделок, то представляется спорной отстаиваемая некоторыми учеными позиция, согласно которой критерием разграничения оспоримых и ничтожных служит способ (метод) признания их недействительными – по иску заинтересованного лица или без такового¹¹. Очевидно, что способ установления недействительности не является конститутивным признаком оспоримой или ничтожной сделок. Напротив, отнесение конкретной сделки к одному из видов недействительных сделок является предпосылкой для выбора того или иного способа защиты (абз. 4 ст. 12 ГК РФ).

Современные исследования по освещаемой нами проблеме в большей степени касаются правовой природы отдельных разновидностей недействительных сделок. Мы согласны с теми цивилистами, которые отводят ничтожным и оспоримым сделкам разное место в системе юридических фактов и в этом видят основание их деления¹². Представляется, различие оспоримых и ничтожных сделок лежит в их фактическом составе.

Порок, сопровождающий ничтожную сделку, входит в ее фактический состав, в само существо сделки. Вследствие этого последняя не имеет сделочной природы, и, будучи действием неправомерным, не порождает желаемые сторонами правовые последствия (например, при ее обязательственном характере не вле-

⁴ См.: Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Учен. зап. ВИЮН. М., 1947. Вып. V. С. 50.

⁵ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 11.

⁶ См.: Перетерский И.С. Сделки, договоры // Гражданский кодекс ГК РСФСР: Научный комментарий (с учетом гражданских кодексов союзных республик) / под ред. С.М. Прушицкого, С.И. Раевича. М., 1929. Вып. V. С. 6; Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. М., 2005. Т. 2. С. 174–176; Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. 2-е изд. М., 1999. С. 38–42.

⁷ См.: Новицкий И.Б. Недействительные сделки // Вопросы советского гражданского права. М., 1945. С. 35–37.

⁸ См.: Рясенцев В.А. Сделки по советскому гражданскому праву. М., 1951. С. 18–19.

⁹ См.: Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. 2. С. 343–347.

¹⁰ См., например: Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 295–298; Хейфец Ф.С. Указ. соч. С. 53–54. В настоящее время данного взгляда придерживается А.П. Сергеев (см.: Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева. М., 2011. Т. 1. С. 488–490).

¹¹ См., например: Рабинович Н.В. Указ. соч. С. 14; Хейфец Ф.С. Указ. соч. С. 54–55.

¹² Чуваков В.Б. Порочные сделки в системе юридических фактов // Сборник ст. к 50-летию Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2001. С. 21–34.

чет возникновение регулятивных прав и обязанностей сторон). Ничтожная сделка по причине присутствия в ее фактическом составе порока является основанием возникновения лишь охранительного правоотношения, где заинтересованное лицо имеет охранительное субъективное гражданское право требовать признания отсутствия правовых последствий, для наступления которых совершалась сделка¹³.

Напротив, сопровождающий оспоримую сделку порок не охватывается ее фактическим составом, ввиду чего не может оказать влияния на ее свойство правомерности. В силу этого оспоримая сделка как действие правомерное порождает желаемые сторонами правовые последствия, в частности регулятивные права и обязанности в случае ее обязательственной природы¹⁴. В свою очередь, порок, вынесенный за пределы фактического состава сделки и не влияющий на ее существо, является основанием возникновения охранительного права на оспаривание совершенной сделки¹⁵. В случае реализации данного права заинтересованным лицом, суд прекращает действие последней, по общему правилу, лишь на будущее время (п. 3 ст. 167 ГК РФ). При этом судебное решение не превращает обладающую свойством правомерности сделку в действие неправомерное¹⁶.

Таким образом, оспоримая и ничтожная сделки представляют собой различные по своей правовой природе явления: правомерное действие, сделку, и неправомерное действие, «не сделку», соответственно. В то же время, как указывается в юридической литературе, точного критерия разграничения пороков, в результате наличия которых сделки являются оспоримыми или ничтожными, выделить невозможно, и, в сущности, все зависит от целесообразности их законодательного отнесения

к той или иной категории¹⁷. Данную позицию подтверждают и свершившиеся изменения в ГК РФ, в результате которых презумпция ничтожности не соответствующей закону сделки была заменена общей презумпцией ее оспоримости (п. 1 ст. 168 ГК РФ).

Что касается используемой терминологии, то представляется справедливым замечание о некорректности употребления категории «недействительная сделка» для обозначения ничтожных и оспоримых сделок, поскольку, с точки зрения русского языка, «недействительность» предполагает «отсутствие действия». В то же время в гражданском обороте встречаются сделки, непосредственно не производящие в момент их совершения желаемый сторонами правовой эффект, но при этом не страдающие каким-либо пороком (например, отлагательно обусловленные сделки до наступления соответствующих условий), равно как и совершение не каждой противоречащей требованиям закона сделки влечет ее недействительность в смысле ст. 166 ГК РФ¹⁸. В за-

¹³ См.: Крашенинников Е.А. Последствия совершения порочных сделок // Проблемы понятийного аппарата гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С. 50–51.

¹⁴ См., например: Крашенинников Е.А. Этюды о природе юридических фактов // Методологические проблемы теории юридических фактов. Ярославль, 1988. С. 3–6 ; Чуваков В.Б. Указ. соч. С. 19–34 ; Он же. К теории ничтожных сделок // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2008. Вып. 15. С. 19–31.

¹⁵ См.: Чуваков В.Б. Порочные сделки в системе юридических фактов. С. 28–33.

¹⁶ См.: Крашенинников Е.А. Последствия совершения порочных сделок. С. 43.

¹⁷ См., например: Сергеев А.П. Некоторые вопросы недействительности сделок // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2004. Вып. 11. С. 11–14. Тем не менее в литературе предпринимались попытки разрешить данную проблему. Так, И.Б. Новицкий видел основанием разделения пороков их важность с точки зрения социалистического государства, указывая: «государство выделяет в одну группу более важные случаи, когда сделка нетерпима с точки зрения государства, <...> и относит в другую группу случаи, признаваемые государством менее важными с точки зрения социалистического общества» (Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 69). Кроме того, высказывалась точка зрения о применении критерия очевидности или скрытости порока как основания признания в качестве последствия его наличия ничтожности или оспоримости сделки (см.: Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 69 ; Иоффе О.С. Указ. соч. С. 260). Слабость указанных позиций объясняется, во-первых, субъективным характером предлагаемых критериев и, во-вторых, несоответствием их специальным правилам недействительности сделок (ст. 169–179 ГК РФ), устанавливающим различные последствия для одинаково очевидных пороков, посягающих на в равной степени важные общественные отношения (ср., напр.: ст. 171 и п. 1 ст. 179 ГК РФ). Г.Ф. Шершеневич считал возможным определить критерий разграничения пороков следующим образом: пороки, приводящие к оспоримости сделки, посягают на интересы частного лица, в то время как пороки, имеющие следствием ничтожность сделки – на интересы всего оборота (см.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 178–179). Этот, на первый взгляд, очевидный подход нашел отражение в действующей редакции ст. 168 ГК РФ, где отнесение сделки к оспоримым либо ничтожным зависит от того, посягает ли она на публичные интересы либо права или охраняемые законом интересы третьих лиц. В то же время в специальных предписаниях о недействительности сделок указанный критерий не реализован (ср., напр.: ст. 172, 173¹, 177 ГК РФ).

¹⁸ См.: Крашенинников Е.А. Последствия совершения порочных сделок. С. 41 ; Чуваков В.Б. Понятие и виды порочных сделок // Юрид. зап. ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль, 1999. Вып. 3. С. 144–145.

конодательстве предусмотрен ряд случаев, когда сопровождающий сделку порок влечет за собой последствия, отличные от ничтожности или оспоримости сделки. Так, несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (п. 1 ст. 162 ГК РФ). Специальные последствия установлены и для отчуждения заложенной вещи без согласия залогодержателя, который в этом случае, по общему правилу, приобретает право потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства или обратиться с иском на предмет залога (абз. 2 п. 2 ст. 346, ст. 351 ГК РФ). В связи с изложенным видится целесообразным употребление в отношении сделок (в тесном смысле этого слова), не соответствующих требованиям закона, обобщающего термина «порочные сделки», разновидностями которых являются оспоримые сделки и сделки, для которых установлено иное юридическое значение сопровождающего их порока.

В результате анализа представленных точек зрения мы пришли к следующим выводам:

- сделка носит правомерный характер;
- ничтожная сделка содержит в себе такой порок, который, поражая само ее существо, сообщает ей свойство неправомерности, ввиду чего это противоправное действие не имеет сделочной природы и порождает лишь охранительное правоотношение, но не те правовые последствия, наступления которых желали совершающие его субъекты. В этой связи ничтожная сделка сделкой как таковой не является, и употребление в отношении нее данного термина можно оправдать лишь традицией;

- сделки в собственном смысле этого слова, не соответствующие требованиям нормативных актов, необходимо именовать порочными;

- порочные сделки (в изложенном выше значении) обладают свойством правомерности, в связи с чем порождают желаемые их сторонами правовые последствия. Пороки, сопровождающие данные сделки, влекут появление права на их оспаривание у указанных в законе лиц (оспоримые сделки) или возникновение иных специальных охранительных правоотношений.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.А. НОВОСЕЛОВОЙ И Т.П. ПОДШИВАЛОВА «ВЕЩНЫЕ ИСКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»

СИВЦОВА Анна Васильевна

Судебная практика часто сталкивается с рассмотрением вещных исков, поэтому их систематизация и попытка предложения их общей характеристики заслуживают поддержки. Актуальность рецензируемой книги¹ объясняется как малой изученностью, так и множеством поднимаемых в ней вопросов практического и теоретического характера. В судебной практике и теории гражданского права встречается довольно большое количество требований, направленных на защиту вещных прав, что обуславливает объективную необходимость систематизации и квалификации таких требований, в том числе давая общую характеристику всех вещных исков в целом.

Структура рецензируемой монографии предельно детализирована и логически верна: по каждому конкретному вопросу имеется указание в оглавлении, а все параграфы разбиты на несколько взаимосвязанных пунктов. Такой структурирующий подход к изложению материала упрощает чтение и, как следствие, поиск информации внутри книги по определенному вопросу.

Необходимо отметить, что сильной стороной рецензируемой книги является то, что она написана на основе глубокого анализа доктрины гражданского права. Большой объем цитирования позволяет познакомить читателя со многими точками зрения и достижениями современной цивилистики. Среди достоинств работы стоит отметить, что в ней приводятся положения Концепции развития гражданского законодательства, на основе которой был подготовлен проект закона о внесении изменений в ГК РФ.

Среди неоспоримых достоинств рецензируемой монографии стоит назвать, во-первых, новизну – аналогичных изданий на современном этапе развития гражданского законода-

тельства не издавалось. В настоящее время имеются либо работы, посвященные конкретным вещным искам, например виндикационному иску, либо работы, посвященные защите вещных прав в целом, где рассматриваются только отдельные проблемы вещной защиты.

Во-вторых, безусловный плюс – в монографии проведен комплексный и всесторонний анализ вещных исков. При этом дана общая характеристика системы последних, подробно рассмотрены все вещные иски, проанализированы проблемы их соотношения и конкуренции. Таким образом, книга полностью раскрывает вопросы применения вещных исков, и, что самое важное, не носит фрагментарного или узконаправленного характера. Рецензируемая научная работа является итогом обстоятельного научного изыскания, а изложенные в ней достижения способны оказать содействие дальнейшему развитию научных исследований в заявленной тематике. Особо следует отметить последовательность работы авторов над рецензируемой монографией. Так, судя по публикациям, ими проделан большой объем научных исследований, предшествующих изданию книги. Авторами опубликованы работы, посвященные исследованию системы вещных исков², реализации вещных исков в охранительном правоотношении³, проблемы их конкуренции⁴, в том числе при установлении вещных прав⁵, виндикации⁶, негаторного иска⁷,

² См.: Подшивалов Т.П. Негаторный иск : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 54–71.

³ См.: Подшивалов Т.П. Охранительные правоотношения и нормы: гражданско-правовой аспект // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Серия «Право». 2012. № 43. Вып. 32. С. 73–76.

⁴ См.: Подшивалов Т. Вещные иски: конкуренция и сочетание // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 19–22.

⁵ См.: Подшивалов Т.П. Судебное установление сервитута // Современное право. 2012. № 7. С. 112–115.

⁶ См.: Новосёлова А.А., Подшивалов Т.П. Виндикационный иск: проблемы элементного состава // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Серия «Право». 2008. № 8. Вып. 14. С. 90–91.

¹ Новосёлова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики : моногр. М. : ИНФРА-М, 2012. 279 с.

иска об освобождении имущества от ареста⁸, общей оценки состояния доктрины и законодательного регулирования вещно-правовых требований⁹.

В-третьих, приводимый в монографии материал носит проблемный характер: в нем рассматривается значительный объем проблем как правоприменения, так и теории. При этом авторы предлагают новые и действенные способы их преодоления.

Значимость рецензируемой работы состоит в том, что положения и выводы, полученные в ходе исследования, могут служить прекрасной основой для совершенствования российского законодательства, регулирующего защиту вещных прав. Содержание рецензируемой монографии свидетельствует о глубоком и зрелом осмыслении авторами проблем вещно-правовой защиты, что представляет немалый научный интерес и имеет практическую значимость.

Однако, как свойственно любому труду, монография «Вещные иски: проблемы теории и практики» не лишена и недостатков. Во-первых, на с. 88 авторы утверждают, что предметом виндикационного иска «...будут являться требования 1) об истребовании вещи из незаконного владения и 2) о возврате ее истцу». Такое утверждение не совсем согласовывается с мнением авторов, высказанным на с. 47, что предметом иска является способ защиты права. Гражданский кодекс Российской Федерации прямо предусматривает такой способ защиты права, как виндикация. Его разделение на два предлагаемых требования кажется искусственным.

Во-вторых, на с. 49 приводится мнение А.М. Эрделевского о невозможности виндикации недвижимости. Здесь было бы целесообразно рассмотреть и другие точки зрения, в частности аргументы, высказанные Е.А. Сухановым, которые рассматриваются в книге, но уже в другом месте (с. 231–233). С позиции современной отечественной судебной практики такое мнение, конечно, ошибочно, но с позиций теории было бы целесообразно рассмотреть

этот вопрос более подробно, описать аргументы и возражения против нее, тем более авторы исследовали вопрос о правовой природе государственной регистрации прав на недвижимое имущество¹⁰.

В-третьих, на с. 123–125 авторы проводят обзор точек зрения на определение иска об исключении имущества из описи, однако, к сожалению, так и не дают своего определения этому иску. Логическим завершением подобного разбора должно быть либо присоединение к какой-либо из высказанных ранее точек зрения, либо формулирование своей точки зрения. Однако ни того, ни другого авторы не делают, несмотря на то, что подобное определение формулировалось в более ранних работах¹¹.

В-четвертых, не совсем ясно положение, что, в случае конкуренции между исками собственника и титульного владельца, когда титульное владение может быть прекращено на основании одностороннего заявления собственника (например, если договор между собственником и титульным владельцем заключен на неопределенный срок, в котором момент возврата вещи определен моментом востребования), имущество должно быть возвращено собственнику (с. 78–79). Исходя из посылок авторов, изложенных в более ранних работах¹², в случае действующего договора, имущество подлежит возврату титульному владельцу. Сама по себе возможность прекращения договора односторонним волеизъявлением собственника не свидетельствует о прекращении договора.

Впрочем, наличие недостатков свойственно для любого научного произведения, и поскольку цель любого рецензирования состоит в оказании помощи авторам в дальнейшем улучшении их произведения, то критические замечания, не нося концептуального характера, никоим образом не умаляют научных достоинств рецензируемой монографии.

⁷ См.: Подшивалов Т.П. Определение сферы применения негаторного иска // Современное право. 2010. № 12. С. 60–62.

⁸ См.: Подшивалов Т.П. Освобождение имущества от ареста: проблема квалификации требования // Закон. 2010. № 6. С. 62–69.

⁹ См.: Подшивалов Т.П. Негаторный иск и защита прав на недвижимое имущество // Закон. 2011. № 1. С. 86–95.

¹⁰ См.: Подшивалов Т.П. Правовое значение государственной регистрации прав на недвижимость // Современное право. 2012. № 10. С. 74–76.

¹¹ См.: Подшивалов Т.П. Соотношение иска об освобождении имущества от ареста и негаторного иска // Современное право. 2010. № 4. С. 92–95.

¹² См.: Подшивалов Т.П. Негаторный иск: проблемы теории и правоприменительной практики // Российский судья. 2010. № 10. С. 12.

В качестве подведения итогов следует сказать, что книга А.А. Новосёловой и Т.П. Подшивалова «Вещные иски: проблемы теории и практики» как обстоятельное и профессиональное издание, безусловно, заслуживает высокой положительной оценки. Рецензируемая монография, несомненно, может заинтересовать читателей: в первую очередь это

связано с тем, что здесь уделяется большое внимание практике работы арбитражных судов. При этом в ней нет обычного в таких случаях цитирования судебных решений по конкретным делам, а представлен полноценный анализ и обобщение. И именно поэтому книга будет интересной практикующим юристам.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аракелян Элина Рубеновна – аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

E-mail: info@ncfu.ru

Борисов Сергей Викторович – профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Московский университет министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя», доктор юридических наук, доцент.

E-mail: svb8@yandex.ru

Воронина Наталья Павловна – доцент кафедры экологического и природоресурсного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: nvoroninamgua@yandex.ru

Гешелин Михаил Ильич – консультант Ярославского Центра экономического и налогового просвещения.

E-mail: migeshelin@yandex.ru

Глазкова Лилия Владимировна – старший преподаватель ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», кандидат юридических наук.

E-mail: Glazkova_lily@mail.ru

Горбунов Станислав Николаевич – доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: sip-29@yandex.ru

Денисова Любовь Николаевна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина», доктор исторических наук, профессор.

E-mail: lubadenisova@rambler.ru

Дудоров Тимофей Дмитриевич – доцент кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

E-mail: cfrap@gu.ru

Ершова Анна Викторовна – магистрант кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

E-mail: anna.ershova5@yandex.ru

Иванова Жанна Борисовна – доцент кафедры гражданского права и процесса ГОУ ВПО «Коми республиканская академия государственных службы и управления», кандидат юридических наук.

E-mail: ivanova@kragu.ru

Ирошников Денис Владимирович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: d.iroshnikov@rsu.edu.ru

Калашников Сергей Валерьевич – профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина», доктор юридических наук.

E-mail: akvariymist@mail.ru

Кислицына Наталия Феликсовна – ассистент кафедры международного права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат юридических наук.

E-mail: kis-nataliya@yandex.ru

Климова Анна Николаевна – доцент кафедры предпринимательского и трудового права ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», кандидат юридических наук.

E-mail: a.klimova@rsu.edu.ru

Косенко Елена Владиславовна – доцент кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Ларин Виктор Юрьевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

E-mail: v.yu.larin@yandex.ru

Минашкин Геннадий Геннадьевич – прокурор отдела по надзору за исполнением законов в сфере экономики управления по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Рязанской области, соискатель кафедры административного и финансового права ФКОУ ВПО «Академия права и управления ФСИН России».

E-mail: minaschkin@yandex.ru

Молчанов Борис Алексеевич – профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: mgb-pravo@yandex.ru

Мосин Сергей Анатольевич – докторант кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», кандидат юридических наук.

E-mail: m-sa81@yandex.ru

Нацвалова Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры культуры предпринимательства факультета управления и предпринимательства НИУ «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского».

E-mail: marinamun2107@mail.ru

Пантюхина Инга Владимировна – заведующая кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: i.pantyhina@rsu.edu.ru

Парамонова Анастасия Евгеньевна – магистрант I курса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова».

E-mail: paramonova.anastasia@gmail.com

Поляков Александр Иванович – аспирант НОУ ВПО «Международный юридический институт».

E-mail: 7197690@mail.ru

Пулик Алексей Владимирович – аспирант кафедры торгового права Университета в Белостоке (Польша), аспирант направления «национальная безопасность» Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце (Польша).

Email: pulik-av@bk.ru

Пучкова Виктория Викторовна – доцент кафедры общепрофессиональных и специальных правовых дисциплин Смоленского филиала НОУ ВПО «Международный юридический институт», кандидат юридических наук.

E-mail: viktoriya-puchko@mail.ru

Румянцев Фёдор Полиектович – профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета НИУ «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», доктор юридических наук.

E-mail: odo-328@mail.ru

Середа Ирина Михайловна – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского юридического института (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: irina-sereda@mail.ru

Сивцова Анна Васильевна – доцент кафедры юриспруденции в филиале ЧОУ ВПО «Балтийский институт экологии, политики и права».

E-mail: avsivtzova@yandex.ru

Соловьев Олег Геннадьевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова», кандидат юридических наук.

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Томей Юрий Сергеевич – следователь-криминалист военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Санкт-Петербургскому гарнизону, капитан юстиции.

E-mail: yura-tom@mail.ru

Туманова Елена Валерьевна – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», адвокат Московской столичной коллегии адвокатов.

E-mail: tumanovaelena1@gmail.com

Фадеев Виктор Николаевич – профессор кафедры криминологии ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: fadei87@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

Статья представляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски автоматические постраничные, кегль 12, поля: 2,0 см.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках (при необходимости издательство оказывает услуги по квалифицированному переводу текста на английский язык). Подробнее в разделе «Перевод текста».

Материалы, не отвечающие вышеперечисленным требованиям, не принимаются к публикации!

Статьи следует направлять по адресу электронной почты: jur-science@mail.ru

Все рукописи в обязательном порядке рецензируются. С Порядком рецензирования рукописей можно ознакомиться в разделе «Рецензирование».

После принятия статьи к публикации автору направляется по электронной почте счет на оплату соответствующих услуг.

Стоимость публикации составляет 250 рублей за одну страницу текста (включает в себя стоимость авторского экземпляра журнала, а также почтовые расходы). Авторы из стран СНГ дополнительно оплачивают 100 рублей за международную пересылку.

Статьи докторов юридических наук, а также зарубежных авторов (кроме стран СНГ) публикуются бесплатно (в пределах 14 страниц).

Автору высылается один бесплатный экземпляр журнала. При необходимости автор вправе заказать дополнительные экземпляры журнала (стоимость одного дополнительного экземпляра – 500 рублей (включая почтовые расходы), при международной пересылке – 600 рублей).

При публикации статьи в журнале автор передает издательству право на распространение статьи (включая информацию об авторе) любым способом (размещение на сайте журнала, в научных электронных библиотеках, в справочно-правовых системах и т.п.) без выплаты автору вознаграждения.

Данное предложение является публичной офертой в соответствии со ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков).

5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию.

8. Сроки рецензирования рукописей:

8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в соответствии с п. 2 Порядка в течение семи дней с момента получения рукописи редакцией.

8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

8.3. В сроки, указанные в п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

8.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.

9. Содержание рецензии:

9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

9.1.1. соответствие содержания статьи ее названию;

9.1.2. актуальность темы исследования;

9.1.3. научная новизна полученных результатов;

9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).

9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.

9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;

9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;

9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;

9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.

10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п. 9.3.2–9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.

12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.

13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом.

Корректор *Смурова Надежда Васильевна*
Верстка *Твердоступ Марина Вячеславовна*

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «ЭКОТЕКСТ»
390046, г. Рязань, Скорбященский проезд, д. 18
Тел./ф.: 8(4912) 24-04-09, 24-06-09